

М.К. Соколов. **Пейзаж с розовым домом.** 1935 – 1938 Из цикла «**Уходящая Москва**» Холст, масло. 80,5 х 95,3

н.м. михайлова

усадьба

POMAH

посвящаю маме, бабушке и деду

MOCKBA 2006

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЮ

Роман «Усадьба» был написан весной 1991 года, в канун развала Советской Империи. В зависимости от точки зрения, эту страну можно изображать как Архипелаг ГУЛАГ, а можно воспринимать и по-другому, например, как Большую Усадьбу. Придерживаясь второй точки зрения, автор, на примере «отдельно взятой» усадьбы, хотел показать, что признаки грядущей катастрофы ощущались задолго до её начала. Вот почему действие романа происходит за 10 лет до развала, в 1981 году. Иногда (для сравнения) действие переносится в то далекое прошлое, когда произошел развал Российской Империи, из которой родился Советский Союз.

Такой символический смысл «Усадьбы» не обязательно учитывать при чтении. Роман напичкан разного рода прелюбопытной информацией по истории фальсификаций, в нем происходит детектив. Нельзя не признать, что детектив и любовные отношения в «Усадьбе» прописаны слабо и потому вряд ли смогут увлечь современного читателя. Единственной «приманкой», пожалуй, может послужить актуальность музейной темы в связи с криминальными происшествиями в мире Культуры. В «Усадьбе» эта тема «прописана» со знанием дела, отчего роман может помочь пониманию того, что на Западе называется Art Crime (преступления, связанные с предметами искусства).

Наверное, надо, как это принято, сказать и о том, что всё в этом романе вымышлено и что совпадения лишь случайны. Но сказать так, значило бы сказать неправду. Конечно, такие второстепенные детали, как названия мест, имена и фамилии действующих лиц, их разговоры и тому подобное, – всё это вымышлено. Поэтому не стоит искать на картах Подмосковья город Зареченск, райцентр Ломакино, село Сурминово и тем более музей им. Лермонтова. В то же время, хочу заверить Вас в том, что (за исключением неизбежных в любой книге ляпсусов), факты, касающиеся истории и литературы, а также биографические сведения о людях, упомянутых под своими именами, взяты из доступных каждому энциклопедий, справочников и словарей.

Репродукции с картин и рисунков **художника М. К. Соколова**, представленные в этой книге, не являются иллюстрациями к роману, но, как мне кажется, они перекликаются с тем, о чём говорится в романе.

(дарственная подпись)

21 августа 2006 года. Москва

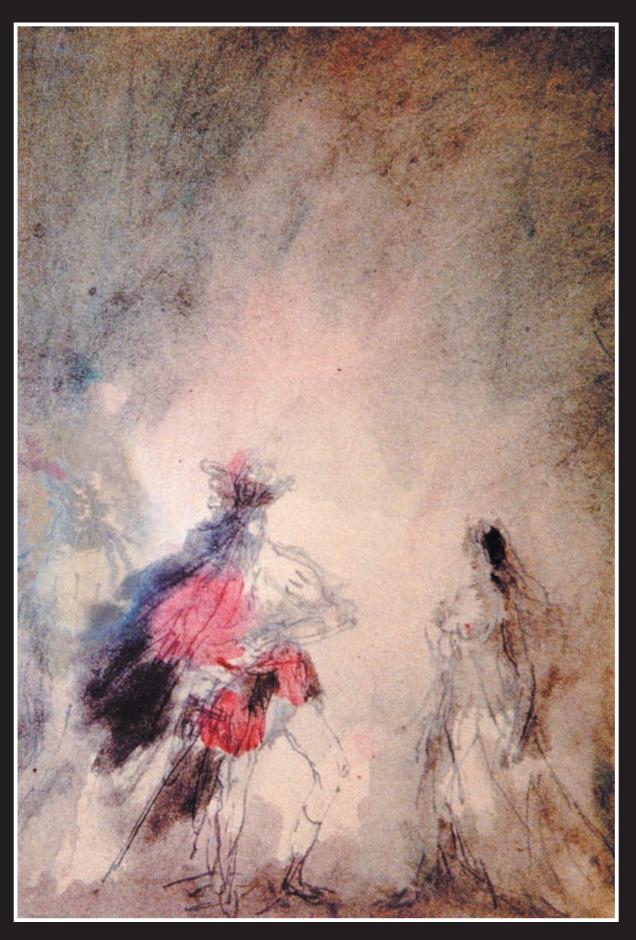
© Н.М. Михайлова «Усадьба». Роман.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО в Сурминове

И пробуждалось в нас сомненье роковое, Что гибель уж близка — что отданы мы ей. Наш праздник был хорош, хорош своей печалью, Как всё, что кончиться и умереть должно... Всё это было здесь... И странное всех нас, Невыразимое охватывало чувство, Когда мы думали, что скоро без следа Погибнет это всё, погибнет — навсегда.

Эдмонд Ростан. Прекрасный вечер

М.К. Соколов. **Кавалер и дама**. 1931 – 1935 Из цикла «*К Гофману*». Бумага, акварель, тушь, перо. 34,8 х 25,2

BOBOBOBOBOBOBOBOBO

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОРТРЕТ

Свеча нагорела. Портреты в тени... Афанасий Фет, 1862

С того дня прошло уже более двадцати лет. Не верится даже. Это сейчас я спокойно написала «Усадьба. Роман», а тогда и в мыслях ничего подобного не было. Романов мне еще не доводилось писать. Хотелось бы не соврать, но там, где роман, там вымысел, и, значит, искажение действительности неизбежно. Писать надо занимательно, иначе кто же будет мой роман читать? Выдумывать я совершенно не умею, а подлинные имена и названия в романах не принято оставлять — это же не очерк. Положим, с именами я справлюсь, но ведь прототипы, наверное, догадаются и могут на что-нибудь обидеться. Об этом лучше не думать, — в конце концов, пусть догадываются. Не ясно и то, как писать: от первого лица или от третьего? Попробую писать от первого лица, потому что от третьего все выглядит условно, надуманно, неправдоподобно. Выбрать название очень трудно, но еще труднее — начать.

С чего начать? Ведь жизнь непрерывна, а роман — всего лишь кусок, грубо вырванный из жизненной ткани. По краям его тянутся нити и в прошлое, и в будущее. И по правилам, и ради пользы, наверное, следует сначала ввести читателя в курс дела — описать место, время и хотя бы главных действующих лиц. Но мне не терпится начать, а уж потом, может, по ходу рассказа всё прояснится.

Итак, начну с того, как я ехала в электричке на работу в Сурминово после двухнедельного отсутствия. Был такой же сияющий мартовский день, как сегодня. Не ошибусь, если скажу, что это было утром во вторник — по вторникам у нас в Музее день присутственный. Все наши обычно едут во втором вагоне, откуда ближе бежать к остановке автобуса. Но я не люблю ездить со всеми — всё-таки лишний час одиночества и молчания жалко терять. Конечно, и тут не всегда везёт. Вот, пожалуйста. На Сосновской вошли три дамы, уселись в купе сзади меня и говорят непрерывно и довольно громко. Дамские разговоры меня всегда несколько озадачивают, напоминая первое действие из оперы «Евгений Онегин». Помните, когда старушка Ларина варит варенье, чуть ли не все вчетвером начинают петь. Ничего понять нельзя. Каждый поет о своём, и все сразу. И тогда, в вагоне, тоже началось одновременное говорение. Загадка, как они друг друга понимали. Невозможно было разобрать, о чём идёт речь. Но вдруг! Вот оно, то самое вдруг, с которого, пожалуй, можно начать роман. Вдруг на фоне «шумов» я чётко расслышала то, что геофизики называют « полезный сигнал».

 — Мне говорили, — медленно произнесла одна из собеседниц, — что в Сурминовском музее хранится портрет Старца из Глинской пустыни.

Две другие дамы дружно ахнули и тут же возбужденно зашептались.

Меня это сообщение задело. Портрет в усадьбе действительно хранился, но он не числился в инвентарных книгах. В те времена хранить *такой* Портрет было настолько опасно, что в музее даже не все сотрудники знали о его существовании, а тем более о том, *кто* на нём изображен. Да, опасно было, а тут во всеуслышание, да ещё в поезде, какая-то незнакомая особа объявляет. Мне хотелось увидеть, кто же из них это сказал, но оглянуться было положительно невозможно. Пришлось встать и выйти в тамбур покурить. Все три — лет под сорок. Одна — блондинка, и очень пикантная; две другие — худенькие, черные, беспокойные. О портрете говорила явно блондинка: уж больно лицо у нее было смиренно-торжествующее. *Торжествующее* — потому что она сообщила потрясающую новость, а *смиренное* — потому что новость была не простая, а «священная».

Вдруг они, как птицы, всполошились, головами закрутили туда-сюда, вскочили, схватили свои сумки и заспешили к выходу. Мы подъезжали к большой станции, поезд загромыхал на стрелках. В тамбуре они замолчали и оглядели меня с явным осуждением и даже брезгливостью, которую испытывают «церковные» к «безбожникам». Было ясно, что они едут к поздней обедне в Ломакинскую церковь, где служил модный батюшка. К нему, как говорят, «ездила вся Москва». Наконец, они вышли, и я вернулась на свое место.

Осадок неприятный остался. Усадьба вызывала у меня ощущение тревоги за неё – тревоги и жалости одновременно. Обстановка в музее явно не соответствовала окружающей жизни, а потому в любой момент могла возбудить «идеологические подозрения» и, как следствие, нашествие местных райкомовских или, того хуже, министерских комиссий. Иногда само её существование казалось мне чудом. Особенно летом, когда при утреннем обходе видишь усадебный Дом без посетителей. Открываешь окна, и тут же начинают трепетать занавески. В комнаты проникает запах жасмина, а из липовой аллеи доносится гомон галок. Теплый запах старой мебели в Кабинете и кожаных переплётов в Библиотеке; блики солнца на паркете в Большой гостиной. И вазочки с чуть увядшими за ночь цветами. Хрупко. Нереально. Но живо, живо, несмотря ни на что.

Да-а... Но, спрашивается, от кого же эта блондинка узнала о Портрете? Теперь вот понесла, растрезвонила. Эти две, чёрненькие, конечно, тоже не преминут рассказать своим знакомым — и, конечно, из самых лучших побуждений, так похожих на благие намерения.

Так. Вот, наконец, и моя станция. Народу сошло немного. Наши, музейные шли чуть впереди, стайкой. Скорее-скорее — автобус придёт минуты через две, и, если на него не успеешь, то или идти пешком три километра, или ждать следующего автобуса полтора часа. Но мы успели. Народу набилось много. В основном, это были жители ближайших сёл: Сурминова, Вавилова и Чиркина. С утра они обычно ездят за продуктами в станционные магазины. Проехали переезд и вырвались на волю, в простор полей, лесов и холмов. Вдали уже видны высокие купы лип и берёз усадебного парка. На полях тает снег. Грачи расхаживают, важничают. Автобус едет весело, народ оживлен — ведь солнце, солнце!

Остановка от Усадьбы близко. Я была в сапогах и потому рискнула пройти по задам усадебной ограды. Вошла в ветхую калитку и направилась к дому через парк.

Парк сиял белизной. Видимо, на вчерашнем солнце снег слегка подтаял и за ночь замерз. Теперь в косых лучах солнца снежный наст блестел и переливался искрами. Резко очерченные тени от стволов и тонких веток черным кружевом покрыли белый снег. Наглая и умная ворона Степанида грузно уселась на ветку ближайшей берёзы, стряхнув с нее снег. Мелкие кристаллы вспыхнули в солнечных лучах, осели у меня на лице и шапке. Тут же стали плавиться и радужными каплями повисли на концах ресниц.

У меня обе руки были заняты сумками с продуктами. Мы обычно выезжали в Усадьбу на всю неделю. И так как в местном магазине «Товаров повседневного спроса» с продуктами, мягко говоря, было неважно, то пропитание приходилось возить из Москвы. Дорожка была скользкая и узкая. Я шла осторожно, боясь упасть. Наконец, вышла на двор между Домом и Флигелем, где в зале стоял рояль, огромный стол и кресла, а в боковых комнатках проживали сотрудники музея. Впереди я увидела своё отражение: с такими же тяжеленными сумками меня ожидала Елизавета Алексеевна, Лиза. Ее меховая шапочка, серый воротник шубки, пушистые ресницы — вся она сияла искрами снежных кристаллов. Свежий и ровный румянец проступал сквозь тонкую кожу лица, чуть припухлого, с мягкими губами и тонким правильным носом. «Какая красавица!» — подумала я, как всегда, глядя на Лизу после долгой разлуки. Мы радостно поздоровались, обе разом заговорили, рассмеялись и поставили сумки на землю. Так не хотелось уходить в помещение от солнечного тепла и света!

Лиза успела сообщить мне последние новости. Оказалось, что за время моего отсутствия, как в песне Высоцкого, «нам нового директора назначили». По этому поводу как раз сегодня в десять часов назначено общее собрание сотрудников музея. Директор будет представляться нам. Старый директор, потомок последних владельцев Сурминова, всеми любимый Павел Николаевич умер год назад. Исполняющим обязанности директора на первое время был назначен Витольд Измайлович Распопин. Он рассчитывал сделаться постоянным, но тут вмешался знаток поэзии Фета, филолог Григорий Ильич Борзун. Он написал докладную в Управление Культуры. С благородным негодованием он писал в ней о том, что мать Витольда уехала в Израиль, и в связи с этим Управление должно проявить особую бдительность. «Нельзя (писал он) допустить, чтобы отпрыск сионистки и изменницы Родины стал во главе идеологически-просветительского центра, каковым является музей-усадьба имени великого русского поэта». Вероятнее всего, Григорий Ильич сам рассчитывал сделаться директором. В столь сложных обстоятельствах мудрое Управление Культуры приняло соломоново решение. По рекомендации Ломакинского райкома Партии оно назначило директором постороннего человека, Леонида Наумовича Сидорова. Дошли слухи, что он был сотрудником газеты «Ломакинская правда» и, мало того, – считал себя поэтом.

Услышав от Лизы всё это, я совсем приуныла. Но Лиза, будучи более уравновешенным человеком, поспешила утешить меня тем, что поэт Сидоров может оказаться всё же лучше, чем самоуверенный фетовед Борзун или, упаси бог, какойнибудь отставной полковник. Мы знали, что наше Управление последние годы с удивительным постоянством директорами музеев назначало именно отставных полковников. Посему доводы Лизы показались мне убедительными. Мы прошли во Флигель, отнесли сумки в её комнату и вернулись в зал.

Собрание началось ровно в десять часов. Новый директор назвал его «планёркой» и заверил нас, что, так как он желает работать в тесном контакте с научными сотрудниками, то планёрки будут проводиться еженедельно по вторникам. Я сидела в кресле около окна, выходившего на залитый солнцем двор. Мне было видно, как на крыльцо Дома вышли Соня Кузнецова и милиционер Володя. Они закончили утренний обход Музея и теперь приступили к ежедневному ритуалу — наложению печати. Володя, прилепив к двери кусочек пластилина, старательно дышал на медную печать, когда-то принадлежавшую владельцам усадьбы. Сильным движением он прижал её к пластилину, и я представила, как на нём отпечатался дворянский герб Камыниных. Соня сошла с крыльца и направилась к Флигелю. Я невольно улыбнулась, понимая смехотворность ситуации, при которой советский идеологический центр охранял дворянский герб.

И тут мне пришло в голову, что новый директор вряд ли будет терпеть столь возмутительную оплошность и постарается как можно скорее исправить её. Это соображение заставило меня переключить внимание на сидящих за столом людей.

Во главе стола сидел человек с голым лицом и мутными глазами. В них угадывались тщетно скрываемые подозрительность и настороженность, привычные для номенклатурного работника. Он был молод — лет 35-37, но уже лыс, толст и явно самоуверен. Справа от него, пригнувшись к столу, поглаживая длинную лохматую бороду и поблескивая миндалевидными глазами, сидел Витольд Распопин, а слева — его соперник, фетовед Гриша Борзун. Он тоже был с бородой, но аккуратно подстриженной. Его веселые, чуть навыкате, черные глаза оживленно перебегали по лицам присутствующих и задерживались только на одном — милом лице Лизы.

Вот уж пятый год как он настойчиво и безуспешно пытается соблазнить её, но Лиза, к удовольствию всех музейных дам, не отвечала ему взаимностью, хотя и оставалась с ним в приятельских отношениях. Вечерами Лиза занималась музыкой, разучивала нудные этюды - она училась заочно. Гриша же был чрезвычайно музыкален, свободно играл на фортепиано и гитаре, сочинял и пел романсы. Почти каждый вечер они с Лизой пели романсы. У неё был чудный голос, высокий, негромкий и стойкий, а у Гриши — баритон. Пели они на два голоса, и лишь один романс мы пели втроем — на стихи Дельвига «Когда еще я не пил слез из чаши бытия...» Лиза не сдавалась. Гриша, не привыкший к отказам и уверенный в своей неотразимости, не унывал, а весь музей с неослабевающим интересом наблюдал за развитием романа.

Рядом с Борзуном – в позе императрицы Екатерины II с портрета Рослена из Большой Гостиной – восседала Ариадна Ивановна Мягкотелова. Её назначили хранителем музея тоже после смерти Павла Николаевича – до этого и должности такой не было. Старый директор исполнял все должности, так как музей был самой низкой, IV категории, а потому штатное расписание и зарплаты были мизерные. Насколько я понимаю теперь, Павел Николаевич вполне сознательно не добивался более высоких категорий, надеясь таким образом спасти Дом от массового потока организованного туризма и неотвратимого в таком случае разрушения. Последний владелец имения умер уже при советской власти и был погребён у стены бывшей приусадебной церкви, расположенной на краю оврага за оградою парка. В бывшем домике священника жила Ариадна Ивановна. Когда-то, десять лет назад, она училась или на физфаке, или на мехмате, точно не знаю. Родилась и выросла в станице Верской, и, как она любила рассказывать, там, в глуши «диких донских степей», сумела взрастить в себе первые ростки интеллигентности. А уж здесь, в Сурминовском «литературном гнезде», из рук самого Павла Николаевича удостоилась воспринять «венцы культуры». Слушая её рассказы, я сначала вздрагивала от этих «диких степей» и «венцов культуры». Но потом привыкла.

Вошла Соня, извинилась за опоздание и устроилась на краешке стула. Маленькая, худенькая женщина с острыми чертами лица и в очках. Живые черные глаза и веселый нрав южанки придавали ей очарования, но она была истомлена. Участь её была тяжёлой: она была женой очень талантливого, но пока непризнанного художника. Он писал картины в новейшем духе, что-то вроде «белое на белом» – по правде сказать, я плохо в подобной живописи разбираюсь. А недавно случилась беда: он упал с четвертого этажа и сломал позвоночник. Соня безропотно ухаживала за ним и с фанатичной уверенностью ждала его признания и мировой славы. Рядом с Лизой сияла жизнерадостным лицом Зинаида, по образованию радиотехник, а по влечению сердца поклонница русской литературы. Она бросила свою прежнюю работу инженера и устроилась в музей экскурсоводом.

Рядом с ней с пышной прической и приличествующей случаю строгостью в глазах сидела экскурсовод **Вера Павловна**, **бывшая** медсестра из Ломакина, страстная поклонница Пушкина. Я, кстати, тоже была **из бывших**. Всю жизнь работала геофизиком и геологом, каждое лето ездила в поле, но давно мечтала стать архивариусом. Наконец, год назад, когда мне было уже сорок лет, моя мечта исполнилась, и я стала работать в музее. Мало того, мне поручили составить Опись документов родового Архива, как оказалось, чрезвычайно любопытного. Рядом с Ариадной Ивановной сидела **Лора Александровна**, совсем нестарая женщина, но старейший работник музея. По образованию филолог, она пришла в музей сразу по окончании университета. Павел Николаевич позволил ей жить в отдельном домике, **бывшей** Летней Кухне в глубине парка.

Не хватало только **Ульяны Байковой**. Ульяной она, правда, стала после крещения в Ломакинской церкви, а до этого её звали просто Лина. Это была личность замысловатая. Умная, начитанная и хитрая, она производила странное впечатление. Особенно из-за явно нарочитой манеры произносить слова растянуто, ироническим тоном, с неопределенной улыбкой на узких темных губах. Лина всю ночь читала, пила кофе, много курила и сыпала пепел на книги и на пол. Засыпала она под утро, а потому вставала поздно и выходила из **бывшего** Амбара, где она жила, не ранее 11 часов утра. Вот и сегодня она появилась последней и уселась на ручку кресла, в котором, развалясь, сидел Григорий Ильич.

– Грегуар, как я рада вас видеть, мон шер, – почти пропела она.

Новый директор растерянно оглянулся, видимо, не зная, как реагировать на появление этого существа, с сигаретой, распущенными волосами, в длинной юбкепонёве и яркой кофте. Он, хотя и был поэтом, но явно не богемного склада, а вполне положительным выдвиженцем из комсомольских работников. Возможно, ему и вообще-то было не по себе в нашем «зверинце», и, как мне кажется, он тогда же твердо решил влить новые кадры, так сказать, «молодое вино в старые мехи» – чего, как известно, делать не рекомендуется. При внешнем благодушии его толстого лица и явном старании войти в доверие к подчинённым, в его глазах то и дело вспыхивало раздражение из-за того, что он чувствовал себя не в своей тарелке.

Представляю себе, насколько утомился читатель, рассматривая этот *«групповой портрет»*. Но, будучи автором, я сочла своим непременным долгом именно этот Портрет описать во всех подробностях. Ведь это основные действующие лица романа, к которому мы только-только приступаем. И даже если Вы утомились или не всех запомнили, то теперь получили возможность в любую минуту к этому перечню обратиться. Я и сама впервые так внимательно всех оглядела и внутренне горько усмехнулась, осознав всё несоответствие **старой** Усадьбы и её **новых** владельцев.

В зале стало душно. Лина погасила сигарету. Дым от неё медленно пластался кругами в лучах пришедшего в окна солнца. Открыли окно, и тут на подоконник вспрыгнула моя чудная, с белой грудкой и огромными зелеными глазами, кошка Кассандра. Директор даже вздрогнул. В открытое окно донеслось мычание коров с колхозной фермы, лай усадебного пса Феди и жужжание трактора. На поля начинали завозить навоз. Уже знакомая читателю ворона, неутомимая Степанида, уселась на ближайшее дерево и, как обычно, начала нагло каркать. Прошло не менее часа. Директор временами косил глаза на громко мурлыкающую Кассандру. Она вскочила ко мне на колени и при всей своей независимости не могла не выразить радость от нашей встречи после двухнедельной разлуки. Директор вещал:

– Я надеюсь, вы все поддержите мои усилия по переводу музея во вторую категорию. Соответствующие бумаги уже поданы. Как там с этим дела, Витольд Измайлович?

Витольд стал перекладывать бумажки пред собой, изобразил чрезвычайную деловитость, притушил обычную для него усмешку и привычным жестом спрятал ее куда-то в самый конец бороды.

- Докладная в Управление уже подана, Леонид Наумыч, ответил он. К следующему понедельнику обещали подписать приказ о переводе Музея во вторую категорию и о новом штатном расписании. Эмма Львовна клялась мне, что всё сделает.
- Вы все должны понять, голос директора окреп, что по-прежнему работать недопустимо. Новая категория даст нам возможность расширить штаты, повысить оклады, но, главное, увеличить число посетителей, добиться дополнительного финансирования и приступить к реконструкции Усадьбы. Я тут за неделю кое-что осмотрел. Парк заброшен, в музее нет автотранспорта, нет рабочих помещений для сотрудников. Дом не отапливается и не освещен, поэтому зимой Музей не работает. Это нерентабельно. Нет благоустроенного туалета, нет буфета короче, для посетителей нет элементарных удобств. К тому же и экспозиция идеологически устарела....
- Позвольте вас перебить, уважаемый Леонид Наумыч, заговорила высоким голосом Ариадна Ивановна, и лицо ее покрылось красными пятнами. Я вовсе не против второй категории, но, прошу вас, не трогайте Дом! Это жемчужина русской культуры. Вспомните, что сказал Максимилиан Волошин еще в 1921 году после посещения Усадьбы.

Директор явно не знал, а потому и не мог вспомнить, что сказал, скорее всего, неизвестный ему Максимилиан Волошин, зато твердо знал, что вторая категория позволяет повысить оклады администрации. Собственно, на этом условии он и принял *«портфель»* директора. *«Повысить оклады»*, конечно, не всем сотрудникам, а только администрации. Научные сотрудники и экскурсоводы должны будут водить экскурсии за ту же зарплату – 75-100 рублей в месяц. Вот почему уроженка *«диких степей»* не была против повышения категории – её должность хранителя музея входила в число административных.

- Хорошо. Дом пока трогать не будем, быстро согласился директор, видимо, не желая портить отношения с Ариадной, и продолжил. Предлагаю начать с восстановления на лугу мемориального **Сарая**. В нём мы сможем устроить выставку-*шоу*, с применением современных технологий, таких как светомузыка и голография. На пруду можно заново построить пильную **Мельницу**. Предлагаю устроить в ней кафе для экскурсантов. Знаете, как это умеют делать в Риге и в Таллине? Эдакое интимное кафе с ликерами и камином.
  - Пильная мельница и камин? Это нонсенс, проговорила Лина и закурила.
- Можно очаг вместо камина! тут же уступил директор и бодро продолжил: Его глаза заволоклись неким «поэтическим» вдохновением. Мы должны всё музеефицировать. Например, в Доме пустует бывшая Кухня. Витольд Измайлович берётся расставить в ней предметы кухонного быта, горшки всякие и прочее... Мы сделаем в неё отдельный вход и сможем брать с посетителей дополнительную плату в 20 копеек. Опять же, доход.

Лиза с тревогой смотрела на мою, видимо мрачную, физиономию и приложила к губам палец, умоляя глазами, чтобы я молчала. Но я не выдержала и вступила на mpony θ ойны.

– У меня тоже есть предложение. Давайте музеефицируем дореволюционный **Water-closet**, – заговорила я подчеркнуто деловитым тоном. – По этому объекту в архиве есть документы за 1912 год. Само собой разумеется, в него придется сделать отдельный вход и плату установить в 10 копеек. Витольд Измайлович, прошу вас записать в протокол моё предложение.

Директор, опьяненный грядущими возможностями повышения дохода, не почувствовал подвоха и взглянул на меня с одобрением.

- Простите, я не знаю, как вас зовут, обратился он ко мне.
- Мария Михайловна Серёгина.
- Так вот, Мария Михайловна, мы учтем ваше предложение и...

Но тут в зале раздались смешки, и он сообразил, в чем дело. Вера Павловна была у нас единственным до этого времени членом Партии. Она сочла нужным вмешаться и резко встала со стула, чтобы защитить сочлена по рядам.

- Уважаемая Мария Михайловна, вы переходите всякие границы! с надрывом в голосе произнесла она. Леонид Наумыч у нас человек новый. Возможно, он увлёкся, но в его предложениях много правильного. Не забывайте, что на последнем Пленуме Партия нацелила нас не только на повышение рабочей дисциплины, но и на более рентабельное ведение народного хозяйства. Долг каждого советского человека внести свой вклад... Опасаясь, что она не сможет остановиться, я перебила её и добавила масла в огонь.
- Вера Павловна, вот я и вношу свой вклад. К Первому Мая берусь вне плана разработать научно обоснованную экспозицию нового объекта музейного показа.

На этом первая планерка закончилась. К нашему счастью, она оказалась и последней. Мы вырвались на волю.

На дворе между кучами угля около котельной текли и блестели на солнце мелкие ручейки. С длинных прозрачных сосулек быстро-быстро падали капли и звенели, падая на жесть подоконников. Вездесущая Степанида опять каркала, на этот раз, прыгая и размахивая крыльями вокруг миски, из которой пёс Федя долизывал пшённую кашу. Моя тёзка, шкодливая и оборванная усадебная кошка Машка, вылезла из дыры под Амбаром, уселась на теплое бревно, подняла лапу «пистолетом» и начала облизывать место под хвостом. Кассандра, сидя у меня на плече, негодующе заурчала и от возмущения спрыгнула на землю. Тут же она вскочила на штабель темно-красного кирпича и, помахивая хвостом, прошлась по верху кладки. Уселась и строго взглянула на нас зелеными глазами.

– Ах, готика! – воскликнула Ариадна Ивановна, и мне почудилось сияние «венцов» над её головой.

Директор последовал в дом Распопина, за ними увязался Борзун, а мы вернулись во Флигель в комнату Лизы и оживленно приступили к чаепитию.

В тот же день закончилась и наша прежняя усадебная жизнь. Солнце затянуло перистыми облаками. Вечером пошел мокрый снег. Лиза старательно играла 33-й этюд Гедике. Я сидела у себя в комнате, куталась в плед и при свете настольной лампы с наслаждением читала обыденную переписку Дарьи Федоровны Олениной с дочерьюневестой, засидевшейся в девушках 22-летней Анной. Её женихом стал мировой посредник Можайского уезда Иван Иванович Лёвшин. Семья готовилась к свадьбе. Там, в давно исчезнувшем мире, шел 1881-й год. Только что, 1 марта, был убит террористами император Александр II Освободитель, но в письмах об этом событии не говорилось. Иногда казалось, что за столетие почти ничего не изменилось: где-то идут войны и убивают президентов, а в жизни нормальных людей главными остаются всё те же житейские хлопоты и волнения, те же мечты о счастье и та же их несбыточность.

DOGDOGDOGDOGDOGDOGDOGDOGDOG

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕЙЗАЖ

Ты помнишь ли, Мария, Один старинный дом И липы вековые Над дремлющим прудом?

А. К. Толстой, 1840-е

Перечитывая первую главу, Автор понял, что совершил ошибку, назначив «первым лицом» Марию Михайловну. Прежде всего, потому, что мы с ней совсем не похожи, и Автору трудно быть ею еще на сотне страниц. К тому же изложение от «первого лица» обязывает меня, во всяком случае, присутствовать при всех событиях, а то и участвовать в них. Но это нереально — ведь о многих фактах и разговорах я знаю только понаслышке. Переписывать первую главу не хочется. Поэтому я просто отказываюсь быть Марией Михайловной и с этого момента перехожу к изложению от третьего лица.

Так или иначе, но время и действующие лица описаны. Теперь, как и положено, приступим к описанию **места.** Тут сразу в голову лезут выдержки из экскурсии, текст которой сотрудники музея от частого повторения говорили почти автоматически.

«Мы с вами находимся в типичной Усадьбе конца XVIII — начала XIX века. Усадебный дом в псевдоготическом стиле, парк с липовыми аллеями, статуями и обелисками, Эрмитажем и Гротом... А вот девушка с разбитым кувшином. Перед фасадом Дома вы видите партер с фонтаном посередине, а за ним широкая лестница спускается к пруду. За ним амфитеатром высятся холмы. Посреди пруда находится островок. Он называется «Приют любви». Когда-то в южной части пруда, там, где речка Ирпень перегорожена плотиной, стояла Мельница. Позади главного Дома расположены Флигель и хозяйственные постройки, такие как Конный двор, Амбар и Оранжерея. За оградой парка, но в непосредственной близости от въездных ворот стоит Церковь – памятник культуры начала XIX века».

При этом кто-либо из экскурсантов обязательно горько и завистливо произносил: «Эх, умели жить баре»... Не обращая внимания на подобные реплики, экскурсоводы бодро продолжали сообщать никому не интересные подробности: «Поблизости видны сёла: налево — Сурминово, направо — Чиркино. В трёх верстах отсюда в бывшей усадьбе Олениных расположен санаторий Министерства Вооруженных сил. Сурминово с конца XVIII века принадлежало древнему роду Камыниных, а они были в родстве с Арсеньевыми. Вы, наверное, помните, что бабушка Лермонтова тоже была Арсеньевой. И хотя с нашими Арсеньевыми она была в дальнем родстве, но, по мнению лермонтоведов, предположение о том, что бабушка поэта в 1820-е годы бывала в Сурминове, «вполне правдоподобно». Вепрятно, она бывала не одна, а с маленьким внуком. Поэтому наш музей и называется «Музей-усадьба имени М.Ю. Лермонтова...»

Сразу хочу заметить, что ничего достоверного о визитах бабушки с внуком в Сурминово науке не известно. Миф о причастности Лермонтова к Сурминову сложился еще до революции. Со временем он «вошёл в научный оборот» и стал достоянием общественности. Чтобы придать этому мифу еще большую достоверность, в Доме устроили даже особую «комнату Лермонтова» и показывали в ней диван, на котором он будто бы спал. Конечно, сам по себе миф о пребывании поэта в Сурминове большого значения не имеет. Но на его примере видно, как работает механизм создания разного рода литературно-исторических подделок.

Гораздо большее значение для развития сюжета представляют сведения о родословно-масонских связях владельцев Усадьбы. Василий Дмитриевич Камынин был известным в узких кругах масоном-розенкрейцером, членом ложи Теоретический градус. Его «братьями» по духу были такие рыцари Розового Креста, как Н.И. Новиков, И.А. Поздеев, С.И. Гамалея, И. Шварц, С.П. Фонвизин, В.А. Бибиков, П.И. Татищев, И.Н. Тургенев. Знатоки русской истории могли бы вместе с Фамусовым воскликнуть: «Ба! Знакомые все лица!» И что самое интересное, лица, игравшие заметные роли в истории Российской Империи.

В.Д. Камынин был женат на дочери своего *«брата»* по ложе, рыцаря **В.А.** Лёвшина. Родовое имение Лёвшиных находилось в Тульской губернии, в селе Темрянь Белёвского уезда. Накануне 1812 года усадебный дом сгорел, и, пока строился их новый дом, Лёвшины семь лет прожили в Сурминове. Старшая дочь В.Д. Камынина, Анастасия, вышла замуж за *«брата»* отца по ложе, тоже розенкрейцера, рыцаря Г.Н. Коробьина. Младшая дочь, Надежда, стала женой еще одного «брата» и рыцаря, С.Н. Арсеньева. После смерти жены он тоже жил у тестя в Сурминове. Их сын и, значит, внук Камынина, В.С. Арсеньев, тоже стал рыцарем в Теоретическом градусе. Он был камергер, крупный землевладелец и богослов, благодаря чему, вероятно, смог оказать влияние на создание Ордена Мартинистов в России в начале XX века.

Остаётся добавить, что после 1822 года, когда розенкрейцерам пришлось уйти в подполье, их *«работа»* не прекращалась, а местом собрания могла служить любая усадьба. Гостеприимное Сурминово, несомненно, было таким *«масонским подворьем»*. Неудивительно поэтому, что именно здесь постепенно сложилось ценнейшее собрание масонских документов. В XIX веке, по понятным причинам, эти документы не были доступны постороннему взгляду *«профана»*. Однако и после революции положение осталось прежним. Усадьбе, а вместе с ней и Архиву повезло: так получилось, что директорами музея до последнего времени были потомки бывших владельцев.

Как никто другой, они понимали нежелательность масонской темы в музейной экскурсии, а потому превратили Сурминово из «масонского подворья» в «литературное гнездо» и дали музею имя великого поэта. Но так как мы не на экскурсии, а «в романе», то позволим себе всё же сказать правду. Тем более что без неё не обойтись в дальнейшем рассказе. Всё в Усадьбе определялось именно масонскими вкусами, символикой и идеологией. «Масонскими» были план, архитектура и декор главного Дома. При этом их символическое значение было понятно только «посвященным». Большая часть Библиотеки состояла из книг мистиков XVIII века, таких как Бёме, Виланд, Сведенборг. В Архиве хранились печатные и переписанные от руки Уставы, акты, обрядники, речи и беседы рыцарей Розового Креста, их песни и стихотворения, протоколы заседаний и прочее. В Столовой, где в XIX веке проходили их заседания, совершались тайные посвящения, о чем напоминали две колонны.

Экспозицию украшали рисунки *«американца»* **Федора Толстого**, живописные **портреты В.А. Жуковского**; князя-католика **И.С. Гагарина** – ценителя и собеседника **Ф.И. Тютчева** в Мюнхене; обер-прокурора графа **А.И. Мусина-Пушкина**. Именно он нашел и в 1800 году издал *«***Ироическую песнь** о князе Игоре». Эта *песнь* ныне известна под названием *«***Слово** о полку Игореве», а её содержание – по либретто оперы *«*Князь Игорь». Да, кого из *«братьев»* здесь только не было!

Потомок Арсеньевых, *«последний розенкрейцер»*, еще до революции стал профессиональным антикваром, участвовал в заседаниях и аукционах Общества любителей старины, собрал большую коллекцию фарфора. Там, в Обществе любителей старины, он встречался с известными московскими коллекционерами – доктором В.В. Величко и внуком поэта, Н.И. Тютчевым. Как только случилась революция, Арсеньев вывез свои сокровища из Москвы, подальше от *«культурной революции»*, в глушь Можайского уезда и здесь создал действительно талантливое произведение – сурминовский Музей. Из *«мемориальных»* и подлинных вещей – мебели, фарфора, портретов и умело нанизанных на экскурсионную нить полуправдивых фактов и ассоциаций – он сумел создать образ Усадьбы, *«типичной усадьбы XIX века»*. Все очарование Сурминовского Дома покоилось именно на ощущении *«подлинюсти»*, живого приобщения к давно ушедшему миру и быту русской дворянской усадьбы.

Как правдоподобно звучали в залах, гостиных и кабинетах рассказы об Обществе любителей российской словесности; о весёлом обществе «Арзамас» (смотрим на портреты Жуковского и А.С. Пушкина, гравюра Уткина); об историке Н.М. **Карамзине**, который, «возможно, бывал в Сурминове и, гуляя по аллеям парка, обдумывал главы своей «Истории Государства Российского» «. Плавный переход к поэзии Е.А. Баратынского посетители совершали, разглядывая портрет розенкрейцера П.А. **Татищева,** на внучке которого был женат поэт. О памятнике русской словесности XII столетия «Слове о полку Игореве» говорилось около портрета графа А.И. Мусина-Пушкина... и так далее, и тому подобное. Не забыты были и «великий просветитель» **Н.И. Новиков**, который «провел свои лучшие годы в Шлиссельбургской крепости», и «первый русский писатель-революционер» А.Н. Радищев. Портрет отца трёх декабристов, розенкрейцера И.П. Тургенева давал возможность, упомянув его «дальнее родство с Иваном Сергеевичем» (не установленное), показать портрет подруги писателя, актрисы Полины Виардо. Рядом висит портрет еще одной дамы, хотя и неизвестной, однако же, как предполагают искусствоведы, это и есть «первая любовь поэта Ф.И. Тютчева, красавица Амалия Крюденер». Тут все экскурсоводы с большим чувством читают наизусть (хорошо хоть не поют романс!) известное стихотворение «Я встретил Вас и всё былое...». И хотя до сих пор не установлено, какой даме поэт посвятил это стихотворение, тютчеведы уверяют, что именно ей, Амалии.

Словом, Сурминово представлено неким сгустком русской культуры. И, конечно, ни слова о масонах, так, иногда вскользь, с милой улыбкой можно упомянуть об их *шалостях* и развить тему о *декабристах*, чтобы подчеркнуть, как *далеки они были от народа*.

После экскурсии по дому посетителей ведут по парку, а мы возвращаемся к основной теме этой главы, к Пейзажу. Усадьба и парк, конечно, замечательны, но и вокруг чудо как хорошо. Холм за прудом ранней весной покрыт ярким желтым ковром из одуванчиков, за ним зеленое обрамление – еловый лес, справа – белые стволы березовой рощи и темные прожилки поросших кустарником оврагов. Внизу слева видно скопление серых изб Сурминова, а еще дальше – сельца Чиркино. В солнечную погоду там сияет белизной древняя, XVI века, церковь во имя Рождества Богородицы.

За Сурминовым начинается глухой лес и тянется на восемь верст до села Васильевского. Места глухие, грибные и ягодные; говорят, даже кабаны ходят. Там заросшие густым лесом овраги, тёмные, скрытые в зарослях болотца и тихая речка Ирпень, питающая усадебный пруд.

«Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит...»

Кстати, о русалках. ...Нет-нет, сначала скажу о новых кадрах, потому что давно известно, что «кадры решают всё». Новый директор что задумал, то и сделал. Уже через неделю после злополучной планёрки в Усадьбе появился зам. по хозяйству, проворовавшийся на автобазе в Ломакине армянин Папаян. Вскоре, как из-под земли, возник газик, и вместе с ним – шофёр Коля. Затем материализовался совершенно непонятный человек по фамилии Бондарь, в очках и с портфелем. Еще раньше для реставрационных работ были наняты: милейший юноша, химик-аптекарь Саша Розен и сутулый, небольшого роста, «опытный», по словам Ариадны Ивановны, реставратор масляной живописи Миша Снежный. Оба поселились на чердаке во Флигеле и там устроили реставрационную мастерскую, а заодно и ночной притон – к ним из Москвы стали приезжать накрашенные девицы, а наш парк огласился зарубежными ритмами и истеричным хохотом. Но что более страшно – Ариадна Ивановна с какой-то болезненной доверчивостью стала выдавать Мише Снежному по актам довольно ценные полотна на реставрацию, а он увозил их в Москву и где-то там «реставрировал».

Директор и Распопин, ныне *зам. по науке*, принимали в **Зондерхаузе** (что в переводе с голландского означает **Летний домик**) местное райкомовское начальство. Газик ездил по аллеям парка, так же как и черные «Волги» приезжих.

В середине мая Музей открылся для посещения. Сирень расцвела тяжёлыми тёмно-фиолетовыми гроздьями. Вдоль лестницы на спуске в парк свежей зеленью покрылись огромные лиственницы. На мраморных ступенях можно было увидеть их мелкие шишечки и бурые иголки, упавшие осенью. В парке сквозь покров прошлогодних листьев тут и там проглядывали ярко-зеленые ростки новой травы.

Как-то раз, за общим чаепитием, Ариадна Ивановна стала уверять, что не всё так уж плохо, что она, например, сумела добиться от директора разрешения на организацию выставки фарфора в бывшем **Конном дворе**.

- Мы приручим его, вот увидите. То, что он деловит, несомненно. Он умеет выбивать стройматериалы, рабочих... В Конном дворе уже заканчивают ремонт, и завтра приедут художники-декораторы из ГДОИ. Это декоративные мастерские, пояснила Ариадна, заметив, как вздрогнула от уродливого слова Лина Байкова, и продолжала: Наконец-то у нас будет такая же выставка, как и в других музеях... Я пишу методическую разработку. Рабочее название «Литература и фарфор».
- Литература и фарфор? Какой странный гибрид, не правда ли? проговорила Лина саркастически.

Ариадна Ивановна обиделась и замолчала.

Мария Михайловна заметила, что директор умеет выбивать не только стройматериалы, но и неугодных ему сотрудников. Действительно, ей это пришлось испытать на себе. Новый директор заявил, что запрещает проживание сотрудников на территории музея, и первым делом выселил именно её. Пришлось ей снять комнату в Сурминове. Зажиточные жители сдавать не хотели. Согласился лишь музейный дворник дядя Петя, сильно пьющий. Вернее, согласился не он сам, а его сестра сдала свою пристройку к Петиной избе за неимоверно высокую плату, 30 рублей в месяц. На что же будет жить Мария Михайловна? Она, правда, подрабатывала переводами и какими-то рефератами, но на это не проживёшь. Однако она держалась твердо и не раз говорила Ариадне и Лоре, что бандитам нельзя уступать ни на йоту.

Нельзя допустить, чтобы Музей стал источником дохода. Если идти с ними на соглашение, то **«новые люди»** с их пресловутой предприимчивостью сумеют растлить тот дух бескорыстия, который сохранился еще кое-где посреди захлестнувшего страну океана пошлости, невежества и жажды наживы. Но, видно, растление коснулось уже тогда многих из них.

Соня затеяла строить каменный дом в Вавилове. Директор через Ломакинский исполком добился для неё выделения участка и пообещал достать кирпич. Лоре он милостиво разрешил по-прежнему жить в Летней Кухне. Ариадну Ивановну подкупил выставкой фарфора. Вера Павловна как член Партии считала своим долгом поддерживать решения начальства. С приходом новых кадров в музее впервые появилась партийная ячейка в составе директора, его зама Папаяна, Веры Павловны и таинственного Бондаря. К концу мая директор «выбил», то есть уволил, опытного садовника под предлогом отсутствия у него специального образования. Зато он добился в Управлении новой ставки заведующего отделом Садово-паркового хозяйства, и Бондарь занял это место. Чем он занимался, никому не было известно, – во всяком случае, к клумбам и куртинам он и близко не подходил. Теперь филологам приходилось самим поливать цветы в жаркие дни.

Разрушался Дом, увядал сад. Кто из музейных не знал, что за внешним благополучием Усадьбы скрывались явные и устрашающие признаки разрушения? В Доме стены покрывались плесенью, глубокие трещины бороздили потолки. Два года тому назад очередная комиссия запретила водить посетителей по второму этажу, потому что потолок в Большой Гостиной угрожал рухнуть вместе с тяжелой медной люстрой. Плесень проникала в книжные шкафы, покрывала листы гравюр и архивных документов. В дождливые дни протечки на втором этаже доходили до того, что из пропитанной водой штукатурки на паркет падали известковые капли.

Все понимали, что нужно **срочно строить помещение для хранения фондов**, составлять проект реставрации или, говоря попросту, приступить к ремонту здания. Понимали, но что могли сделать эти слабые и беспомощные люди? У каждого из них были свои беды и тяготы. Ариадна часто болела, но у неё, по крайней мере, было пристанище в Москве — комнатушка в коммуналке. А Лина была бездомная. Она покинула свой любимый Ленинград из-за какой-то сердечной драмы. Старый директор, Павел Николаевич, взял ее на работу вопреки жестким правилам о прописке и позволил жить в отапливаемом печкой Амбаре. Новый директор уже пригрозил Лине увольнением, если у нее не будет постоянной прописки. И она больна — у нее что-то с легкими.

Наступил июнь. Под окнами **Синей гостиной** мелкими пахучими цветками рассыпался жасмин. Куртины набухли тяжелыми бутонами роз. Липы готовились благоухать, но пока лишь чудно высвечивались в косых лучах заходящего солнца их покрытые мхом мощные стволы.

К Марии Михайловне приехала погостить её племянница, Елена Скребницкая. Она училась в Консерватории и приехала в Сурминово на каникулы, потому что здесь имела возможность целыми днями играть на рояле. Именно о ней напомнили слова о русалке. Трудно сказать, была ли она красива. Скорее нет, но, без сомнения, была хороша, особенно когда в длинном серебристом платье шла по аллее с ведром к усадебному колодцу. Длинные волосы, темные серые глаза, матовое нервное лицо, тонкие руки.

Где-то в середине июня Елена согласилась дать концерт. К тому времени в парке вдоль узких дорожек на кустах распустились мелкие белые розы. Так началось наше **последнее лето** в Сурминове. Но мы тогда не знали, что оно последнее.

На концерт из Москвы приехали друзья и знакомые, некоторые даже с детьми. Окна в зале были открыты. Рояль тоже. Елена начала с любимого ею Баха. «Хорошо темперированный клавир» — ровным голосом проговорила Елена, и концерт начался. Лиза, тоже в длинном вечернем платье, переворачивала страницы нот. Потом Елена сыграла сонату Моцарта и перешла к романтикам. Что говорить, Шуман и Шопен ей удавались даже лучше Баха. Сказывалась ли её собственная страстная натура? Или они более соответствовали нашему, нервному уже тогда, восприятию мира — нервному, тревожному и беспечному одновременно?

Белые шелковые занавески трепетали, на улице в лучах солнца искрились изумрудными спинками майские (или уже июньские?) жуки, летали стрекозы и бледные бабочки. Жужжание насекомых сливалось с далеким тарахтением трактора – совхоз начал распахивать поросшие одуванчиками холмы. Щебетали мелкие птицы.

Елена кончила играть и теперь раскланивалась – на фоне черного рояля тонкая фигурка в белом полупрозрачном платье. Ей поднесли в низкой фаянсовой вазе с темно-синим узором груду мелких белых роз, и они длинными ветвями свисали через края вазы. Все – и хозяева, и гости – отправились на холм. Перешли плотину и стали подниматься на холм по узкой дорожке. Захватили одеяла, чтобы сидеть на земле, скатерть, чашки и все привезенные из Москвы бутерброды, кексы, торты. Костер уже горел, в его огне чернел покрытый сажей бидон, и милый старик с небольшой бородкой подкладывал в костер дрова. То был старинный друг семьи Марии Михайловны, географ и гляциолог Олег Павлович Чижов.

После чаепития почти все москвичи пошли лесом на станцию, а те, кто остались, еще долго сидели у костра. Постепенно – вместе со светом и теплом этого летнего дня – они замолкали, с тайной грустью глядя на стоящий за прудом Дом. Лине, с её больными лёгкими, конечно, нельзя подолгу сидеть в такие, как сегодня, холодные вечера. Но и она не уходит, а завороженно смотрит на огонь. Что видится ей в весёлых беспокойных язычках пламени?

О чем думала Елизавета Алексеевна, глядя в огонь? Все знали, что её *«сердце разбито»*, как говорили наши бабушки сто лет назад. Предание гласило, что лет пять тому назад какой-то *«капитан дальнего плавания»*, высокий и красивый, пленился ею. Он приходил из санатория, из Оленина, каждый вечер. С молчаливым обожанием смотрел на Лизу, слушая этюды Гедике в гостиной Флигеля. В ту пору Гриша особенно настойчиво приступал к Лизе, капитан всё молчал, а Лиза... Что ж она? Кто знает? *«Гордость и предубеждение»*, роман Джейн Остин – вот в чём отгадка всего. То ли Лиза из гордости делала вид, что он ей безразличен, то ли он из предубеждения уверил себя, что её сердце уже занято? Во всяком случае, как-то осенью он исчез, уехал и ушел в свое *«дальнее плавание»*.

Ужели ОН исчез бесследно? О, нет! То же самое предание утверждало, что как-то раз, весною, ко дню рождения Лизы ей с почты принесли огромную корзину с цветами. «Из Австралии!» — с восторгом сообщили ей девушки с почты. На деньги, оставшиеся от перевода, они по собственной инициативе купили плитку шоколада. Они смотрели на Лизу с восхищением, потому что ведь не всякая девушка получает из Австралии! по почте!! корзины цветов!!! А позднее он прислал ей посылку с раковинами, кораллами и игрушечным мишкой коала из шерстки кенгуру. Этот мишка коала и теперь сидит на книжной полке у Лизы в комнате. Нет, капитан, видно, не забывал её, но что толку? Он уехал и не вернулся. И вот уже пять лет Лиза ожидает своего молчаливого рыцаря, но он не догадывается об этом.

Милый старик с бородкой ушел вместе со всеми, а без него костер вскоре прогорел, и остались лишь ярко-красные, мятущиеся по черным дровам мелкие язычки пламени. Закутавшись в одеяла, все сбились вместе, как стая напуганных птиц.

Гриша и тот примолк и тихо перебирал струны своей гитары. Наконец, он не выдержал, встал, кинул в огонь последнюю охапку хвороста, и костер полыхнул. Он запел романс своего любимого Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад...» Лиза, стряхнув с себя несвойственную ей печаль, выпрямилась и поддержала его: «...Рояль был весь раскрыт, и струны в нём дрожали, как и сердца у нас за песнею твоей...»

Гриша оживился от всеобщего внимания. Оживилась и Наташа, девушкапрактикантка из Ленинграда. Ей, видно, тоже хотелось петь, но в обществе малознакомых людей она не решалась. Гриша, желая её расшевелить, обратился к ней с шутливым предложением: «Какая рифма точная! Наталия, Наталия, поедемте в Италию». Неожиданно для него она с явным удовольствием вступила с ним в стихотворный диалог:

- **В Италию**? − В Италию.
- **Но как достать билет**? Ну, что Вы? Этим летом там можно без билета.
- **Куда мы едем? В Рим?** Пожалуй, лучше в Падую там башней Вас порадую.
- **Ну, нет! Я еду в Рим.** Одна? Ни в коем случае. Ведь Вас тоска замучает.
- Положимся на кучера. Куда ж?
- В пути решим.

У них так ловко вышла эта сценка и шутливые пререкания, что все рассмеялись. Со свойственным ему снобизмом Гриша произнес:

– Надо же! Какие филологи растут на берегах Невы!

Тут же встрепенулась и встала на защиту своего любимого Ленинграда Лина. Она язвительно протянула: «Грегуар, вы, видно, вообразили, что лучшие филологи страны живут на берегах сурминовского пруда?»

Это всех ещё более развеселило. Стали вспоминать, как весело они все вместе встречали Новый год. Мария Михайловна уговорила их ставить пьесу Эдмонда Ростана «Белый ужин». Репетировали весь декабрь. Так же как сегодня, и тогда из Москвы приехали близкие друзья с провизией и ящиком шампанского. Они начали готовить и накрывать стол, пока в зале Флигеля шла генеральная репетиция. Пьеро то и дело меланхолично выпивал глоток из фляжки с коньяком. Арлекин не знал роль. Коломбина нервничала и уверяла, что провалит спектакль. Но пьеса прошла с большим успехом.

После спектакля они вышли из Флигеля в парк и стали копать в снегу глубокие лунки, и на дно каждой поставили свечу. Когда свечи зажгли, тонкий свет от невидимого пламени пронизал снег и заиграл бликами на расставленных в снегу бокалах с шампанским. Сказочное было зрелище! Но вскоре все замёрзли, и пришлось вернуться в дом. Тогда, зимой, Елена тоже играла на рояле, всю ночь они пели романсы и читали вслух любимые стихи. Всех поразила Лина. Она прочитала наизусть длинное стихотворение того же Ростана «Прекрасный вечер».

То чудный вечер был, волшебный, незабвенный... О нем не вспомнить нам без грусти сокровенной... А разговор лился изящный и весёлый; Касались музыки, поэзии — всего, И метафизики... Кто говорил стихи, кто умолкал, мечтая. Зажглись огни сигар, и легкий дым гаванн Головки дам облёк, как голубой туман. Любовь свободная, глубокая, живая, Беспечная любовь царила между нас....

Костер погас окончательно, но расходиться никому не хотелось. Тем более, что луна, наконец, вышла из-за высоких елей, и в её свете мир предстал волшебной сказкой. Все стали просить Байкову опять прочесть это стихотворение, хотя бы несколько строф. Лина с радостью согласилась. Она выбрала строки, созвучные их теперешнему настроению и окружающей обстановке.

Куда-то далеко действительность ушла, Всё залито луной, и сосен силуэты, Как бледным бархатом, сиянием одеты... Листва столетних лип и молодых акаций Смыкалась в вышине, как сказочный плафон. В отверстие её смотрели к нам, мерцая, Далеких звёзд огни, и тихо в этот час Беспечная любовь царила между нас И были мы детьми в блаженный этот час...

Подумать только, что всего полгода тому назад все они еще были вместе, любили друг друга. Или им это только казалось? Теперь же они разделились на группы и к наступившим переменам относились по-разному, в зависимости от свойств характера, от личных обид и симпатий, и даже от страха перед будущим.

...И странное всех нас, Невыразимое охватывало чувство, Когда мы думали, что скоро без следа Погибнет это все, погибнет – навсегда.

На этот раз последняя строфа прозвучала более зловеще, чем в Новогоднюю ночь. К тому же Лина вдруг раскашлялась. Все тут же решили идти по домам и стали суетливо собирать пожитки. Поднявшись с бревна, они невольно опять взглянули на черный силуэт Дома. И тотчас они с ужасом заметили, как в окнах Столовой мелькнул свет! Каждый не верил своим глазам. Мария Михайловна, допуская, что у музейных началась коллективная галлюцинация, решила обратиться к стороннему наблюдателю.

- Наташа, спросила она практикантку из Ленинграда, вы видите свет в окнах первого этажа?
- Конечно, вижу. Такое впечатление, что там кто-то бродит со свечами или с фонариками, ответила она.

Ариадна Ивановна в ужасе вся всколыхнулась и запричитала:

– Кто же дежурный? Где же охрана?

Елизавета Алексеевна со свойственным ей при любых обстоятельствах самообладанием спокойно ответила:

- Сегодня дежурит Миша Снежный. И лучше не поднимать шум. Всем нам прекрасно известно, что могут означать эти огни, тем более в **Столовой**. Не будем обманывать себя. **ОНИ** проникли в Усадьбу. Сегодня **ИХ** день, скорее ночь Ночь под Ивана Купалу.
- Ну и что? в полном недоумении почти одновременно спросили Елена и Наташа. Глаза у них были расширены от предвкушения тайны.
- Сейчас не время объяснять, строго заметила Мария Михайловна. Прошу вас никому не говорить о том, что видели. Это опасно.

- Что **ЭТО**? Вы намекаете на пресловутых масонов? насмешливо произнёс Гриша. Марья Михайловна, ну нельзя же так. Это не серьезно. Вы прекрасно знаете, что в Советском Союзе их нет и быть не может.
- А вы, Григорий Ильич, разве не знаете, **ЧЕМ** было Сурминово для розенкрейцеров до революции? возразила Мария Михайловна. После революции их ложи продолжали *«работать»* до начала 30-х годов. Чекисты охотились за ними и многих арестовали, но ведь, наверное, не всех. Те, кто пережил репрессии, вероятнее всего, успели посвятить в масоны своих детей. Могут «проснуться» старые ложи или возникнуть новые. Для новых розенкрейцеров Сурминово, и особенно **Архив**, могут представлять огромный интерес.
- Но в чем вы видите опасность? не сдавался Гриша. Они, что же, по-вашему, могут его выкрасть? Каким образом?
- Гриша, вы, наверное, читали роман **Писемского** «Масоны»? с необычной для неё серьёзностью спросила Лина. Там описано, какими средствами масоны добиваются своих целей. Любыми. В первую очередь **они внедряют своих людей** во властные структуры. В нашем случае они могли внедриться и в Министерство Культуры, и в штат Управления, и в администрацию Музея. Это позволяет им на низшие должности ставить послушных им технических исполнителей. Если это так, то поднимать шум из-за огней в Столовой действительно опасно. Надо полагать, что мы им и так, одним своим присутствием, мешаем.

Так странно кончился этот вечер. "И длинной вереницею" они стали спускаться с холма. Луна светила сзади, и резкие тени от елей легли не землю. Впереди в лунном свете сверкнули два зеленых огонька. При ближайшем рассмотрении оказалось, что на дорожке сидит Кассандра, терпеливо ожидая свою хозяйку. Увидев Марию Михайловну, она тотчас вскочила к ней на плечо. Перешли плотину и разошлись в разные стороны. Мария Михайловна с Еленой пошли в дом дяди Пети, а остальные в Усадьбу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФАРФОР

На столике в вазочке севрской Поправь бледно-жёлтый жасмин.

Старинный романс

На выходные дни Маша, как всегда, уехала домой, в Москву. Сразу по приезде она позвонила своему двоюродному брату, Виктору Скребницкому, верному другу с детских лет, и попросила приехать к ней сегодня же. Он ни о чем не расспрашивал и обещал приехать через два часа.

Мария Михайловна жила в однокомнатной квартире на окраине Москвы. Она жила одна, но нельзя сказать, что одиноко. На выходные дни к ней приезжала её мама, часто приходили друзья, а на праздники из Саратова приезжала её самая близкая подруга, Верочка. Правда, с поступлением на работу в загородный музей обычный порядок жизни нарушился. Теперь, когда почти всю неделю её не было в Москве, визиты переместились в Сурминово. На два дома жить стало несколько сложнее. Каждый раз приходилось в двух местах заново заводить хозяйство.

Первым делом она настежь открыла окна, кинулась протирать пыль, поставила варить картошку в мундире и кипятить чайник.

Виктор, как всегда, был точен. Она усадила его в кресло, принесла кофе, печенье и пепельницу. Сделав краткий обзор событий в музее за последние месяцы, она подробно изложила ему свои подозрения в отношении Миши Снежного и Розена и закончила описанием странной истории с огоньками в Столовой.

Виктор терпеливо выслушал, но явно не понял, в чём проблема. Маше пришлось долго объяснять ему, почему Столовая в сурминовском Доме не простая комната, а помещение, специально оборудованное для собраний масонской ложи. Тем, кто проник в Дом, могло быть известно назначение этой комнаты, и они проникли в Дом, чтобы совершить там свои тайные ритуалы.

- Маша, ты прекрасно знаешь, что я к твоим розыскам по истории масонства отношусь скептически. Скажи, в чём ты усматриваешь конкретную опасность?
- Больше всего я боюсь за Архив. Всем известно, что в библиотеках постоянно воруют ценные книги, в художественных галереях картины. Но о том, что воруют документы из архивов, широкой публике неизвестно. А их воруют даже из крупных Государственных архивов, не говоря уж о провинциальных музейных хранениях. Мне рассказывали, что недавно в Ленинграде начался судебный процесс по делу о краже документов из Центрального Архива известным доктором наук. А в Москве арестовали группу архивистов, которые, пользуясь служебным положением, во время контрольных проверок воровали целые дела из музейных хранений.
- Положим, книги и картины можно продать коллекционерам, но документы? Кому, кроме специалистов, они могут понадобиться? – спросил Виктор.

- Дело в том, что на Западе бизнес на продаже художественных ценностей давно процветает. У нас он тоже стал набирать обороты. Но, сам понимаешь, что у нас в стране внутренний рынок для сбыта весьма ограничен. Поэтому ворованное переправляют, как правило, за границу. Конечно, подобные операции можно осуществлять только при условии, если исполнителей прикрывают люди, занимающие очень высокие должности.
- Это понятно. Но скажи, Маша, кому, кроме тебя, могут быть интересны документы семейного архива каких-то Камыниных? продолжал допытываться Виктор.
- Скажу, устало проговорила Маша, хотя я это тебе уже несколько раз объясняла. Архив в Сурминове не столько семейный, сколько масонский. Посему он представляет огромную ценность не только для потомков Камыниных, живущих в Советском Союзе, но и для потомков тех розенкрейцеров, которые в свое время эмигрировали на Запад.
  - И ты думаешь, они знают о том, что этот архив сохранился?
- До недавнего времени, может быть, и не знали. Архивом никто не занимался, о его существовании почти никто не знал. Но ситуация резко изменилась после смерти Павла Николаевича. Доступ к архиву получили многие, в частности, здесь побывали и те самые контролеры, о которых я тебе сказала. Это случилось до моего прихода в музей. Возможно, уже тогда они кое-что «позаимствовали». Проверить это нет никакой возможности, потому что нет Описи дел. Так или иначе, я просто нутром чувствую, что с приходом нового директора в Сурминове началась какая-то мышиная возня.
  - Маша, чем я могу тебе помочь?
- Мне кажется, что там замышляется если не преступление, то нечто, близкое к нему. Возможно даже, оно уже не только замышляется, но и совершается. Я попросту боюсь, а посоветоваться мне не с кем. Конечно, я могу всё рассказать маме, но она начнёт волноваться. Поэтому я и выбрала тебя. Ты ведь не бывал в Сурминове?
  - Бывал.
  - *Ты* бывал? Когда же это?
  - Давно. Ты еще тогда там не работала.
  - Вот новости. Когда же?
  - Это к делу не относится.
  - Нет уж. Теперь скажи, когда? Все может относиться к делу.
  - Маша, мне об этом говорить не хочется.
  - Но это же не государственная тайна, в конце концов!

Она задумалась и в рассеянности взглянула в окно. День стоял жаркий, напротив белели раскаленные на солнце дома-близнецы. Она встала и задернула занавеску, чтобы не видеть эти камеры-соты.

– Раз так, то я сама тебе скажу, когда ты там бывал: не позднее лета 1975 года, – решительно заявила Маша.

Виктор смутился и спросил:

- Откуда ты знаешь?
- Я не знаю, но сейчас вычислила. Осенью 1975 года ты уехал во Владивосток, вернулся в Москву полгода назад. Ко мне в Сурминово ни разу не приезжал, хотя все знакомые уже у меня там перебывали. Вчера даже на концерт Елены не приехал. Мне бы хотелось, чтобы ты и теперь там бывал, но чтобы никто не знал, что ты мой родственник. Скажи, знаешь ли ты кого-нибудь из музейных?
- Ты вычислила верно. Летом 1975 года я отдыхал в санатории, в Оленине. В музей ходил часто. Знаю Витольда, Григория Ильича, Елизавету Алексеевну...

– Лизу знаешь? В таком случае ты можешь появиться в Усадьбе не через меня, а как старый знакомый Лизы и Гриши.

Виктор молчал. Глаза опустил и как-то замкнулся весь. Маша даже растерялась и в полном недоумении спросила:

- Что тут сложного? Приедешь, по старой памяти зайдешь во Флигель, хотя бы к Грише, например, он человек общительный.
  - Нет.
- Господи, почему нет? Ну, хочешь, я тебе телефон Лизы дам. Позвонишь ей, скажешь, вот, мол, хотелось бы опять в Сурминове побывать. Что-нибудь вроде этого.
  - Телефон Елизаветы Алексеевны я знаю.
- Ах, так? Вот и звони сейчас. Она сегодня в Москве, мы вместе ехали на выходные... Впрочем, если тебе так уж не хочется, то оставим это. Я просто надеялась, что ты согласишься мне помочь одной трудно, и страшновато.
  - Хорошо. Я позвоню.
  - Звони сейчас. Я пойду еще сварю кофе.

Она вышла. Терпеливо ждала, пока вскипит. И вдруг её осенило: «капитан дальнего плавания», «разбитое сердце», «цветы из Австралии», «красивый и высокий» – всё это так. Но Виктор вовсе не капитан, он просто военный гидрограф. В Австралии он действительно был, и это, конечно, в его духе – прислать цветы по почте. Высокий? Пожалуй, да, но красивый? Впрочем, об этом не ей судить. В результате кофе, как всегда, выкипел и залил плиту. Она вернулась в комнату, разлила кофе в чашки и стала разглядывать Виктора. Он сидел в кресле и молчал.

- Что ты меня разглядываешь?
- Не могу решить, красивый ты или нет.
- Маша, ты совсем с ума сошла, право. В твои планы входит, чтобы я еще и красивым был? Вряд ли я и это требование смогу исполнить. Я позвонил.

Опять молчание. Маша терпеливо ждала продолжения, зная его манеру говорить; вернее, не говорить – действительно «партизан», как звала его бабушка когда-то. Клещами из него ничего не вытянешь. Она опять на него внимательно посмотрела. Он приехал не в форме, а в светлой рубашке; лицо узкое, смуглое от загара, седеющий ежик волос; глаза светлые, строгие – ничего особенного. Наконец, она не выдержала и спросила: «Виктор, что же Лиза? Вспомнила тебя?»

- Да, ответил он. И опять молчит. Наказание какое-то.
- Ты будешь говорить или нет? С тобой действительно с ума сойти можно.
- Елизавета Алексеевна сказала, что недели через три у вас откроется выставка фарфора. Пригласила приехать на открытие.
  - И что же ты решил?
  - Я поеду завтра.
- «Ого! Маша обрадовалась чисто по-женски. Даже о масонах забыла. Это он, это он! Раз едет завтра, значит, это он и есть». Тут же её мысли направились в романтическое русло. Через минуту она уже выдала Лизу замуж за Виктора, еще через две вообразила рождение детей. Словом, представила всё, о чем мечтают женщины, когда заметят хотя бы самое начало, пробуждение взаимных симпатий между мужчиной и женщиной. Еще через минуту она уже не просто мечтала, а ликовала. Еле сдержалась, чтобы не высказать всё это вслух.
  - Ты что улыбаешься? Марья! Сама просила, теперь улыбаться начала.
- Я улыбаюсь? Не выдумывай. Всё складывается хорошо. Одно только непонятно. Разве Лиза завтра будет в музее?
- Будет. Ваша Ариадна умоляла её помочь с выставкой из Москвы какие-то художники должны приехать, их принимать нужно.

- Замечательно. Заодно осмотришь Конный двор. Ты его помнишь?
- Помню. Где-то на краю парка, у оврага. Такое странное шестиугольное здание. Кстати, скажи, почему в старину любили строить шестиугольные конюшни? Мне кажется, похожие строения я видел ещё в Марфине и в Середникове.
- Какой ты приметливый! удивилась Маша и пояснила: Шестиугольник у масонов символизирует «Щит Давида», по-еврейски «Могин Довид». В Шотландском масонстве этот «щит» эмблема 26 градуса. Однако конюшни частность. Гораздо интереснее то, что усадебные ансамбли похожи друг на друга в целом: будто они строились по типовому проекту одним Великим Архитектором.
- Опять на масонов намекаешь? Ведь такого рода схожесть разумнее объяснить просто модой на тот или иной архитектурный стиль. Не так ли?
- Я не намекаю, а говорю прямо, категорическим тоном проговорила Маша. Согласна, что многое объясняется модой, то есть бездумным копированием популярных образцов. Но в самих образцах всё было продумано до мелочей.
  - Что всё?
  - Поясню на одном примере. Ты бывал в Кускове?
  - Бывал, и не раз. Там замечательный парк.
- Вот-вот. Именно **замечательный**, а особенно своей планировкой. Дело в том, что с земли мы не видим весь парк в целом. И только вид сверху, с крыши дома или на плане, позволяет увидеть чертеж, по которому с геометрической точностью проложена сеть аллей, дорожек и кругов в местах их пересечений. Хочешь, я тебе покажу план этого парка?

Не дожидаясь ответа, Маша тотчас кинулась к секретеру и стала рыться в ворохе бумаг. Виктор понял, что попался. По опыту он знал, что теперь Машу не остановить, а потому смирился и стал терпеливо ждать. Как ни странно, план, несмотря на жуткий беспорядок, всё же отыскался. Они стали вместе его разглядывать. Виктор ничего особенного в нём не узрел, но, когда Маша положила рядом чертёж какой-то фигуры с непонятными надписями, ему стало ясно, к чему она вела.

– Скажи, похож ли план парка на этот чертеж? – спросила Маша. – Наложи эту фигуру на план Кусковского парка, и ты убедишься, что они полностью совпадают.

Виктор покорно наложил кальку на план кусковского парка из путеводителя и убедился, что, за исключением мелких деталей, они совпали. Проявился и пресловутый шестиугольник, «щит Давида». Маша явно торжествовала, но пояснений не давала, по-видимому, ожидая услышать от него самого вопросы. И когда он спросил, почему она придаёт значение этому совпадению, Маша объяснила, что на кальке изображена каббалистическая фигура Сефирот, символ устроения трех миров во Вселенной.

- Ты хочешь сказать, что устроители парка сознательно изобразили эту Сефирот на земле в огромном размере?
- Зачем ты говоришь, что это «я хочу сказать»? возмутилась Маша. Ты что же, думаешь, что я подтасовываю факты? Или ты полагаешь, что это случайное совпадение?
- Да не обижайся ты, Маша. Я просто не вижу смысла в таких затеях. К тому же всё это смахивает на историю с пресловутыми «рисунками на плато Наска» в Южной Америке. Ведь и там «рисунки» увидели только с самолёта, сверху. Дело кончится тем, что кто-нибудь из уфологов объявит наши усадебные парки следами «пришельцев».
- Виктор, сравнение с рисунками Наска, признаюсь, мне в голову не пришло. Но, если исключить бредни уфологов о пришельцах, то оно весьма удачное. Тебе, конечно, кажется всё это моими выдумками. Но если бы ты знал, что это обычный приём архитекторов, то воспринял бы сказанное мною гораздо спокойнее.

- Что значит «обычный приём»?
- Понимаешь, архитекторы всех времен «воплощали» на местности символы, а значит, и свои религиозные представления. Простейший пример древние лабиринты. Они распространены повсеместно. Кстати, в XVIII веке лабиринты вновь стали одним из излюбленных элементов регулярных парков. Точно так же, как египетские пирамиды, сфинксы и обелиски, как античные статуи, триумфальные арки, романтичные гроты и эрмитажи. Для нас Эрмитаж это музей в Ленинграде, а для «посвященных», которые знали французский язык лучше русского, это слово означает «приют отшельника». Все подобные строения тоже символы. Мы смотрим на них только как на элементы декора, но ведь для их создателей они были наполнены религиозным содержанием. Вопрос в том, что означают эти символы? Зная значение символов-слов, можно прочесть написанный на земле текст.
  - И ты знаешь их значение?
- Наизусть, конечно, не знаю. Но существует много книг, где расшифровывается символика атрибутов, чисел и разного рода эмблем. Каждый, если заинтересуется, может узнать их **значение**. Хотя, на мой взгляд, гораздо интереснее выяснить **назначение** таких архитектурных фокусов. Ученые специалисты полагают, что назначение их в том, чтобы, как и в любом храме, совершать **магические ритуалы**, служить своему божеству.
  - Маша, а в Сурминове парк тоже разбит по такому плану?
- Не знаю. Я этим еще специально не занималась, ответила она и неожиданно спросила, когда у него отпуск.

Виктор ответил, что в конце августа.

- Прекрасно. Тогда у меня к тебе вторая просьба. Ты не хочешь поехать в Ферапонтов монастырь?
  - Я не успел захотеть.
- Ну, захоти, пожалуйста. Я там пятнадцать лет не была. Помнишь, я туда пыталась экскурсоводом устроиться? Тогда там музея еще не было. Свози меня туда, Витенька, очень тебя прошу. Заодно я смогу и в Ярославле одно поручение выполнить.
  - Что значит «свози»? У меня ведь, как ты знаешь, нет машины.
  - Я уже всё продумала. Машина есть у твоего приятеля. Забыла, как его зовут.
  - Владимир.
- Водить ты умеешь. Машину попросишь у него. И мы поедем. Вообще-то говоря, мы с Лизой вместе собирались ехать, но на поезде мне не хочется достать билеты одно чего стоит. Потом, я не выношу гостиниц, а так мы можем сами по себе быть. Возьмем палатки... Костерок вечером...
- Я вижу, ты размечталась. Не обещаю, но попробую. Ты мне вот что скажи, какое тебе дело до этих масонов?
  - До них мне дела нет. Но меня интересует Мусин-Пушкин.
  - Почему?
  - Потому что он почти мой личный враг.
  - Позволь, но он ведь умер уже давно. Что он тебе сделал?
- Мне он ничего не сделал. Но в 1800 году он издал пресловутое «Слово о полку Игореве».
  - Князь Игорь тоже твой личный враг?
  - Нет. Дело не в князе, а в «**Ироической песне**» о нём. Я думаю, что это **подделка**.
- Час от часу не легче. Оставим в стороне вопрос о подделке. Насколько мне известно, кроме сумасшедшего Каченовского, никто не сомневался в подлинности «Слова». Пушкин, Карамзин, Калайдович да все серьезные ученые... И нынешние

корифеи – Рыбаков, Лихачев... Рыбаков даже автора нашел, какого-то боярина, Петра Болеславовича.

- Спасибо за Каченовского. Он наш дальний предок по боковой линии.
- Новости. Ты Серёгина по отцу. Дед у тебя Коробьин.
- Дед Коробьин, а бабушка по линии матери троюродная правнучка Михаила Трофимовича Каченовского, которого ты обозвал сумасшедшим.
  - Так в тебе что, чувство кровной мести заговорило?
- Нет, я пока с ума не сошла. Или ты полагаешь, что дурная наследственность могла передаться через пять поколений? Но по наследству передалась мне одна его рукопись. Сейчас я тебе её покажу.

Маша пошла к секретеру, открыла крышку и стала рыться на полке, плотно набитой старыми альбомами, папками, связками писем – всем тем, что она называла «семейным архивом». Наконец, вытащила небольшую тетрадь в красном кожаном переплете и протянула её Виктору Николаевичу.

– Вот, возьми. Может, прочтешь на досуге. Только об одном тебя прошу, – не потеряй и никому не показывай. Всё. Мы обо всем договорились. Я позвоню тебе в следующую субботу.

Утром во вторник Мария Михайловна, как всегда, ехала в Усадьбу. Елизавета Алексеевна по дороге рассказала ей о художниках-оформителях, о плане выставки и так, между прочим, упомянула о приезде своего давнишнего знакомого, Виктора Николаевича Скребницкого. Маша не сочла возможным скрывать от Лизы свое родство с ним и свою причастность к его воскресному визиту. Об одном просила Лизу, никому не говорить, что он её родственник. Обе они поахали насчет совпадений, которые в жизни случаются так часто, а в романах им никогда не верят и обвиняют авторов в том, что они нужны им для развития сюжета. Взять, хотя бы для примера, роман Пастернака «Доктор Живаго». Там многое построено на случайных совпадениях и неизвестных людям связях. Многие этот роман критикуют именно за это.

- Маша, раз уж о родстве речь зашла, то объясните мне вот что. Виктор Николаевич Скребницкий. Он что же, родственник пианистки Антонины Скребницкой? спросила Елизавета Алексеевна.
  - Да. Это его бывшая жена, мать Елены.
  - Какой Елены?
- Той самой, что в пятницу концерт у нас давала. С Антониной он разошелся, когда Леночке было 5 лет. Она всё больше у бабушки жила, матери Виктора. Впрочем, лучше он вам как-нибудь сам расскажет. Мне неудобно о его личных делах говорить.

Они медленно шли по липовой аллее к Конному двору. За ними увязался пёс Федя и верная Кассандра. Федя постоянно гонял усадебную кошку Машку, но Кассандру побаивался. Она при первом же знакомстве зашипела на него и так ловко надавала по морде лапами, что он к ней близко не подходил. Вот и сейчас он бежит где-то сбоку – хвост баранкой, к земле принюхивается, у деревьев лапу поднимает. А Кассандра эдакой «принцессой» выступает впереди по дорожке. «Принцессой», а точнее, «принцызой» назвала её одна смотрительница. Так к ней эта кличка и пристала. Бежит, хвост трубой, иногда обернется, сядет и поджидает, и щурит на солнце зеленые глаза. Всей компанией они подошли к Конному двору. Действительно, здесь сделали «косметический» ремонт – побелили снаружи, вставили стекла в окна, стены обили деревом, положили паркет. Внутри они застали двух бородачей-художников и Ариадну Ивановну. Должны были сегодня завезти стекло для витрин. Ариадна пояснила Лизе и Маше, что художники чрезвычайно талантливо «решили пространство» – всё будет затянуто черным шелком: и потолки, и стены, и даже окна. А в нём – в этом «новом пространство» – будут стоять вертикальные витрины из стекла,

и в них будет стоять фарфор. Снаружи на каждый «объект» будет направлен луч от яркой лампы, как прожектор. Мария Михайловна слушала рассеянно и с тоской смотрела в еще не закрытые черным шелком окна. В каждом из них открывались разные уголки парка: аллеи, далекие беседки, статуи. Она не понимала, какая нужда была в том, чтобы это великолепие закрыть черным шелком, но решила не вмешиваться и только спросила:

- А как с охраной? Сигнализацию провели?
- Директор сказал, что всё будет, заверила Ариадна. С этим действительно осложнения. Милиция не берется охранять без сигнализации. Они, конечно, правы. Из их помещения Конный двор даже не проглядывается. Да и далеко. Но я думаю, всё как-нибудь образуется.

Через две недели с «пространством» в Конном дворе было покончено. Наши бабушки-смотрительницы боязливо крестились, входя в этот черный склеп, и отказывались сидеть в нем по целым дням. Витрины сияли. Из Дома стали выносить фарфор: две вазочки из Мейсена, вазу в виде корзины для фруктов Венского завода, чайный сервиз Императорского завода в Петербурге, три страфокомиловых яйца работы Фаберже, заодно английский и итальянский фаянс, стекло XVIII века. Словом, ценности немалые. Выставку открывали в середине июля.

Из Москвы приехала элитная публика: представители из Управления, из Ломакинского райисполкома. Директор проговорил речь. Ариадна Ивановна провела показательную экскурсию. В книге отзывов были оставлены первые восторженные отзывы, и выставка стала жить своей жизнью. Экскурсоводы должны были ежедневно нести несусветную чушь насчет «связи фарфора с литературным процессом», обращая внимание посетителей то на вазу или пепельницу, то на соответствующий портрет владельца (или предполагаемого владельца) предмета, заодно рассказывая его биографию. Публика не сразу осваивалась в столь своеобразно «решенном пространстве» и в первый момент даже немного пугалась, попадая в этот «черный ящик» из парка, наполненного солнечным светом и запахом лип. Но скоро глаза людей загорались восторгом и даже каким-то странным возбуждением от вида роскошных ваз, блеска золота на их ободках, от тонкого кружева серебряной скани. Словом, выставка имела успех и давала доход.

А в середине августа и Кухню открыли. Там, вперемежку стояли предметы кухонного быта русской избы и усадебной кухни – глиняные горшки, туесы, деревянные ложки, старинные кофемолки, резные формы для изготовления пасхи, огромный, похожий на самовар, фаянсовый холодильник, который посетители почему-то упорно считали самогонным аппаратом XIX века. Теперь после изысканно литературной экскурсии с цитатами из Белинского, Герцена, Погодина и чтения стихов в гостиных и кабинетах, посетителей вели на Кухню, потом – Парк, потом – Фарфор. В Конном дворе укрепили рамы в окнах. Навесили два замка, и каждый вечер дежурный научный сотрудник старательно опечатывал дверь Конного двора той же медной печатью с дворянским гербом Камыниных. Милиция обещала раз за вечерненочную смену делать обход, но на охрану не брала.

А сигнализацию так и не провели.

Шло обычное музейно-экскурсионное лето. В конце июля Мария Михайловна подала в Министерство докладную об аварийном состоянии Дома. Гриша развлекал практиканток. Изредка, в выходные дни все ходили за малиной и грибами в Васильевский лес. Кое-кто уехал в отпуск. В конце августа Маша и Лиза тоже ушли в отпуск. Виктор Николаевич взял машину у своего друга, и они отправились на северовосток, в Вологодчину.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Доказать весьма нетрудно, что известия баснословные мы с важностью передаем своим читателям прежде очищения достоверных документов от подложных...

М.Т. Каченовский, 1828

Виктор Николаевич предложил выехать как можно раньше, чуть ли не в пять утра, чтобы избежать потока машин на шоссе. Решили собраться у Маши на Ярославском шоссе и от нее уже всем вместе выезжать. Весь вечер возились, собирали вещи, продукты. Притомились и вечеряли тихо: каждый о своём думал.

Лиза прервала молчание.

- Когда в Лавру еду, всегда вспоминаю «Уходящую Русь» Корина. Ушла ли она? Вот и мы в Сурминове всё вздыхаем, что *«скоро без следа погибнет это всё, погибнет навсегда»*.
- Не верю я в это, сказала Маша. Думаю, что без следа ничто не пропадает. Это так кажется нам, жителям городов, а в глубинке люди живут совсем по-другому. Там, несмотря на все притеснения и гонения, неведомыми для нас путями как-то всё передается.

Неожиданно беседу поддержал обычно молчаливый Виктор.

 Ты помнишь наш поход из Дмитрова в Загорск и тётю Полю? — спросил он Машу. — Я запомнил её на всю жизнь.

Маша молча кивнула головой, а Виктор спохватился, что Елизавета Алексеевна не знает, о чём идёт речь. Обращаясь к ней, он пояснил, что в середине 50-х годов они с Машей занимались в кружке при Геофаке МГУ. Возникновение этого кружка было связано с радиопередачей Клуб знаменитых капитанов. Однажды её ведущие объявили викторину и пообещали, что победители получат звание корабельного юнги. Что делать дальше с этими юнгами, никто не знал. Кому-то пришло в голову организовать для них при Географическом факультете МГУ кружок. Так и возникла Школа юнг. Маша и Виктор с детских лет играли в пиратов и капитанов, поэтому, услышав о наборе в Школу юнг, тут же решили в неё поступить. Занятия проходили в аудитории на 18 этаже нового здания Университета. Руководили кружком студенты. Летом 1956 года они организовали для своих подопечных настоящую экспедицию в Мещеру на Белое озеро.

— Лиза, помнишь Олега Павловича, который поил нас чаем на холме, после концерта? — спросила Маша. — Кандидат наук, ученый-гидролог, он согласился приехать в нашу детскую экспедицию в свой отпуск. У него была байдарка. Я записалась к нему в гидрологический отряд. Там, на Белом озере, мы с ним и подружились на всю жизнь. С того счастливого времени прошло уже 25 лет! Жуть!

- На следующий год, продолжил свой рассказ Виктор, занятия в МГУ как-то сами собой прекратились. Но юнги не хотели расставаться друг с другом. И так получилось, что ещё подростками мы стали самостоятельно ходить в походы, лыжные и пешие. Ходили почти каждое воскресенье, на все праздники, на зимние и весенние каникулы. Исходили, можно сказать, всё Подмосковье. Тогда массового туризма не было, и в деревнях нас принимали очень приветливо.
- Бывало зимой, опять перебила его Маша, целый день идём на лыжах, уже затемно подходим к деревне и просимся на ночлег. Десять подростков с рюкзаками и лыжами! Но нас не боялись впустить в дом, и не было случая, чтобы мы остались на улице. Всегда кто-нибудь на ночлег пустит. А избы-то небольшие. Зимой тут же в избе ягнята бегают, копытцами постукивают *тук-тук*. А около печи поросенок хрюкает. Виктор, прости, что перебила. Ты что хотел рассказать?
- Про тётю Полю, ответил Виктор. В весенние каникулы мы пошли пешком от Дмитрова до Загорска. В первый день к вечеру пришли в большую деревню. Как выяснилось потом из разговоров, там когда-то снимался фильм «Дело было в Пенькове». Девушки, помните этот фильм?
- Как не помнить? Песня из этого фильма, можно сказать, стала народной, ответила Маша, улыбнулась и с чувством пропела: «Парней так много холостых, а я люблю женатого...»

Виктор внимательно посмотрел на сестру и продолжил:

— Так вот, пришли мы в эту деревню к вечеру, постучались в крайнюю избу и спросили, к кому лучше на ночлег попроситься. Хозяйка говорит: «Идите к тете Поле, она всех пускает». Показала, как найти её избу. Мы пришли, постучались. Вышла на крыльцо женщина лет шестидесяти — лицо доброе, мягкое. Пустила нас, да чуть ли не извиняется: мол, тесно в избе, да муж болен. Шестнадцать лет, как он почти неподвижен из-за осложнения после гриппа. Напились мы чаю и сразу спать легли, на полу. Утром встали, а тети Поли нет. Оказалось, что работала она в пекарне. Вставать ей приходилось очень рано, чтобы до ухода на работу успеть управиться по хозяйству, обиходить и накормить с ложечки больного мужа. Пока мы умывались, она вернулась и принесла свежеиспеченный хлеб. Вот этот запах хлебный до сих пор помню.

Виктор замолчал. Для него это была уже слишком длинная речь, и он надеялся, что Маша воспользуется паузой и продолжит рассказ вместо него. И не ошибся.

— А мне запомнились фотографии в рамках из цветной фольги, — сказала она. — На них лица немного расплывчатые. Это потому, что в деревнях, за неимением больших фотографий, сильно увеличивали крошечные снимки с документов. Обычно это были снимки погибших на войне мужей или сыновей. Мы видели такие фотографии почти в каждой избе, но у тёти Поли их было четыре. Мы спросили, кто это. Она рассказала, что было у них четыре сына. На фронт забирали одного за другим. К концу 44-го пришли три похоронки. Она надеялась, что младшего не заберут. Он только-только школу закончил. Но и его забрали в сорок пятом. И он погиб.

Маша замолкла. Ей вспомнилось, как тогда же, утром, пришла к тёте Поле соседка, маленькая старушка, вся в чёрном, но веселая и разговорчивая. Тётя Поля открыла ящики комода и показала им старые церковные книги в кожаных переплётах. Разговор понемногу перешел на «божественное», и старушка спросила, крещеные ли они? Из восьми ребят и девочек крещёным оказался только один. Они обе заахализапричитали: «Да как же так? Да, вот, мол, за пять верст отсюда церковь есть, и батюшка такой хороший, пошли бы все и окрестились». Ну, они, конечно, туда не пошли.

Как странно, что до сих пор они оба настолько остро переживают события, случившиеся так давно. Переживают так, будто всё это было вчера. Помнятся даже запахи. Вот они вышли на крыльцо. Стоял мартовский день — облачный, пахло снегом и сырым деревом. Они двинулись в путь, несколько раз оглядывались, а тётя Поля стояла на крыльце и долго глядела им вслед. Впервые Маша подумала, что тёти Поли, наверное, уже давно нет на свете, но в их памяти она остается живой. Так и со всеми ушедшими: они живы, пока живут на земле люди, которые их любят.

Виктор разбудил их еще затемно. Утро холодное. Туман. Шоссе пустынное, ехали быстро. Туман лёг полосами, поэтому иногда в слабом свете встающего солнца высвечивались далекие и ближние деревушки, убранные поля, покосившимися крестами и выбитыми окнами. Уходящая Русь? Или уже давно ушедшая? И что такое - эта Русь? Говорено и написано про неё много. Среди любомудров особенно популярны суждения о «русской идее», «русском народе» и, главное, о «загадочной русской душе», чем-то отличающейся от Мировой души, придуманной Шеллингом. Говорят много, но ни на один вопрос нет ответа. По каждому вопросу вместо ответов десятки версий. Никто не знает даже, откуда взялись славяне. Двести лет ученые спорят о том, кто такие варяги. А князь Рюрик — то ли швед, то ли фриз, то ли ободритский князь из Поморья? И от чего произошло само название РУСЬ? Версий опять предостаточно: то ли от антского племени в Приднепровье, то ли от племени балтов, то ли от слова «роутси», которым финны называли шведов. Почему племена, жившие от Буга до Волги – все эти словене и кривичи, вятичи и поляне, угличи и древляне, — почему они забыли имена своих предков? Когда все они усвоили это странное самоназвание «русские»? Странно, прежде всего, потому, что это не имя, а прилагательное.

За этими размышлениями Маша не заметила, как они подъехали к Загорску. Туман еще ютился в оврагах и в узких улочках, по низам. Но монастырь и высокая колокольня были уже освещены солнцем. Успение — престольный праздник в Лавре. Сегодня канун праздника, но уже наполняется Лавра богомольцами со всех концов страны. Тянутся по взгорку люди на раннюю обедню. Наши паломники прошли к Троицкому собору, потом пошли в Успенский собор, но там оказалось столько народу, что и в двери не смогли войти.

После конца службы на дворе Лавры стало многолюднее. Тут и там на площади перед колокольней стояли группы экскурсантов и слушали заученные речи экскурсоводов. В серой толпе выделялись яркие, оживленные интуристы. К этому времени на площадке перед вратами уже расположилось целое стадо автобусов.

Путешественники в молчании покинули Лавру. Когда проезжали Деулино, Маша тщетно пыталась отыскать глазами избу, в которой они ночевали в том давнем походе. Вспомнила хозяина, который не побоялся впустить их в дом, несмотря на ночное время. Из разговора с ним выяснилось, что они случайно попали в ту самую деревню, где был заключен знакомый из школьного курса истории Деулинский мир с поляками.

- Ты помнишь, как мы отсюда шли пешком в Загорск? спросила она Виктора.
- Помню, конечно, ответил Виктор. Им было тогда лет по 14-15, и они впервые увидели монастырь. Сначала услышали колокольный звон и увидели золотые звезды на голубом куполе Успенского собора. Издали Лавра казалась сказочным городом, но вблизи, у ворот, прямо на земле сидели нищие и калеки. Из кинотеатра напротив гремела музыка. Со всех сторон к воротам тянулись струйки богомольцев, многие с котомками и сумками в руках.

– Следуя за всеми, мы вошли в Троицкий собор, – вновь заговорил Виктор, обращаясь к Лизе. – Там было темно, тесно и душно. Запах ладана, огоньки свечей, тёмные лики на иконах и дивное пение – всё это буквально завораживало. Мы с трудом протиснулись вглубь и увидели длинную вереницу людей, которые ползли на коленях к позлащенной раке. Пожалуй, это потрясло больше всего: ведь мы никогда не видели людей на коленях. Стояли мы недолго. Откуда ни возьмись, к нам пробрался через толпу сердитый монах и потребовал, чтобы наши девочки покинули храм, потому что были в лыжных шароварах и сапогах. Изгнанные с позором из храма, мы оказались на площади перед колокольней. Подошли к группе старушек с бидонами в руках и попросили у них воды, просто попить. Они сразу же накинулись на нас с упреками за шаровары и за то, что мы *нехристи*. Пить они нам не дали, заявив, что вода в бидонах не простая, а святая. Так что от первого посещения Лавры у меня осталось смешанное чувство.

Рассказ Виктора огорчил Лизу явным непониманием той обстановки, к которой она с детства испытывала самые благоговейные чувства. Поэтому она с надеждой спросила, понравилось ли ему в Лавре теперь. Виктор Николаевич хотя и заметил её огорчение, но не хотел притворяться и ответил неожиданно резко:

— Простите меня, Елизавета Алексеевна, но что поделаешь, если первые впечатления бывают обычно и наиболее сильными. Сознаюсь, что с тех пор я всегда захожу в церковь с опасением. Каждый раз чувствую себя неловко: вдруг сделаю что-то не так, и меня опять выгонят. Маша в Лавре бывала часто, а я с тех пор в Загорске не бывал. Поэтому сегодня меня особенно поразило внешнее великолепие Лавры в сравнении с тем, что мы увидели тогда. К сожалению, моё впечатление на этот раз ещё более тягостное. Какая-то суета, повсюду торговля сувенирами, толпы экскурсантов и интуристов...

После Загорска шоссе сузилось, машин стало больше. Они решили завтракать в Переславле. Проехали часовню Крест, и вскоре открылось Плещеево озеро. Минуя Федоровский монастырь, повернули налево к Горицкому монастырю. Пошли в Успенский Собор. Внутри собора барочная лепнина на голубом фоне, резной из дерева позлащенный иконостас, а на Царских дверях рельефное изображение Тайной Вечери. Маша позвала своих спутников в северный придел, где сохранилась настенная живопись XVIII века на библейские сюжеты: «Вавилонская башня» и «Медный змий».

Вдруг они услышали радостный возглас: «Маша! Лиза!» Они оглянулись и увидели сурминовскую Зиночку в окружении толпы экскурсантов. Начались поцелуи, возгласы удивления и радости. Выяснилось, что Зина, по старой памяти, возит иногда экскурсии от областного Бюро и тем подрабатывает.

- Вы меня во дворе подождите. Сейчас придет местный экскурсовод, я освобожусь, и мы сможем вместе погулять, сияя широко поставленными голубыми глазами, говорила Зина. При этом она с любопытством быстрыми и меткими взглядами рассматривала Виктора Николаевича. Они вышли из собора, и вскоре Зина сбежала по ступенькам крыльца, радостно восклицая: «Я свободна! Свободна!»
- Зина, пошли с нами. Мы еще не завтракали. Я знаю тут уютное местечко, сказала Мария Михайловна.

Лиза с Виктором вернулись к машине за провизией, а они пошли вперёд и вскоре вышли на край высокого склона у северной стены монастыря. Отсюда были хорошо видны голубая чаша Плещеева озера и город с серыми крышами домов. На другом берегу озера сказочным городком гляделся Никитский монастырь. Расстелили на земле салфетку, разложили дорожную снедь: бутерброды, огурцы, зелень, термос с чаем.

- Как я люблю в дороге трапезовать! Чудо, как всё вкусно, приговаривала Маша и всех потчевала. Зина, так вы в Москву едете или в Ярославль?
- Сегодня едем в Ярославль, там ночуем в гостинице, а оттуда вечером в Москву. А вы куда?
  - Мы едем в Вологду, а в Ярославле собираемся только переночевать.
  - А где остановитесь? спросила Зинаида.
- Да я думала у Нины Павловны. Но я не дозвонилась ей. Надеюсь, в музее её застать, – ответила Мария Михайловна.
- У меня, как всегда, группа неполная. На пустые места я смогу вас в гостинице устроить, – решительно заявила Зина, – и мы вместе проведем вечер.
- Я гостиницы ненавижу, но придется, наверное, воспользоваться вашим предложением, Зиночка. Нина Павловна живет с семьей в крохотной квартирке, и мы вчетвером у них поместимся с трудом.
- Всё, договорились, Зина вскочила, торопясь уходить. Я побегу к своим подопечным. А вы ждите меня в три часа у гостиницы увидите её сразу за мостом через Которосль... Вы бы знали, как я рада своих встретить. Тоска такая эти экскурсии!

Она побежала к автобусу, а Маша и Лиза принялись убирать и складывать в сумки остатки пиршества. Потом долго сидели и смотрели на город, на озеро, кормили чаек остатками хлеба.

Так всё благополучно устроилось само собой. Все сурминовские заботы и тревоги отступили под натиском новых, свежих впечатлений. Дышалось легко, весело было глядеть на пробегающую за окном землю, видеть украшенные резьбой избы, далекие холмы, белокаменный Ростов Великий и озеро Неро...

По прибытии в Ярославль сразу поехали на набережную, где расположен Художественный Музей. Маша спешила туда, чтобы выполнить поручение Елены Дмитриевны, маминой школьной подруги. Леночка, как называла её мама, жила в старом доме в центре Москвы. Волею судьбы, она хранила работы художника, уроженца Ярославля, Михаила Ксенофонтовича Соколова. Судьба его была трагичной: он был арестован в 1938 году и пять лет провел в лагерях на станции Тайга, в Сибири. По освобождении жил в Рыбинске, но вскоре, в 1947 году, умер. Справку о реабилитации удалось получить только в 1958 году, и с тех пор почитатели его таланта прилагали немалые усилия, чтобы добиться организации выставок его работ.

Ярославский музей, естественно, был озабочен тем, чтобы собрать у себя художественное наследие знаменитого земляка. Поэтому уже несколько лет Нина Павловна собирала работы Соколова, хранившиеся у разных людей, в том числе и у Леночки. Вот и теперь Елена Дмитриевна хлопотала в МОСХ об устроении его выставки. Через Машу она передала Нине Павловне папку с рисунками Михаила Ксенофонтовича и записку с просьбой прислать акт о приёме этих работ в музей. Она также просила заранее подобрать картины и рисунки, которые Ярославский музей предоставит на долгожданную выставку, и прислать через Машу их список.

Пока её спутники осматривали залы музея, Маша отыскала кабинет Нины Павловны, и они успели не только все дела завершить, но и вместе попить чайку. Потом Нина Павловна повела Машу и её спутников в Митрополичьи палаты, в хранилище древних икон, и показала особо почитаемую до революции икону Богородицы из Толгского монастыря. Нина Павловна, конечно, стала зазывать их к себе, чтобы переночевать. Но Маша сказала, что её гостеприимством им придется воспользоваться только в крайнем случае, если ничего не выйдет с гостиницей. На том и расстались. К двум часам они подъехали к гостинице и тут же увидели шумную толпу туристов во главе с Зинаидой. Благополучно устроились в гостиницу, пообедали и уже вчетвером направились в Спасский монастырь.

Как только они вошли в монастырь, Маша, будто невзначай, заметила, что, по одной из версий, именно здесь было найдено «Слово о полку Игореве».

- Когда мы водим экскурсию в Пскове, то обязательно рассказываем о «Слове», потому что Псковская земля считается родиной второго списка «Слова», с воодушевлением сообщила Зина.
- Зина, как вы можете такое говорить! Ведь это неправда! возмутилась Маша. В Пскове нашли не список «Слова», а рукописную книгу «Апостол» 1307 года. На последнем её листе переписчик, писец Домид, оставил запись, текст которой оказался схожим с одной из фраз в «Слове». Об этом совпадении первым написал Карамзин в 4-м томе своей «Истории», изданном в 1817 году. Спрашивается, каким образом одна фраза писца Домида превратилась во второй список «Слова»? Очень просто. За 160 лет вокруг этой приписки в ученых кругах сложилась длинная цепочка «гипотез». Если есть сходство, значит, писец списывал из «Слова». Если списывал, значит, у него был другой список. Если такой список был, то мы обязательно его найдем. При таком положении дел нет ничего удивительного в том, что многие уверены, что его уже нашли. И очень немногие знают о том, что и первого списка уже давно нет.
  - То есть, как нет? А куда же он делся? спросила Зина.
- До публикации в 1800 году рукопись видели только издатели, то есть сам граф Мусин-Пушкин и еще три или четыре человека. Их называют очевидцами. Издатели дали поэме название «Ироическая песнь о походе князя Игоря». Они и датировали произведение XII веком, полагая, что автор был современником похода 1185 года, а возможно, и его участником. По словам этих очевидцев, «Песнь» была написана не на пергаменте, а на бумаге, и не полууставом, а скорописью, то есть никак не ранее XIV-XV веков. Больше никто этого «первого списка» не видел, и за 200 лет не смогли найти ни одного другого. В таких обстоятельствах, когда исчезает единственный, пусть поздний, но первоисточник, сомнения в правомерности датировки по содержанию неизбежны. Если «Слово» считать произведением XII века, то почему бы Гомера не посчитать участником и очевидцем Троянской войны? Кстати, в реальность самого Гомера далеко не все верят. Пушкин, например, упоминая его имя, пишет: «если он был». Так что наше «Слово» не исключение.
- Но каким же образом пропал «первый список»? впервые заинтересованно спросил Виктор. Ведь не мог же Мусин-Пушкин его потерять?
- Прошло 15 лет после первого издания «Ироической песни». Некоторые высказывали сомнение в её древнем происхождении. Чтобы опровергнуть «святотатцев», убеждённый в подлинности «Слова» историк Калайдович захотел выяснить точные обстоятельства её находки, а также увидеть «подлинник» своими глазами. Он написал письмо Мусину-Пушкину, но граф почему-то не захотел отвечать на его вопросы. Калайдович настаивал, и, наконец, граф признался, что рукописи у него нет. По его словам, она сгорела в его московском доме во время пожара 1812 года. Граф писал, что покидал Москву в спешке и потому не смог взять с собою сундук с древними рукописями. Если верить графу, то во всём оказался виноват не он, а «злодей Наполеон».

Присутствующие с недоверием отнеслись к сообщению Марии Михайловны. Но возразить ей решилась только Елизавета Алексеевна, так как была среди них единственным филологом. Она сказала, что совсем недавно читала статью о том, что «авторитетнейшие ученые с помощью ультрасовременных методов доказали, что версии о фальсификации списка «Слова» абсолютно беспочвенны».

— Если подлинника нет, то скажите, пожалуйста, что же ученые изучают *«ультрасовременными методами»?* — спросила она Машу.

- Повторяю, рукописи нет, ответила Маша тоном лектора. Есть печатный текст, впервые изданный под названием «Ироическая песнь» в 1800 году. За неимением «подлинника» он и стал первоисточником. Все последующие издания это перепечатки с того, первого. По неизвестным причинам первоначальное название изменили, и уже давно «Ироическая песнь» называется «Слово о полку Игореве». Когда выяснилось, что «подлинник» исчез, ученые авторитеты разделились на два лагеря. Первый составили «ортодоксы», и их было большинство. Они свято верили в то, что «Слово» было написано неизвестным автором в XII веке и что вскоре найдутся другие его списки. Они также предвкушали, что в архивах вскоре найдутся и другие произведения «древнерусской словесности». Второй лагерь был малочисленнее. Его составляли те, кто не верил в древность «Слова» и не считал возможным серьезно обсуждать текст, пока не появится хотя бы еще один список. Таких «еретиков» принято называть скептиками, но о них широкой публике почти ничего не известно. Скептиком был и тот самый Каченовский, которого Пушкин зло высмеивал в своих эпиграммах.
- Насколько я помню, в середине XIX века какой-то второй список всё же нашелся. Почему вы о нём ничего не говорите? спросила Лиза.
- Сейчас скажу. Но прежде повторю: до сих пор других списков «Слова» не найдено. Что касается того документа, о котором вы говорите, то он был найден среди бумаг Екатерины II, отчего и называется «Екатерининский список». Но это не древний список, а всего лишь копия, сделанная графом в подарок императрице с того самого, исчезнувшего. Интересно, что между текстом, опубликованным в 1800 году, и более ранней его копией было найдено более 300 расхождений. Слововедов-ортодоксов это обстоятельство нисколько не смутило. Наоборот, оно дало пищу для множества новых гипотез и толкований.
- Маша, ты хочешь сказать, что в течение двухсот лет ученые изучают не рукопись XII века, и даже не список с неё XIV века, а печатный текст 1800 года? спросил Виктор, желая уточнить услышанную информацию.
- При чем тут я и мое хотение? возмутилась Маша. Всё, о чем я говорю, опубликовано. И каждый может обо всем этом прочесть. Было бы желание (см. список литературы).
  - В таком случае, это не серьезно, категорически заявил Виктор Николаевич.
- Для гидрографов, может быть, и несерьезно, смеясь, возразила Мария Михайловна, а для литературоведов очень даже серьезно. Представь себе, что о «Слове» уже написано более 5000 монографий, диссертаций и статей! Понять древний текст местами просто невозможно. В нём есть много «тёмных», то есть абсолютно непонятных, мест. Но выражение «тёмное место» может вызвать неприятные ассоциации с «тёмным царством» и звучит слишком простонародно. Вероятно, поэтому ученые называют их коррективами, что по-французски означает «поправки, частичное исправление или изменение». Отсюда же происходят хорошо известная нам «корректура», то есть исправление ошибок в типографском наборе. Но поскольку проверить, ошибка это или нет, невозможно, то по каждому такому месту существуют десятки толкований.

Нависла реальная угроза того, что Мария Михайловна начнёт цитировать и объяснять коррективы. К этому моменту все устали, а в окружающем мире стемнело. Пора было идти в гостиницу, но прервать её никто из собеседников не решался. Пришлось вмешаться автору и попытаться изменить ход событий, хотя бы с помощью реплики Виктора. Положим, он сказал: «Маша, предлагаю совместить полезное с приятным. Пойдёмте в гостиницу, и там, за чашкой чая, ты нам расскажешь о "скептической школе"». Уловка сработала, и они отправились в гостиницу.

K YK YK YK YK YK YK YK YK YK Y

ГЛАВА ПЯТАЯ

СКЕПТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Заблуждения похожи на фальшивые монеты: изготавливают их мошенники, а пользоваться ими приходится и честным людям.

Французская поговорка

потому что он жил один. Зина принесла электрический чайник, который всегда возила с собой в дальние поездки. Чай пили с остатками дорожной провизии. Пили молча, и казалось, угроза лекции о «скептической школе» миновала. Но не тут-то было. Машу давно занимала тема фальсификаций как таковая в разных областях культуры, особенно в связи с масонством. «Слово» было лишь одним из «экспонатов» в её коллекции подделок. Жертвой её увлечения была мама, с которой они бесконечно спорили из-за «Слова». Остальные знакомые просто отмахивались от её разоблачений. Вот почему она обрадовалась тому, что у неё появились заинтересованные слушатели. Как только чаепитие было окончено, она продолжила свой рассказ с того момента, на котором её прервали.

- Мы говорили о том, что «древний» текст понять трудно. Но, за исключением ученых специалистов, на старославянском языке «Слово» обычно никто и не читает. В лучшем случае его читают по-русски, то есть в переводе, но чаще в виде вольных стихотворных переложений.
- В Университете мы читали «Слово» по старославянскому тексту первого издания, заметила Лиза. Как нам объясняли, читать его трудно, а иногда и понять нельзя, потому что издатели переписали его неверно, с ошибками. Вот и появились «темные места». Я помню, нам их как-то объясняли.

Неугомонная Мария Михайловна тут же начала декламировать с заунывнозловещими интонациями.

- ... Встала **Обида** в силах Даждьбожа внука, вступила Девою **на землю Трояню**. ... За ним кликну **Карна и Жля** поскочи по Руской земли, смагу людям **вычючи в пламяне розе**...
- Какая Обида? Что за жуткие Карна и Жля? Этих чудищ я не помню. Помню плач Ярославны и пляски половецкие, весело заявила Зина и почти пропела: «Обернусь я, бедная, кукушкой, по **Дунаю-речке** полечу и рукав с **бобровою** опушкой, наклонясь, в Каяле омочу»...
- Зина, пляски половецкие это в опере Бородина, а плачет Ярославна таким образом в вольном переводе поэта Заболоцкого, нарочито мягким тоном пояснила Мария Михайловна и добавила, что, по мнению *«слововедов»*, опушка рукава у Ярославны была не *«бобровою»*, а *«бебряною»*, то есть с *«шёлковой»*.

Заодно она уже хотела обратить внимание собеседников на отсутствие имени у жены князя Игоря, которую автор «Слова» упорно называет только по отчеству Ярославной. Но решила воздержаться, чтобы не отвлекаться от основной темы и привела пример толкования ещё одного «тёмного места».

– Доказано также, что Карна и Жля – это олицетворения скорби. Но особенно замечательно объяснение еще одного тёмного места. Вот послушайте:

Се бо **готския красные девы,** вспеше на бреге синему морю, звоня руским златом, поют **время Бусово**, лелеют месть **Шароканю**»

Эта корректива объясняется следующим образом. Будто бы «готские девы», в связи с неудачной битвой русских с половцами, по какой-то странной ассоциации вспомнили время, когда царь остготов Винитар в IV веке победил антского князя Боса-Бооза (он же Бус). Что касается Шарукана, то это половецкий князь, которого в 1107 году разгромили русские князья, а хан Кончак — внук Шарукана. И вот поэтому, мол, «готские девы» воспевают жестокую расправу над Бозом и одновременно мечтают отомстить русским за Шарукана. Во как!

- Мария, зачем ты нам голову морочишь? с тоской проговорил Виктор.
- Это не я так академик Лихачев объясняет, ответила Маша и изобразила при этом на лице такое смиренно-язвительное выражение, что все рассмеялись.
- Но почему вы говорите только о «тёмных» местах? спросила Лиза. Там есть прекрасные строки. Мы учили их наизусть, и я до сих пор помню некоторые. Вот, например:

Трубы трубят в Новеграде, стоят стязи в Путивле... Седлай, брате, свои брзыи комони... А мои ти куряне сведоми имети: под трубами повиты, Под шеломы взлелеяны, конец копия вскормлены...

— Лиза, я их тоже помню, но особенно потому, что они очень похожи на строки из «Задонщины», — ответила Маша, и так как она не запоминала стихи наизусть, то вынула из своей сумки записную книжку и прочитала:

Трубы трубят в Серпухове... чудно стязи стоят у Дону Великого...

А вот ещё. Слушайте внимательно и сравнивайте:

... Сядем, **брате, на свои борзи комони**, испием, брате, шеломом своим воды быстрого Дону... ... ти бо бяше сторожевые полки, на щите рожены, под трубами повиты, под шеломы взлелеяны, конец копия вскормлены, с востраго меча поены.

- Господи! Да быть этого не может! опять запричитала Зиночка плачем Ярославны в переложении Заболоцкого. «О Днепр-Славутич: Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. ...Прилелей же, господин, моего милого ко мне...»
- Зиночка, сама чуть не плача, проговорила Мария Михайловна, но этот плач тоже есть в «Задонщине». Жены погибших на Куликовом поле воинов плачут теми же словами: «Доне, Доне, быстрый Доне, прошел еси берега харалужные, прилелей моего Микулу Васильевича...». Правда, они лучше знали географию и потому обращались к Дону, а Ярославна то к Дунаю, то к Днепру.

- Но почему вы не признаёте, что это автор «Задонщины» списал со «Слова»? спросила Лиза. Ведь логично предполагать, что позднее произведение списано с более древнего, чем наоборот.
- Дело в том, что первый список «Задонщины» долгие годы хранился в сундуке у Карамзина, но её не издавали, понимая, что сходство со «Словом» может вызвать нежелательные версии о заимствовании из неё целых кусков и даже перевернутого с ног на голову сюжета, своего рода пародии. Ведь в «Задонщине» воспета победа, а в «Слове» поражение. Только через 20 лет после издания «Ироической песни» Карамзин решил издать «Задонщину», но предусмотрительно заявил, что это всего лишь «слабое подражание» несравненному «Слову» XII века. Он не знал, что со временем найдутся другие списки «Задонщины», а это в свою очередь, наведёт ученых на разные крамольные мысли. Не буду мучить вас подробным изложением ученых баталий. Скажу только о том, что в 1970-х годах итальянский славист Анджело Данти, изучая разные списки «Задонщины», доказал, что они восходят к существенно разным редакциям, а это исключает версию заимствования из «Слова».
- Маша, признаюсь, я не совсем понимаю твои доводы, сказал Виктор, Чтобы в этой путанице разобраться, надо пролопатить уйму специальной литературы, на что у меня нет времени, да и желания. Я не понимаю, зачем ты с этим «Словом» возишься? Почему тебя так задевает, подделка это или нет?
- Меня задевает не только «Слово», а любые подделки: религиозные, литературные и исторические. Я их коллекционирую как первичный материал для изучения механизма фальсификаций. Если на бытовом уровне подделки, такие как фальшивые монеты, окаменелости, картины и древние артефакты, изготавливаются для наживы, то в сфере религиозной и политической этот низменный «мотив преступления» скрыт под мощным покровом «благих намерений». Но главное, в этой сфере фальсификации служат еще и средством массового гипноза, тем орудием воздействия на сознание человека, с помощью которого отключается способность человека к самостоятельному размышлению...

Прервать Марию Михайловну, как всегда, никто из её собеседников не решался, хотя слушать ее отвлеченные соображения было столь же скучно, как читателю их читать. Скучно и к тому же неприятно, потому что они явно вели к умалению самого ценного достоинства человека — его разума. Автору хотелось вмешаться и прервать её монолог. Но как? Ну, например, опять с помощью того же Виктора, который вполне мог сказать (и сказал):

– Маша, перестань. Ты своей мизантропией нас уже замучила. Не растекайся «мыслью по древу». Скажи конкретно о «Слове» и «Скептической школе».

Но на этот раз его уловка не сработала.

— Не перестану, — решительно заявила она. — Если вы не узнаете о целой **серии** подобных подделок и о том, что они имеют одинаковую «**технологию**», то именно в этом случае мы будем обречены на те бесплодные пререкания, которыми заняты «*скептики*» и *«ортодоксы»* вот уже 200 лет.

Свою лекцию она начала со всемирно известной грузинской поэмы, что для её слушателей явилось полной неожиданностью. Царь Вахтанг VI в 1712 году опубликовал поэму под названием «Человек в барсовой коже». Это было произведение неизвестного автора, неизвестно когда написанное, неизвестно кем и когда найденное в неизвестном месте. Одно достоверно — поэма не имела отношения к фольклору, никаких её следов в памяти народа не сохранилось. Интересно то, что такие уравнения с 4-5 неизвестными — непременный атрибут и других, сомнительных с точки зрения подлинности произведений.

Вторым столь же непременным условием их дальнейшего существования является обстоятельство, о котором мы уже говорили. Читающая и ученая публика моментально делится на два неравных лагеря. В первом объединяются сторонники подлинности, во втором — сомневающиеся, которым первые придумали прозвище «скептики». Верующие начинают решать это уравнение со многими неизвестными и вскоре, путем разных предположений, устанавливают имя автора, сочиняют его биографию. Датируют такие произведения, как правило, по времени изложенных в них событий.

С автором «Барсовой кожи» у грузин особых затруднений не было. Автор поэмы в самом тексте её сообщил свое имя, Шота, и место рождения, село Рустави. Так как имени Шота в святцах не нашли, то его признали сокращенным из Ашота. Вскоре дотошные «барсоведы» отыскали на одном акте 1190 года – периода славного правления царицы Тамары – подпись казнохранителя по имени Шота. Это было огромной удачей для Грузии и всей мировой культуры, и особенно для казнохранителя. Дотоле безвестный Шота приобрел фамилию Руставели и стал величайшим поэтом Грузии. Вскоре появилась романтическая неразделенной любви казнохранителя к своей повелительнице. Неразделенная любовь иногда заставляет героя уйти из мира в монастырь. По одной из легенд, именно так и случилось. Шота будто бы постригся в монахи. На этом фальсификаторы не остановились. Они отправили своего героя в Палестину. Там, если верить свидетельству митрополита XVIII века Тимофея, он своими глазами видел в храме Гроба Господня могилу и портрет Шоты. К сожалению, ныне проверить показания очевидца нет возможности, потому что ни могила, ни портрет не сохранились, но в этом нет никакой необходимости. Достоверность подтверждается воспроизведением в ученых сочинениях кем-то нарисованной гравюры с изображением Шоты.

Замечательно то, что параллельно была создана совсем другая легенда. Будто бы тот же казнохранитель Шота, влюбленный в царицу, в монахи не пошел, а женился на какой-то Нине. И будто бы вскоре после свадьбы царица Тамара поручила своему поклоннику перевести с персидского языка на грузинский некую поэму, поднесенную ей побежденным шахом. Он и перевел, но от награды за свой труд отказался. По этой легенде, дело кончилось плохо: вскоре был найден его обезглавленный труп. Хотя, на первый взгляд, эти версии противоречат друг другу, но для ашотоведов-ортодоксов никаких препятствий не существует. Вполне допустимо, говорят они, предположить, что тотчас после смерти и был написан портрет, а потом труп вместе с головой и портретом был отправлен в Иерусалим, где его и увидел митрополит Тимофей. В ХХ веке название поэмы изменили на более поэтическое — «Витязь в тигровой шкуре». Под этим названием она и стала известна. Что же касается «персидской поэмы», то её всё еще ищут. Этим занимаются четыре НИИ в Грузии.

- Бред какой-то. Откуда ты это взяла? спросил Виктор.
- —О четырех НИИ и успехах *ашотоведения* я узнала из современных статей. А обо всём остальном можно прочесть в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Смотри статью «Руставели», охотно ответила Мария Михайловна и закурила.

Паузой воспользовалась Лиза, которую несколько раздражали все эти дилетантские разговоры.

— Положим, с «Витязем» дело обстоит так. Но эта поэма не более чем поэтический вымысел. А наш князь Игорь — реальное лицо. Действие происходит на Руси, и сюжет не противоречит летописному рассказу. Что общего между той и другой «подделкой»?

— Отвечаю. «Слово» датировали XII веком только потому, что изображенное в нем событие в летописях упоминается под **1185 годом**. **Точно так же** случилось в Грузии с подписью **реального казнохранителя** на акте **1190 года**. К сожалению, в отличие от автора «Барсовой кожи», автор «Ироической песни» своего имени не оставил и тем самым чрезвычайно затруднил его поиски. Однако трудности были преодолены, и к настоящему времени *«слововеды»* нашли не одного, как у грузин, а целых **15 авторов**. Все они с научной добросовестностью перечислены в первом томе недавно изданного «Словаря книжников и книжности». Но что замечательно: **все 15** находятся в словарной статье под названием **АВТОР «Слова»**, отчего создается впечатление, что это один автор в 15 лицах. Однако я все же продолжу по порядку.

И она перешла к рассказу о второй подделке, к знаменитым «Песням Оссиана». Вкратце история этой «сказки» такова. Согласно преданию, в Ирландии, в III веке, существовала странная армия, фианна. Доступ в неё был затруднен, а воины, «финии», представляли привилегированное сословие. Наряду с военной доблестью, «финии» должны были быть и поэтами, по-кельтски, бардами. Могущество ирландских бардов было настолько велико, что они соперничали даже с королями. В 274 году король Карб в битве при Гобаре одержал победу над фианной, во главе которой стоял воин-бард Оссеин, или Оссиан. Со временем сложился общирный цикл кельтских легенд и песен, приписываемых Оссиану и распространенных как в Ирландии, так и в Шотландии.

Через 15 веков после этой битвы, в 1760 году, в Эдинбурге был напечатан сборник древних песен, будто бы переведенных с гэлльского языка на английский никому до тех пор не известным Макферсоном. Успех книги в Шотландии был настолько велик, что богатые шотландские патриоты финансировали еще два издания. Профессор риторики и литературы Блэр написал ученое предисловие, и вскоре 22 поэмы, ставшие известными под именем «Песни Оссиана», были переведены на все европейские языки.

Сначала никто не сомневался в их подлинности, но уже в 1770-х годах появились первые сомнения. Поэт Юнг посоветовал Макферсону показать рукопись, с которой он переводил, каким-нибудь специалистам, но тот на это ничего не ответил и рукописей никому не показал. Через год после смерти Макферсона, в 1797 году, в Англии создали комиссию для расследования вопроса о подлинности «Песен Оссиана». Никаких древних рукописей в доме Макферсона не было найдено. И только в 1805 году удалось добиться официального признания «Песен Оссиана» фальшивкой.

Такие подделки вовсе не так безобидны, как их хотят представить культурологи. Рано или поздно вирусы, обнаруженные у животных, мутируют и начинают поражать организм человека. Точно так же и с подобными сочинениями. Подложные «Песни Оссиана» сыграли большую роль в развитии европейской литературы и «заразили» своим ложным пафосом многих поэтов и писателей. «Песнями Оссиана» увлекался германский литератор Гердер. Он, в свою очередь, оказал огромное влияние на Гёте. В результате вскоре грянул выстрел молодого Вертера, «слившийся», как пишут знатоки, «с громом, бурей и отголосками туманных песен Оссиана». «В среде измученных рефлексией неудачников» участились самоубийства, а более уравновешенные вдохновились на сочинение разного рода подделок в стиле Макферсона.

В России **Гердером** и «Песнями Оссиана» увлекался молодой Карамзин. Именно ему принадлежит пальма первенства не только в открытии миру вести о великой находке, но и в её датировке XII веком.

В 1797 году Карамзин опубликовал в Гамбурге в масонском журнале «Spectator du Nord» («Наблюдатель Севера») краткое сообщение: «Два года тому назад в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием «Песнь воинам Игоря». Её можно сравнить с лучшими поэмами Оссиана. Она написана в XII столетии неизвестным сочинителем».

На примере с Карамзиным хорошо видно, как одна подделка вдохновляет следующую. Трудами «братьев» из окружения графа Мусина-Пушкина «отрывок из поэмы», «Песнь воинам Игоря», через три года превратилась в целую поэму под названием «Героическая песнь о князе Игоре». Затем они «перевели» поэму на русский язык и издали в 1800 году. Где нашел этот «отрывок» граф Мусин-Пушкин, так и осталось тайной за семью печатями. Точный ответ на прямые вопросы современников он просто отказался давать, а потому считается, что он «нашел поэму» в каком-то монастырском архиве. При последующих изданиях поэма была ещё раз переименована и названа «Словом о полку Игореве».

«Песни Оссиана» и «Слово о полку» вдохновили на подобное сочинительство братьев-славян. В **1817 году** очередной **«памятник»** нашёлся в Чехии. Его обнаружил *«вдохновитель чешского национального возрождения»* Ващлав Ганка **на чердаке в церковной башне** в городке Краледворе, по имени которого очередная фальсификация и называются **«Краледворской рукописью»**.

В **1852** году Ганка издал несколько поэм из этой рукописи. Поэмы вызвали всеобщий восторг. В одной из них говорится об освобождении чехов от иноземного короля героями Забоем и Славою. В отличие от «Слова», ни события, ни имен героев в хрониках не нашли, но это нисколько не смутило историков. Они датировали его первой половиной **VIII века**, и Чехия навеки обрела свой собственный образчик эпических народно-искусственных поэм, которые, к слову сказать, имеются у многих цивилизованных и даже нецивилизованных народов. А если не имеются, то их можно сочинить.

В случае с Ганкой число неизвестных в уравнении гораздо меньше, чем в истории с Ашотом Руставели, Оссианом и князем Игорем. Так, в легенде о месте находки Ганка заимствовал у Макферсона «чердак», а у Мусина-Пушкина – «церковность». Но, в отличие от своих предшественников, он не догадался уничтожить «подлинник». Да и то сказать, Мусину-Пушкину просто повезло, что в Москву явился Наполеон, и граф всю вину за исчезновение драгоценной рукописи мог свалить на «злодея». Тем самым он сумел предотвратить доступ к первичному тексту назойливых «скептиков», которые до сих пор кусают локти. Чешские же «скептики» доступ к «Краледворской рукописи» имели. Поэтому очень скоро они доказали, что это такая же подделка, как и ряд других, «найденных» неутомимым Ганкой. Чешский ученый В.И. Ламанский находки остроумно Ганки «новейшими произведениями древнечешской назвал литературы».

— Подведу итоги. Издатели «Слова» восхищались фальшивыми «Песнями Оссиана». Издатель фальшивой «Краледворской рукописи» восхищался «Словом». И только стоящее между ними в одном ряду «Слово о полку» до сих пор признается подлинным. Пушкин, как всегда, сказал замечательно: «Этот памятник одиноко возвышается в пустыне древнерусской словесности». В его время все были уверены, что в этой «пустыне» будет обнаружено немало подобных «памятников». Конечно, и в России находились люди, сомневающиеся в подлинности подобных «песен» и «слов». Но у нас *скептикам* не повезло, потому что на защиту кумира встали такие авторитеты, как Карамзин и Пушкин.

- А были ли «скептиками» кто-либо из тогдашних ученых?
- Конечно, были. Наиболее известны: Каченовский и Строев, Сенковский и Давыдов. «Скептики» были, но как трудно найти их труды! Они рассыпаны по журналам, никогда не переиздавались и, как правило, не цитируются «ортодоксами».
  - А в наше время? поинтересовалась Лиза.
- «Скептиками» быть невыгодно и даже опасно. Их обычно обвиняют в невежестве и отсутствии патриотизма, изгоняют из университетов, словом, расправляются с научными оппонентами всеми доступными способами. Попробуйте тронуть такой кумир, как «Слово о полку Игореве». Это так же неприлично и столь же смешно, как говорить о тайном мировом правительстве, о франкмасонах и их роли в организации Великих и Малых Революций. В 1965 году замечательный советский историк Александр Александрович Зимин написал огромный труд в 1200 страниц, где доказывал, что «Слово» написано не ранее XVI века, а главными источниками для его создания были Ипатьевская летопись и Задонщина. С огромным трудом он добился того, чтобы «академики» выслушали его доклад. Ученая братия единодушно осудила его, и книгу его до сих пор не издали. Рукопись лежит на депозите в Ленинской Библиотеке. Мечтаю прочесть, да не знаю, как достать. Но даже если фальшивки разоблачены, как это случилось в Англии с Макферсоном и в Чехии с Ганкой, практически уже ничего не меняется. ДУХ пробужден!
- Маша, ты своими рассказами такую тоску на всех навела, проговорил Виктор Николаевич. – Может, на сегодня всё же хватит?
- Ты прав, уж я и то жалею, что затеяла эти рассказы, неожиданно согласилась Маша. Глупая привычка навязывать окружающим всё то, чем занята. К тому же и лекции читать. Глупая и вредная. Никак не могу избавиться от неё.

Виктор с удивлением взглянул на неё.

- Марья, не унывай. Впереди у нас целый день. Завтра доскажешь, что не успела.
   Все замолчали, и вдруг Зинаида, без явной связи с предыдущей беседой, стала рассказывать последние музейные новости.
- Я не хотела вас огорчать, начала она тихо, почти шепотом. А теперь уж всё равно. Только вы из Сурминова уехали, нагрянула очередная Комиссия из Управления. Наверное, среагировали на вашу докладную, Мария Михайловна. Стали проверять фонды. Портрет старца исчез, вместо подлинного Кипренского висит подделка. Помните гравюры из того комода, в наугольной гостиной? Вместо них там лежат ксерокопии.
- Да вы что, Зина? Не может быть! всполошились Лиза и Маша. Что же вы молчали?
- Я вам отпуск не хотела портить. Ариадна лежит с приступом гипертонии, Лора рыдает. Жуть, что делается. По деревне слухи идут, что в Доме по ночам видны огни, привидения бродят. Наши бабушки-смотрительницы боятся уже не только в Конном дворе сидеть, но одни в Доме оставаться.
  - А следствие ведется? спросила Елизавета Алексеевна.
- Да какое там следствие? Какие-то два типа приехали из ОБХС. Директор сразу повёл их в Зондерхауз. Там коньяк, может, и ещё что. Замнут, наверное.
- Кончится тем, что весь музей разграбят. А там и до убийства недалеко, мрачно проговорила Мария Михайловна.
  - Ну, вы скажете. Зачем им кого-то убивать? огорчилась Зина.
- Кто знает, за что и зачем. Среди прочего, у нас в Сурминове, например, хранится часть рукописей и книг из собрания известного московского собирателя, купца-старовера Егора Егорова. У него, говорят, даже был лицевой то есть с картинками список «Слова о полку». Учёные жаждали найти второй список вместо сгоревшего в 1812 году, а спрос рождает предложение. Предприимчивые люди всегда

этим пользуются и начинают изготавливать подделки, а коллекционеры рады обманываться, идут на приманку и платят за них немалые деньги. А там где деньги, там и убийства. Так вот, этот Егоров был убит 15 декабря 1917 года в своем доме на Преображенском кладбище. Они любят пожары и убийства. В огне все концы сгорят, ничего потом не докажешь. Посмотрим, что будет дальше.

— Маша, Кассандра наша, перестань нас стращать мрачными пророчествами, — пошутил Виктор. — С перепугу ты всё перепутала. Говорится: «все концы в воду», а у тебя они «горят».

Маша рассмеялась, но Зина чуть не плакала.

- Вам хорошо, вы дальше поедете, а мне возвращаться, пожаловалась она.
- Мы ведь ненадолго, Зиночка, успокоила ее Лиза. Вы в музее о сегодняшнем разговоре, пожалуйста, никому не рассказывайте. Должны же мы, наконец, усвоить уроки «скептической школы». Уже поздно. Пошли спать, а то завтра нам опять предстоит рано вставать.

М.К. Соколов. **Карета и всадники.** 1932 **Иллюспрация к роману Чарльза Диккенса «Холодный дом».** Бумага, тушь, перо, кисть. 22 х 31,2.

М.К. Соколов. **Пейзаж с лодкой.** 1940-е Бумага, акварель, карандаш черный, мел. 6 х 10

М.К. Соколов. **Из цикла «Всадники»**. Начало 1930-х Бумага, тушь, перо, кисть. $21,8 \times 31$

М.К. Соколов. **Кэб и фонарь на углу.** 1932 **Иллюспрация к роману Чарльза Диккенса «Холодный дом».** Бумага, тушь, перо, кисть, процарапывание. 20,9 х 27

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БРИЛЛИАНТОВОЕ ГНЕЗДО

А там, едва заметная, Меж сосен и дубов, Во мгле стоит заветная Обитель чернецов.

А. К. Толстой, 1840-е

Встали, действительно, рано. Простились с Зинаидой. Переехали мост через Волгу и заехали в Толгский монастырь. Было тихое, уже осеннее утро. Берёзы тронулись желтизной, и блеклое голубое небо просвечивало сквозь их трепещущую листву. Бродили по заброшенному двору, вышли через южные врата к Волге — монастырь стоит почти у самого уреза воды. Город был виден отсюда, и в утренней дымке поблескивали редкие золотые маковки реставрированных церквей. Прошли к пристани. Вода плескалась среди сваи.

- Двести лет назад сюда подплыли струги с умирающим патриархом Никоном.
   Наверное, по таким же мосткам несли его в ворота монастыря, задумчиво произнесла Маша.
  - Он ведь был сослан в Ферапонтов монастырь? спросила Лиза.
- Да. Десять лет жил там, а потом еще четыре года провёл в Кирилловом монастыре. Когда пришел царский указ об освобождении, его повезли вниз по Шексне и Волге. После Толгского монастыря доплыли до Ярославля. Там он и умер, так и не увидев свой любимый Новый Иерусалим... Ну что ж, дальше двинемся?
- Да, пора, отозвался Виктор Николаевич, хорошо бы нам сегодня до Вологды добраться.

По дороге вернулись к вчерашнему разговору. На этот раз его затеяла не Маша, а Лиза. Её не убедили доводы Маши насчет фальсификации «Слова» и не нравилась её теория о *«всеобщей масонизации»* высшего сословия в России. Поэтому она не выдержала и заметила вслух:

- Но Пушкин ведь не был масоном. А он-то был убежден в подлинности «Слова»!
   И он, и Жуковский, Карамзин, Майков!
- Все перечисленные вами лица были масонами, не очень охотно отозвалась Маша, понимая, что спорить бесполезно.
  - Откуда это известно?
- Из протоколов масонских лож, сохранившихся в архивах. Что касается Пушкина, то это известно от него самого. В «Дневнике» за 1821 год он записал, что в Кишинев прибыл Пестель и что 4 мая он, Пушкин, был принят в местную ложу «Овидий». Кстати, его «Дневник» давно опубликован, и каждый может, если пожелает, прочесть об этом сам.

- Какой Пестель? Декабрист?
- Ну да, он самый. Пестель, как и многие декабристы, был масоном. Общества, тайные и явные, создавались масонами для разных целей, в том числе и политических. Таковы «Союз Русских рыцарей», «Союз Спасения», «Союз Благоденствия», разделившийся на Северное и Южное общества. Были и более мелкие, или лучше законспирированные и потому оставшиеся неизвестными. В Петербурге существовало, например, общество под экзотическим названием «Хейрут». В переводе с еврейского это означает то ли «Правда», то ли «Свобода», точно не помню. Предложение о создании этого общества выдвинул сын откупщика Абрама Перетца, Гирша Перетц, а его покровителем стал чиновник из ближайшего окружения генерал-губернатора Милорадовича, Федор Глинка, крупный масон и известный поэт. Целью «Хейрут» уже тогда было возрождение еврейского государства в Палестине. И через 120 лет, в 1947 году, эта цель была достигнута.
  - Маша, по-твоему, выходит, что все великие люди в России были масонами?
- Позволь ещё раз уточнить, Виктор. Не «по-моему», а по документам. Это главное. Допускаю, что формально членами масонских лож были не все, или точнее, не все найдены в сохранившихся документах. Но и тех, кто в них обнаружен, достаточно для того, чтобы увидеть, что очень многие из известных политических, военных и культурных деятелей были членами российских или иностранных лож. Мне кажется, что эпитеты «великий» и «известный» не синонимы. В Европе раньше, а у нас с эпохи Петра I, будучи масоном, было легче сделать карьеру. Нам, жителям страны Советов, это должно быть понятно без особых доказательств, потому что мы знаем, что известными людьми могли стать только члены Партии, но вряд ли их всех можно считать великими. Идеологии и религии меняются, но механизм работает одинаково тысячелетиями. И вот, что любопытно. Давно занимаясь историей масонства в России, лишь недавно я обнаружила, что и наше духовенство было масонизировано. Не только высшее, то есть епископат, но и простые священники, не только в столицах, но и в провинции, оказывается, были «посвященными» в этот тайный Орден. Об этом тоже можно прочитать, на этот раз в романе Писемского. Он так и называется «Масоны». К сожалению, в школе мы его не «проходили».
- Вернёмся все-таки к «Слову», сказала Лиза, не желая слышать подобное о духовенстве. Меня удивляет, как такие знатоки поэзии, как Пушкин и Жуковский, не смогли распознать подделку?
- Насчёт знатоков и их чуткости, позволю себе усомниться, и вам советую. Пушкин в своей статье о «Слове» в 1836 году написал: «Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока». Однако сам он принял за подлинные очередные «песни», на этот раз «Песни западных славян», откровенную подделку француза Мериме. Не только принял, но и перевёл на русский язык. Еще один «истинный знаток», польский поэт Адам Мицкевич, тоже счёл их подлинными. Один немецкий доктор наук успел даже написать на эту тему ученую диссертацию. Мериме всё это показалось забавным, и он открыто заявил, что эти «песни» придумал, чтобы заработать деныги, рассчитывая на интерес публики к фольклору. Предполагаю, что многие читатели до сих пор не знают об этой фальсификации, хотя она была разоблачена еще при жизни всех действующих лиц, и сам Пушкин сопроводил свои стихи необходимыми примечаниями. Но беда в том, что читатели редко заглядывают в примечания. Так что дело сделано: и эта фальшивка на века сохранится как «подлинник».
- Эта история нисколько не умаляет художественную ценность «Песен западных славян», заметила Лиза. Мария Михайловна посмотрела на неё с удивлением и в первый момент даже решила не возражать, но, конечно, не выдержала.

— Не берусь судить о художественных достоинствах, — с трудом сдерживая свое возмущение, проговорила она. — но хочу напомнить, что речь идёт не об этом, а о том, что знатоки поэзии тоже не способны распознать подделку от подлинника. Мало того, они и сами не гнушаются их изготовлением. Пушкин и сам занимался изготовлением подделок, или *«пастишь»*, как ласково называл их князь Вяземский. В пятом томе «Современника» за 1837 год опубликованы изготовленные Пушкиным «Письмо потомка Жанны д`Арк к Вольтеру» и ответ «великого просветителя». Прочтите и убедитесь, что это гнусная клевета на девушку, погибшую жуткой смертью по ложному обвинению в колдовстве. Этот том журнала вышел уже после смерти Пушкина. История этой «шалости» поэта опять же изложена в примечаниях. Но ленивый читатель, не пожелавший заглянуть в них, принимает и эту *«пастишь»* за чистую монету и остается в твердом убеждении, что у Орлеанской Девы был внук.

Лиза, впитавшая любовь к «Слову» сызмальства, решила защищать его сторонников до конца. Она возразила: «Положим, они ошиблись и неверно датировали поэму. Но разве можно их за это обвинять в мошенничестве?»

— Можно или нет, зависит от того, что считать мошенничеством. Возьмём, например, историю с «Задонщиной». Она пролежала в сундуке у Карамзина много лет, хотя он, конечно, знал о поразительном сходстве между нею и «Словом». И что же? Карамзин издает «Задонщину» с одной целью: обвинить её автора в плагиате и тем самым подтвердить подлинность сомнительного «Слова». Вряд ли бы он пошел на это, если бы знал, что со временем будут найдены еще несколько списков «Задонщины». Разве это не сознательный обман?

За разговорами они незаметно доехали до Вологды, проехали её без остановки и заночевали в Заоникиевских лесах. Отсюда далеко внизу были видны Кубенское озеро и колокольня Спасского Каменного монастыря. Наутро добрались до Ферапонтова, где Виктор и Лиза никогда не бывали, а Мария Михайловна бывала не раз, но очень давно.

По дороге она рассказала им, как летом 1965 года вчетвером ходили в поход на байдарках. Наметили плыть от Кириллова по каналу принца Вюртембергского до Кубенского озера, а по нему — до Вологды. Приехали в Вологду, и в ожидании автобуса до Кириллова разговорились с одним старичком. Он советовал посетить Ферапонтово не только из-за фресок Дионисия, но и потому, что к югу от него находится очень интересное место, Ильинский погост. Его, говорит, «бриллиантовым гнездом» называют, но почему так, не объяснил. Ферапонтово расположено к северу от канала, и на байдарках до него добраться невозможно. Местные жители посоветовали пройти до него пешком от одного шлюза, а байдарки оставить в кустах. Так и сделали. Вышли в путь рано утром и рассчитывали в тот же день к вечеру вернуться. Но вышло подругому. С утра пошел дождь и зарядил на весь день. Возвращаться не хотелось. Дорогу развезло, с трудом преодолели Цыпину гору. Спустившись с неё, увидели небольшое озеро, на его берегу многоярусную деревянную церковь, а чуть в стороне от дороги — избушку.

— К этому времени мы уже насквозь промокли и мечтали об одном: обогреться и отдохнуть, — вспоминала Маша. — Пошли к избе, надеясь, что там кто-нибудь живет. Из сарая нам навстречу вышла девочка-подросток. Нескладная такая, на лице улыбка блуждает. Не говорит ничего, мычит что-то. Мы поняли, что она больная. На крыльцо старушка вышла. Стали мы проситься в избу обогреться. Девочка к бабушке жмется, улыбается, в избу рукою нас зазывает. Звали хозяйку **Мария Андреевна Кирова**. Она нам объяснила, что до Ферапонтова еще четыре километра, а это Ильинский погост, где когда-то жил священник **Бриллиантов**.

Тогда мы поняли, что нечаянно вышли к «бриллиантовому гнезду», о котором нам в Вологде старичок говорил. Мария Андреевна пригласила нас в избу, сказала снять всё мокрое, положила сушиться на печь, а нам каждому дала сухую одежду. Так мы у неё и ночевать остались. Допоздна разговаривали.

Она рассказала, что в конце прошлого века здесь жили священник Иван Александрович Бриллиантов с матушкой Ларисой Андреевной. Было у них семь детей четыре сына и три дочери. Все сыновья окончили Духовную Академию. Старший из братьев, Александр Иванович, поступил в Университет и со временем стал членом Академии наук. Второй сын к 500-летию Ферапонтова монастыря написал две книги: одна про историю обители, а вторая называется «Патриарх Никон в заточении на Белоозере». Младшие сыновья были сельскими священниками. Мария Андреевна родилась в крестьянской семье, училась в Череповецкой семинарии и потом всю жизнь учительствовала. Сестра её была женой младшего Бриллиантова, отца Вениамина. От сестры к Марии Андреевне и перешли старые альбомы семьи Бриллиантовых. Вынула она их из сундука и показывала выцветшие от времени снимки. Лица светлые, спокойные и красивые. Здесь были и парадные фотографии, и домашние, любительские снимки. На них были видны девушки у берез в светлых платьицах, учителя в окружении деревенских ребятишек, сцены из спектаклей в школьном театре. Мария Андреевна говорила, что до революции в Ильинском было две церкви: рядом с деревянной еще каменная стояла. Но в двадцать первом году каменную церковь взорвали и разобрали на кирпичи. Дом священника перевезли в Кириллов, школу закрыли, библиотеку растаскали. Младших Бриллиантовых арестовали, и сгинули они на Соловецких островах. Та же участь постигла и старшего их брата, академика... Утром мы пошли в Ферапонтово, осмотрели фрески. На обратном пути зашли к Марии Андреевне попрощаться. Дождя не было, и в тот же день мы вернулись к своим байдаркам.

За прошедшие годы из Кириллова в Ферапонтово проложили новую дорогу, шоссе, поэтому доехали быстро. Виктор поставил машину у подошвы холма. Они поднялись к воротам с двумя шатрами надвратной церкви.

— Лиза, вы идите с Виктором, а я тут немного похожу. Хорошо? — сказала Маша. Ей хотелось побыть одной. Она пошла направо вдоль стены, обошла наугольную башню, подстелила куртку и села на землю. Оглянувшись, закурила.

Монастырь стоит на холме между Бородавским и Павским озерами. Их соединяет короткая чистая протока. Вдали к югу от него высится Цыпина гора. Внизу расположено село. С того места, где она сидела, далеко было видно и небо, и землю. В небе — великое разнообразие туч. Вдали медленно продвигались темные, тяжелые тучи. Сквозь голубые просветы в них рвалось солнце. Оно высвечивало темно-коричневые вспаханные поля, дальние еловые леса. Тут, над головой, белели небольшие кучевые облака и отбрасывали легкие мимолетные тени на ближнюю землю — на избы, дорогу, прибрежные сосны. Павское озеро темное, даже суровое, а Бородавское — вольное, и его берега теряются где-то далеко, в серой дали. У берега оно мелкое, и поэтому слышен плеск волн.

Маша на всю жизнь запомнила тот давний день, когда впервые увидела этот уголок земли. Музея тогда не было. Церковь с фресками Дионисия была заперта. Им подсказали, как найти сторожа, Слёзкина, у которого были ключи. Он открыл храм, и они долго любовались фресками в полном одиночестве. Сторож жаловался им, что в главке поселилась сова и разбила стекла, а починить некому. Маша докурила, встала и пошла вдоль стены к воротам. Там ещё немного постояла, памятуя, что в надвратной церкви жил в ссылке патриарх Никон.

В это время Лиза и Виктор медленно обходили монастырский двор. Стены, хотя и невысокие, скрывали от них дальние темные тучи, заглушали жужжание пилы и мерные удары топора. В деревне кто-то крышу чинил.

- Виктор Николаевич, вы уж совсем замолчали, заметила Лиза, при Маше вы всё же разговорчивее бываете.
- Елизавета Алексеевна, наедине с вами мне хочется говорить только о том, как я вас люблю, неожиданно для самого себя вдруг решился на признание Виктор. Давно вам хочу сказать, но не решаюсь. Вы согласны стать моей женой?

Лиза от неожиданности растерялась. Её лицо непроизвольно вспыхнуло. Стараясь скрыть смущение, она задала глупый вопрос.

- Так вы мне предложение делаете?
- Да. И ответа от вас жду. Вы согласны?
- Согласна.

Он обрадовался, взял её руку, наклонился и поцеловал. Потом из нагрудного кармана достал старинное кольцо с небольшим камушком. Тоненькое, оно тускло блеснуло темным золотом.

— Это колечко моей бабушки, — пояснил он. — Я всё мечтал, что если вы согласитесь, то наденете его и никогда меня не покинете.

Лиза надела кольцо на безымянный палец. Она перевела дыхание и сказала:

- Надо Маше сказать.
- Вечером скажем. Я знаю, она рада будет. Она ведь вас очень любит.

Они медленно пошли по траве к церкви Рождества Богородицы. У входа увидели поджидавшую их Марию Михайловну. Она обрадовалась, заметив, что Виктор, наконец, решился взять Лизу под руку, но особого значения этому не придала. Даже кольца на руке Лизы не заметила. Мысли её были заняты другим. В ожидании Лизы и Виктора она разговорилась с одной из смотрительниц, надеясь узнать, жив ли ктонибудь из Кировых. И та сказала, что все они давно умерли и лежат на старом Ильинском погосте. А потом выяснилось, что она жена того самого Слёзкина, но он тоже умер. И тогда обе заплакали. Как грустно посещать места, где оставляещь частицу своего сердца.

К сожалению, и фресок Дионисия им посмотреть не удалось. Уже несколько лет их реставрировали, в храме стояли леса и туда посетителей не пускали. Так и ушли ни с чем.

Ночевали они в Ильинском на берегу заросшего камышами озера. К вечеру тучи разнесло, похолодало, и на землю лёг туман. Мечты Маши сбылись. Быстро поставили палатку, разожгли костер. Сварили кулеш и вскипятили чай. За озером гукала ночная птица. С наступлением темноты свет от костра оградил их от внешнего ночного мира. Иногда Виктор исчезал в нём и приносил оттуда хворост.

- Маша, сказал Виктор Николаевич, мы с Елизаветой Алексеевной решили пожениться.
- Ой! Как хорошо! Мария Михайловна расцеловала Лизу. Дай вам Бог счастья! А я вас своими дурацкими разговорами мучаю... Теперь, как же дальше?
- Мы, наверное, в Москве распишемся, а потом поедем к моему деду в Маковеи, ответила Лиза. Он по немощи теперь служит редко, но нас обвенчает.

Лиза с Машей устроились на ночь в палатке и там стали оживленно обсуждать, какое подвенечное платье шить, кого в Москве на свадьбу звать. Виктор еще долго сидел у костра, курил, смотрел в огонь и с нежностью вспоминал, как там, в монастыре, вспыхнуло лицо Лизы. За ночь он продрог в машине. Встал рано, разжег костер, сварил кофе. Маша с Лизой тоже встали, от озера были слышны их голоса и плеск воды. Вернулись они обе свежие после холодного умывания.

- Виктор Николаевич, мы в кустах лодку нашли, радостно сообщила Лиза. Она, правда, водой наполнена. Давайте покатаемся по озеру.
- Вы без меня покатайтесь, сказала Маша, а я поищу могилу Марии Андреевны. Давайте здесь денек пробудем. На Цыпину гору сходим: оттуда замечательный вид открывается.

Так и сделали. Сразу после завтрака Виктор пошел к лодке, отыскал в кустах весла, вылил банкой воду, еле столкнул увязшую в озерном иле лодку на воду.

Солнце уже заливало светом всё вокруг, но на озеро еще падала тень от Цыпиной горы. Мария Михайловна бродила по заросшему кладбищу, нашла могилу сторожа Слёзкина. Отыскала и могилу Марии Андреевны. Около неё на бревнышке уселась, закурила. На освещенную косыми лучами солнца водную гладь легли длинные тени от прибрежных елей. Слышались мерные всплески весел и скрип уключин. Лиза тихо пела. Голос её над озером был хорошо слышен:

Нас связали гроз раскаты, Запах зреющей малины И колеблемые ветром Нити тонкой паутины...

После обеда они пошли на Цыпину гору. И поднялись-то невысоко, а видно далеко-далеко! Леса, леса — до края земли. Озера с чистыми водами отражали высокое небо и ближние деревья: ветлы, бледно-желтые березы, ярко-красные кустарники. Не было сил оторвать взгляд от всего этого.

На обратном пути из Ферапонтова путешественники заехали ещё и в Кириллов монастырь. Обощли стены и башни. Через нижние ворота вышли на берег озера, где когда-то давно Маша и её спутники собирали байдарки. И всё было по-прежнему. Та же трава, так же женщины с мостков полоскали в озере белье. Так же над водой носились чайки и тревожно, требовательно кричали. Хороший был день. С сожалением отправились они в обратный путь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИЩУЩИЕ МАННЫ

Манна — от еврейского слова man-lu, выражающего удивление: Что это такое? Маn-lu? — спрашивали сыны Израиля, когда впервые увидели вещество, ниспосланное им с неба Иеговой взамен хлеба.

Библейская энциклопедия, т. 1, стр. 450 **Не смешивать с русской манной кашей**. *О.Н. Трубачев* в словаре Фасмера, т.ІІ, с. 570

привычной нервозность музейной жизни. Разгорался очередной скандал. Ариадна Ивановна готовилась уйти в отпуск. Перед её отъездом директор попросил оставить ключи от всех дверей в Доме, так, на всякий случай. Она была в полной панике. Ключи пропали! Она позвала на помощь Лизу, Марию Михайловну и Лину Байкову. Искали вчетвером. Искали повсюду: и в бывшем кабинете Павла Николаевича, и в «домике священника», где обитала Ариадна Ивановна. Но ключей не нашли. В полном унынии они сидели как-то в хранении, и взгляд Марии Михайловны случайно упал на две высокие стопки книг. Это были 80 томов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Под ними виднелся небольшой деревянный ящик.

- Не могут ли ключи быть там? высказала она вслух мелькнувшую в голове догадку и взглянула на Ариадну.
- Господи! Там! запричитала Ариадна Ивановна. Лина, помните, как мы с вами в июне выкладывали из шкафа словарь и подложили ящик с ключами под книги, чтобы не класть их прямо на пол?

Лина бросилась снимать книги, но вдруг остановилась и стала озадаченно вглядываться в их корешки.

- Что же вы застряли? Снимайте книги скорее! торопила Лину Ариадна. Как вы не понимаете? Ведь у меня билет на завтра. Все эти дни живу в каком-то кошмаре.
  - Подождите минутку, Ариадна Ивановна, раздражённо ответила Лина.
- Что-нибудь подозрительное обнаружили? спросила Мария Михайловна, понимая, что Лина медлит не зря. Какой-нибудь том пропал?
- Нет, пропасть вроде бы ничего не пропало, ответила Лина, но книги уложены неправильно.
- Что значит, «неправильно»? с возмущением спросила Ариадна Ивановна. –
   Чушь какая-то!
- Дело в том, что книги лежат не по номерам, а кипками, вперемежку, ответила Лина, продолжая вглядываться в номера томов на корешках.
  - Ну и что? Что в этом необычного? продолжала настаивать Ариадна.

- Вынимая из шкафов многотомные издания, я всегда укладываю их в стопки одинаково: по порядку номеров снизу вверх, терпеливо объяснила Лина. Делается это для того, чтобы потом было удобно их расставлять. Я хорошо помню, что и в тот раз выкладывала так же. А теперь всё перепутано».
- Оставьте свои фантазии, Лина! С того времени мы их не перекладывали. В хранение только я могу войти. А я, когда ухожу и запираю хранение, обязательно вкладываю *контрольку* с датой и своей подписью.

Она кинулась к замку, вынула смятую и разорванную ключом бумажку и всем показала свою подпись. Мария Михайловна в это время думала о другом. Обнаруженный Линой беспорядок в стопках словаря был очень важной уликой. Судя по тому, что взломщик снимал книги, его интересовали не книги, а именно ключи. Но какие? Все? Или от какой-нибудь одной двери? Эти соображения моментально пронеслись у неё в голове. Однако она сдержалась и вслух их не высказала. Она решила переключить внимание Ариадны Ивановны с контрольки на ключи.

- Скажите, пожалуйста, Ариадна Ивановна, спросила Мария Михайловна, какие у вас порядки с ключами? Недавно Витольд Измайлович вручил мне две огромные сумки с документами. Спросила его: откуда они? Он ответил, что нашел их, разбирая свои завалы в Зондерхаузе. И пояснил: «Когда-то давно я и сам Архивом думал заняться, да руки не дошли».
- Ах, Мария Михайловна, вечно вы со своей подозрительностью, отмахнулась от неё, как от назойливой мухи, Ариадна Ивановна.

Она с нетерпением ждала, когда же Лина освободит из-под книг вожделенный ящичек. Пришлось отвечать на вопрос Елизавете Алексеевне.

- Архив всегда лежал в Доме, но в разных комнатах и шкафах, сказала она. У Витольда, конечно, ключи от всего Дома были.
  - А от других строений?
  - Не знаю, ответила Лиза. Вряд ли. Ведь у нас почти ничего не запиралось.
  - А Конный двор? настойчиво продолжала выспрашивать Мария Михайловна.
- Двор, конечно, был закрыт. Замки висели на обеих дверях. Но туда редко холили.
- Разве там две двери? с сомнением переспросила Мария Михайловна. Я не замечала.
- Одна входная, а вторую трудно заметить: она ведет в подпол и расположена сбоку, пояснила Лиза. Она впервые подумала о том, что при Павле Николаевиче порядки в музее были патриархальными. Понимая, что Маша пытает её не из праздного любопытства, она добавила, не дожидаясь очередного вопроса.
- Даже в мемориальной библиотеке книжные шкафы не запирались. Мы брали книги и расписывались в какой-то тетради. Всё на полнейшем доверии было построено.
  - И у вас ничего не пропадало? с сомнением спросила Маша.
- Помилуйте, кому бы пришло в голову что-то взять? решительно вмешалась в разговор Ариадна Ивановна. У Витольда и сейчас, наверное, ключи остались. Вы же видите: он сам принес вам документы.
  - Вижу. Может, у него и еще что-нибудь найдется?
- Может, что-нибудь и найдётся, но он это обязательно вернёт. Я абсолютно уверена, что он человек честный.

Наконец, Лина добралась до ящичка. Ключи были на месте. Старинные медные ключи разных размеров и форм — от парадного входа, от эркерных дверей, от разных шкафов. На связке их было около двух десятков. Ариадна Ивановна с радостью их схватила и даже поиграла ими, подняв всю связку вверх и позвякивая.

 Нашлись! Впрочем, они потеряться никак не могли. Я была уверена. Мы же ими никогда не пользуемся.

Инцидент, казалось бы, был исчерпан, и Ариадна Ивановна с лёгким сердцем уехала в Москву. Но Маша не успокоилась. Она решила рассказать о своих подозрениях Грише Борзуну, надеясь на то, что история с ключами его заинтересует.

После обеда она отыскала Зину, и они вместе пошли в «кабинет» к Грише. Однако он только посмеялся над её подозрениями. Желая отвлечь Марию Михайловну от навязчивой идеи, он предложил вместе пить чай и тотчас пошел к колодцу за водой. Но не тут-то было! Как только он вышел, Мария Михайловна начала пытать Зинаиду:

- Помните, вы нам в Ярославле насчет Комиссии говорили?
- Да, помню. Когда я вернулась, Ариадна мне показала акт. О пропаже портрета «старца» в этом акте не было ни слова. Ведь он у нас официально не числился. Возможно, Павел Николаевич его хранил по чьей-либо просьбе. Что касается подлинности портретов, написанных Кипренским, Рокотовым и Тропининым, то о них написали, что они изначально были копиями, а подлинниками считались лишь по семейным преданиям. Мария Михайловна, может, это и правда?
- Мне что-то не верится. В путеводителях двадцатых годов определенно указано авторство этих художников. Не стали бы Камынины обманывать.

Вернулся Гриша и поставил на плитку чайник. Мария Михайловна продолжала.

- Всю последнюю неделю я разбирала те документы, которые мне Витольд принес. Там оказались приходно-расходные книги начала XIX века из конторы Камыниных и старые инвентарные описания. Их ещё сёстры Павла Николаевича составляли.
  - Нашли что-нибудь любопытное? поинтересовался Гриша.
- Кое-что нашла, ответила Мария Михайловна. Сейчас покажу. Я сделала выписки.

Она развернула сложенный вчетверо листок бумаги и прочитала со своими пояснениями: «Куплено у художника Тропинина: Портрет князя Сергея Ивановича». Это отец нашего князя-католика. А вот запись за тот же **1823 год**: «Куплено: Италианский пейзаж у художника Кипренского за 100 рублёв». Кипренский в том году из Италии вернулся. Вот еще: «Июля 15 дня отдано за работу художнику Кипренскому за портрет Василия Дмитриевича». Это о портрете старика Камынина из Большой Гостиной.

- А картины Рокотова не упоминаются? спросил Гриша.
- С ним сложнее. За восемнадцатый век подобных книг в архиве нет. Один «инвентарь» рукою Софьи Николаевны написан: «Портрет императора Петра Федоровича, работы Федора Рокотова. Холст, масло, подпись художника на обороте холста под рамою в правом нижнем углу». Кроме того, сохранились документы о том, как Камынины в 1830-х годах портреты из Сурминова посылали на выставку в музей императора Александра III. Реестр есть. Что со всем этим делать?
- Что? В октябре у нас будут «*Лермонтовские чтения*», сказал Гриша. Вы можете сделать сообщение.
- Это выйдет не сообщение, а разоблачение. Ясно станет, что подлинники исчезли.

Гриша не хотел продолжать неприятный разговор. Занятый своими мыслями, он вдруг, ни к селу, ни к городу, спросил:

— Мария Михайловна, а вы знаете, что вас зовут так же, как мать Лермонтова?

- Знаю, но особого значения этому не придаю, спокойно ответила она. Имя мне дали в честь сестры моей прабабки, Марии Павловны. О матери Лермонтова не думали. По вашему тону я чувствую, что вы усматриваете в этом совпадении нечто «роковое». Не правда ли?
- Не обязательно «роковое», парировал Гриша. Просто любопытно. Совпадения невольно обращают на себя наше внимание и вызывают повышенный интерес. Ваши родители не думали о Лермонтове, а вот судьба привела вас в музей его имени. Впрочем, вы правы. Меня преимущественно занимают «роковые» совпадения. Особенно сейчас, когда для «Словника» Тютчева я пишу статью «РОК, РОКОВОЙ».
  - Что такое «Словник»?
- Словниками филологи называют особые словари, где приведены все слова, встречающиеся в произведениях того или иного автора. Составители, среди прочего, приводят сведения **о частотности** употребления. Так, например, у Пушкина слово «роковой» встречается всего четыре раза. И это при огромном объеме его поэтического наследия. А у Тютчева всего 250 стихотворений, а слово «**POK**» и производные от него встречаются 45 раз! Представляете?
- A у Лермонтова? с любопытством спросила Зина, прикидывая, как можно эффектно использовать полученную информацию в экскурсии.
  - Не знаю, у него я не подсчитывал.

На этой «роковой» ноте чаепитие во Флигеле закончилось. По дороге в Сурминово Зина напомнила Марье Михайловне, что завтра санитарный день, и что Соня Кузнецова просила всех, кто сможет, помочь ей обрабатывать книги.

- Где? В библиотеке? поинтересовалась Мария Михайловна.
- Нет, в верхней угольной комнате. Там стоят два шкафа с книгами и какими-то рукописями из усадьбы Олениных. Они ведь у нас отдельно хранятся.

На следующий день Соня вручила им какой-то жуткий раствор для дезинфекции книг, и они поднялись на второй этаж. Вынули содержимое двух шкафов, протерли ватными тампонами книжные полки и принялись, не спеша, укладывать всё обратно. Мария Михайловна мельком проглядывала книги и более тщательно рукописи. Мелькали слова «Умирающий сфинкс», «Теоретический градус» и «Новый Израиль». Среди посетителей ложи «Умирающий сфинкс» ей попалось имя будущего митрополита Московского Филарета Дроздова, что казалось уж совсем невероятным. Не хотелось верить, что православные архиереи тоже проходили обязательные в масонских ложах посвящения и повторяли жуткие клятвы. А впрочем, почему бы и нет? Ради пользы дела, на что только не пойдешь.

В отдельной папке лежали протоколы лож «Ишущие манны» и «К мертвой голове». О том, что слово «манна» произошло от еврейского выражения «Маn-lu?», она, конечно, тогда не знала, но от потрясения так же, как сыны Израиля, невольно воскликнула: «Что это такое?» Но это был вопрос риторический.

Она решила сейчас же забрать все папки с рукописями, а из книг взяла только журналы «Сионский вестник». И хорошо сделала. Если бы она могла предвидеть, что случится здесь в Ночь перед Рождеством, то непременно забрала бы и всё остальное. Но Мария Михайловна экстрасенсорными способностями не обладала.

Она отнесла папки в свою рабочую комнату, начала читать документы и оторваться не могла. Так и просидела всю ночь, периодически заваривая себе кофе. Она обнаружила чрезвычайно любопытные факты, о которых до этого ничего не знала. Больше всего её поразили документы, связанные с ложей, во главе которой стоял **Царь Израильский**, а члены называли себя **Новым Израилем** или **Народом Божьим.**

Царем объявил себя граф Теодор Лещиц-Грабянка, «мистик» и адепт религиозного учения духовидца Эммануила Сведенборга (1688-1772). Среди членов этой ложи, похожей на секту, были весьма влиятельные и близкие ко Двору деятели такие, например, как обер-прокурор Синода князь А.Н. Голицын, камергер Р.А. Кошелев, вице-адмирал С.И. Плещеев, генерал-фельдмаршал Н.В. Репнин, директор Департамента военно-морских сил Империи А.Ф. Лабзин. Последний в 1806 году начал издавать журнал «Сионский вестник».

В отличие от масонских лож, членами секты Новый Израиль были несколько женщин, в том числе жены Плещеева и Лабзина. Но самой интересной фигурой среди них была Мария Антоновна Нарышкина, жена камергера и масона Д.Л. Нарышкина и одновременно долголетняя любовница Александра I. Она рожала детей то от мужа, то от императора. И всё девочек. Но вот, наконец, в 1813 году у неё родился сын. Его назвали Эммануилом, то ли в честь Христа, то ли в память об Эммануиле Сведенборге, которому поклонялись члены ложи Новый Израиль. Если бы император признал этого мальчика законным наследником, то на троне мог бы появиться император Эммануил Первый.

Ложа просуществовала недолго, с 1805 по 1807 год, когда **Царя Израильского** арестовали, и он вскоре умер в тюрьме. Царь умер, но **Народ Божий** остался и продолжал активно действовать. **Князь А.Н. Голицын** со временем стал членом Государственного совета, министром духовных дел и народного просвещения, а также основателем Российского Библейского Общества. Благодаря своему положению и, главное, близости к мистически настроенному Императору, он мог оказывать покровительство и финансовую помощь своим единомышленникам, в частности, немало способствовал возвышению вышеупомянутого Филарета Дроздова. В ту пору, казалось, что вожделенная симфония властей — светской и духовной — уже осуществилась на практике. Сын священника и великий реформатор Михаил Сперанский вынашивал планы преображения церкви в масонскую структуру, и даже в Троице-Сергиевой лавре появилась ложа.

Что касается Марии Антоновны, то она увлеклась князем Гагариным и уехала с ним за границу, где и умерла в 1854 году. Император Александр Павлович нашёл утешение в «мистическом» общении с госпожой Крюденер, английскими квакерами и баронессой Буксгевен, в замужестве Татариновой. Александр I поселил её в Михайловском дворце, где когда-то с его ведома был убит император Павел. Хлыстовские радения посещали всё тот же князь А.Н. Голицын и даже сам император. А ещё через пять лет непонятно от чего скончался в Таганроге император Александр, и произошла первая репетиция Великой Революции в России. Репетиции затянулись на целое столетие, но в конце концов, постановка удалась.

Да, каких только чудес и преступлений не происходило при Дворе русскогерманских императоров!

В тот вечер Мария Михайловна решила на всякий случай снять копии, потому что уже не надеялась на безопасность хранения. На следующий день она отпросилась у начальства для работы в библиотеке и, захватив папки с собой, уехала в Москву. В те времена ксероксы не стояли на каждом углу, мало того, даже в тех учреждениях, где они имелись, ксерокопирование находилось под строжайшим контролем «первого отдела» и ксерить разрешали только самую необходимую документацию. Понятное дело, что любой контроль можно обойти. Ближайшая подруга Маши, Ирина Афанасьевна, работала архитектором в проектном институте. Там ксероксы были, и можно было скопировать всё, что угодно, заплатив копировальщику определенную сумму. И довольно дёшево брали: всего 4 копейки за лист А 4.

Прямо с вокзала она позвонила Ире, они договорились встретиться у ближайшей к её институту станции метро, и в тот же день к вечеру Маша получила копии. Теперь она могла изучать документы не только в Сурминове, но и дома, чем она и занималась весь сентябрь. Она перемежала эти занятия походами в Ленинку и обнаружила, что в середине XIX века по интересующей её теме было опубликовано немало статей. Так что постепенно ей удалось кое в чем разобраться. Но, к глубокому сожалению Автора, то, что она узнала о Новом Израиле и Ищущих Манну рыцарях Розового креста, неуместно пересказывать на страницах романа. Строго говоря, эту главу надо бы исключить, так как она ни к селу, ни к городу. Надо бы, да жаль.

Так что ограничимся тем, что поставим точку и вернёмся в Сурминово, чтобы посмотреть, чем заняты «новые рыцари».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗЛОУМЫШЛЕНИЕ

Велик Господь! Он милосерд, но прав: Нет на земле ничтожного мгновенья; Прощает Он безумию забав, Но никогда пирам злоумышленья.

Е.А. Баратынский, 1830-е

Как-то раз в конце августа директор музея Леонид Наумович Сидоров и зам. по науке Витольд Измайлович Распопин обедали в Зондерхаузе. Напомню, что в переводе с голландского это означает Летний домик. Как тут не вспомнить Петра Великого, который тоже начинал строить город Святого Петра с Зондерхауза в Летнем Саду! Но это так, между прочим, или а ртороз, как говорят латиняне. До недавнего времени этот небольшой домик занимал Витольд Измайлович, но Леонид Наумович решил устроить в нём свой кабинет. Летом сюда завезли ярко-зеленый гарнитур гостиной мебели из ломакинского магазина: диван, кресла, журнальный столик. Поставили, как это положено в кабинетах важных начальников, столы буквой «Т» и даже провели телефон. Витольду пришлось потесниться, и он обитал теперь во второй, задней комнатке, а на веранде они оборудовали кухню.

Витольд сварил картошку, на столе разложили колбасу, хлеб и огурцы, из сейфа вынули бутылку и стали закусывать, не дожидаясь Папаяна и Бондаря. Вскоре пришел Бондарь и уселся в уголок. Папаян опаздывал из-за того, что в Ломакине добывал очередную партию стройматериалов. Решили начать разговор без него.

- Вчера я был в Управлении и говорил с Галактионовым, деловито произнес директор. Он мне прямо сказал, что пора кончать с нашими «воителями». Мы с ним договорились вот о чем. Управление Культуры срочно ставит Дом на реставрацию, и для посетителей Музей будет закрыт. Одновременно он издаёт приказ об изменении штатного расписания. Вместо прежних 20 единиц на время ремонта останется 15 человек. А пять человек Борзуна, Мансурову, Серёгину, Байкову и эту ... как её, Витольд?
  - Зинаиду Лебедеву, услужливо подсказал Витольд.
  - Вот-вот. Их мы сокращаем.
- Вы не забыли, Леонид Наумыч, вкрадчиво заметил Бондарь и поправил затемненные очки в толстой оправе, что Борзун и Мансурова члены месткома, а по КЗОТу членов месткома сокращать нельзя.
- Этот момент Галактионов предусмотрел, ответил директор. Он рекомендовал на отчетном собрании переизбрать местком. Как это сделать, это уж наша забота. А новый состав подобрать так, чтобы не было никаких осложнений. Витольд, тебе придется это взять на себя.

Бондарь, видимо, был знаток законодательства и опять возразил.

- Тут опять загвоздка, сказал он. Борзун и Мансурова по десять лет в музее работают, и к тому же они основные специалисты, филологи. Серёгина и Байкова работают по два-три года. Что же получится? Мы сократим сотрудников с большим стажем и с высшим образованием, а останутся новые, недавно принятые на работу Розен и Снежный. Борзун и Мансурова могут в суд подать.
- На это наплевать, отмахнулся директор. Пока суд да дело... Хе-хе... Суд-то местный, в Ломакине, а там у меня свои люди. В Исполкоме я поддержкой уже заручился. Не восстановят их, будьте спокойны.
- Леонид Наумыч, подал голос Витольд, за эту Серёгину может вступиться Главархив, они ее ценят как специалиста.
- Главархив нам не указ. У Серегиной никаких справок нет о специальном образовании. Мы на неё и дело составим. Придумайте, Витольд, какую-нибудь «аморалку»... У нас уже кое-какие документы собраны. Вот, например, «Акт об изъятии из служебного помещения м.н.с. М.М. Серёгиной двух пустых винных бутылок». Подготовим приказ о вынесении выговора за распитие алкогольных напитков на рабочем месте. А ты через местный сельсовет что-либо организуй. У тебя там все приятели.

Витольд стал поглаживать бороду, глаза прикрыл тяжелыми веками и замурлыкал, как большой упитанный кот.

- Это можно, это сделаем, обнадёжил он директора. Организуем жалобу жителей Сурминова в сельсовет на Серёгину за устроение в снимаемом ею доме пьяных оргий и развратного притона. К ней же тьма народу ездит из Москвы.
  - Хорошо бы поиметь сигнальчик, заметил Бондарь.
  - Какой сигнальчик? не понял сразу Леонид Наумович.
- Ну, какой-какой? Неужели не ясно? Разговорчики неподходящие, Бондарь сделал неопределенный жест рукой. Короче, антисоветчина.

Директор, наконец, догадался, о чём идёт речь, и категорически возразил.

- Нет, это уж слишком. С этим Ведомством лучше не связываться. Нам же могут быть неприятности. Скажут, что администрация плохо за идеологией следит.
  - Смотрите сами. Но это уж наверняка было бы.

Леонид Наумович и Витольд с опаской взглянули на Бондаря и промолчали. Они его побаивались, подозревая, что он приставлен в музей как раз из того Ведомства. В этот напряженный момент, очень вовремя, появился Папаян и разрядил обстановку. После энергичных рукопожатий он уселся за стол и с аппетитом принялся за еду.

 С досками всё в порядке, Леонид Наумыч, — бодро доложил он. — Сегодня машину пригонят, так что вы готовьте свой «уазик». Вечером засветло и вывезем.

Директор музея строил дачу в Липовке, а рядом строил дачу его приятель, большой чин из Министерства Культуры, Неплюев Вадим Вадимыч. Директор довольно потер руки, отвалился в кресле, чуть ослабил на животе ремень и коротко хохотнул:

- Хе-хе... Я тут вспомнил... Эта курица Серёгина, дура-дурой, явилась в Министерство со своей докладной... И прямо к Неплюеву на приём попала. Вадик её, конечно, усаживает, выслушивает, поддакивает: «Да что вы? Да мы, конечно, меры примем». Она уши и развесила: мелет ему насчет протечек, трещин, насчет незаконной входной платы в Кухню, ну, словом, весь обычный бред... Насчет какой-то берёзы в парке...
  - Это она о берёзе, посаженной князем Вяземским, уточнил Распопин.

- Неважно. Вадим еле удерживался от смеха. Делает вид, что ко мне никакого отношения не имеет, и спрашивает её: «А что, ваш директор личную выгоду имеет? Вы не замечали?» Она в ответ: «Я не о его личных выгодах с вами говорю, а о судьбе музея и Усадьбы. Не мое дело за ним следить»... Ишь, благородненьких из себя строят...
- Борзун опять в ОБХС о *«мертвых душах»* докладную написал, сообщил Папаян, закусывая огурцом рюмку коньяка, придётся опять на лапу давать.
  - Сколько? Как ты думаешь? поинтересовался директор.
- Думаю, две-три тысячи хватит. Смотря, сколько они контролеров пришлют.
   Хорошо бы прислали прежних: я с ними контакт уже имею.

Все было съедено. Витольд собрал объедки и очистки в газету, принес чайник. Закурили. Директор мечтательно смотрел в окно на пруд и свежевспаханный холм за ним

- Эти кретины, видать, уверены, что их-то не выгонят. Ха-ха! Надоели со своей Усадьбой и реставрацией. Получат они *«реставрацию»*. Закроем музей лет на десять, будут знать, как докладные писать... Да, кстати, Яков Ашотович, ты там часть досок отложи для нашего майора. Я ему звякну, он сегодня же вечером вывезет. Хорошо хоть с охраной у нас всё в порядке. Майору тоже жить хочется... Витольд, ты продумай, кого в новый местком выдвинем.
- Ну, кого? Снежного можно, Розена. От смотрительниц лучше всего Евдокимову, она грамотнее других, когда-то в сельсовете сидела. Эта за нас будет. Кого еще?
- От администрации одного можно, вставил Бондарь. Вас, Витольд Измайлович, и выдвинем.
- А от *научников* давайте выдвинем Кузнецову, предложил директор. Она и председателем станет.
- Не будет ли она возражать? Ведь она с ними со всеми в приятелях, засомневался Витольд. Как бы еще и Ариадна не взбрыкнула.
- Соня против? Леонид Наумович даже возмутился. А кирпич списанный? А цемент? Я что, за красивые глаза всё ей устраивал? Да по новым штатам я её завотделом сделаю... Не-е, эта за нас будет. Ариадна же спит и видит, как бы от этой Серёгиной избавиться. Она ей давно поперек горла стоит. Ну ладно, посмотрим. Значит, так: сначала готовим перевыборное собрание, а ты, Витольд, параллельно с сельсоветом работай. Галактионов уже готовит обоснование о консервации музея. Так что месяца через два-три мы от них избавимся.

После обеда, выпитой бутылки и горячего чая всех разморило. Они молча курили, и каждый думал о своём. Леонид Наумович размышлял о том, насколько легче им станет «добывать» стройматериалы в период *«реставрации»*. Он мечтал также и о том, как с уходом Серёгиной наконец сможет добраться до Архива. Уж Ариадну-то он уломает. Там он непременно найдёт что-нибудь пикантное, занимательное для широкой публики. В конце концов, он ведь поэт, писатель, можно сказать.

Распопин обдумывал, как со временем он сможет разоблачить финансовые махинации Леонида Наумовича. Эмма Львовна обещала помочь. Тогда директора уберут под благовидным предлогом. Борзуна уже не будет. И ему, Распопину, наконец удастся стать директором.

Папаян был озабочен завтрашней поездкой за кирпичом и высчитывал, какую долю более или менее правдоподобно проставить в приемном акте как «битый». Весьто грабануть не удастся, слишком заметно будет.

О чём думал загадочный Бондарь, даже автору неизвестно.

Надвигались сумерки. Зажгли свет. Стали собираться, чтобы успеть к электричке. Шофер Коля уже и газик подкатил к порогу *Зондерхауза*. Словом, день прошел удачно, и было ясно, что делать дальше.

Шли бесконечные дожди. «Бабье лето» запаздывало или вовсе не думало наступать. В Доме опять начались протечки. В угольной комнате на первом этаже сырость поднималась все выше мерзкой, зеленоватой бахромой.

- В двадцатых числах сентября провели собрание. И всё прошло, как было задумано тогда, в ясный летний день в *Зондерхаузе*. С обличительной речью выступил Витольд Измайлович:
- Мы все любим и уважаем Елизавету Алексеевну, начал он, напялив на лицо маску глубокой скорби. Поверьте, Елизавета Алексеевна, мне трудно говорить... Но в этом году... Возможно, вы были заняты чем-то другим?

Он тяжело вздохнул. Казалось, на его миндалевидных глазах выступили непрошенные слёзы. Дальше Витольд Измайлович забормотал нечто несусветное: «Долг превыше всего... Платон мне друг, но истина дороже, как говорили древние греки». Наконец, окрепшим голосом решительно заявил: «Предлагаю работу месткома признать неудовлетворительной». Он сел и в горьком отчаянии прикрыл рукою глаза.

За ним бодро выступил Миша Снежный. Он сказал, что «досуг в музее организован из рук вон плохо: нет спортивного инвентаря, негде поиграть в волейбол». В защиту Лизы пытались выступить Серёгина и Байкова, но им уже прямо в лицо смеялись. Благополучно избрали новый местком во главе с Соней Кузнецовой. Так что первый этап прошел благополучно.

Через два дня в музей прибежала возмущенная дама из сельсовета, потрясая перед лицом директора какой-то бумагой и возмущенно требуя призвать своих сотрудников к порядку:

— Народ уже не выдерживает! Вот, смотрите! Вся улица протестует! Пьяные оргии! К ней мужчины ходят... Это что же делается?

С бумажки сняли копию и положили её в «дело» Серёгиной. Потом на некоторое время все затихло. Лиза взяла остаток отпуска и уехала в Москву. Мария Михайловна заканчивала обработку принесенных Распопиным документов и почти не выходила из своего дома в Сурминове. Лина болела и целыми днями лежала в своей каморке во Флигеле.

Наступили затишье в музее и долгожданное *«бабье лето»* в окружающем мире. Последние листья кленов и лип просвечивали в лучах неяркого солнца. Весь парк шуршал ярко-жёлтым ковром из опавших листьев. Дворник дядя Петя запил, и павший лист не убирал. Галки собирались улетать и поднимали страшный гвалт в липовой аллее: проводили с молодежью пробные вылеты. Зиночка, кутаясь в пуховый платок, читала «Капитанскую дочку» и слушала, как за стеной Гриша подбирал на гитаре музыку на стихи неизвестного поэта:

Золотая веточка березы С красными прожилками огня. Падают оранжевые слезы На скамью, асфальт и на меня... Однажды в конце сентября Зина проснулась от стука в окно, накинула на плечи платок и выглянула. Она увидела улыбающиеся лица Марии Михайловны и её подруги Варвары Федоровны.

- Мы пришли к тебе с Варварой рассказать, что солнце встало, что оно осенним светом по листам затрепетало, весело произнесла Мария Михайловна.
  - А я напугалась со сна. Куда вы собрались? засияла улыбкой Зинаида.
- Мы с Аликом купили дом в Чиркине. Из-за этого так рано и приехали, объяснила Варя. Надеемся, что за день успеем все документы оформить. Пойдемте с нами, посмотрите, как мы устроились.
  - А где же мистер Сайрус Смит? спросила Зина.
  - Кто это? удивилась Варя.
- Это ваш муж. Так его Байкова прозвала. Она обожает Диккенса и Жюля Верна. Алик однажды летом ей настольную лампу починил. Вот она его и произвела в инженера из «Таинственного острова». А Виктора Николаевича она *капитаном Немо* зовет за его молчаливость.
- Зина, вы быстренько умывайтесь-собирайтесь. Чай не пейте, распорядилась Мария Михайловна. Вот вам яблоко, по дороге сгрызёте. Мы пока двинемся, а вы догоняйте нас на холме.

Она достала из сумки огромный шафран, и он засиял красными прожилками на солнце.

 Ну всё, пошли, пошли, — торопила Мария Михайловна, и они с Варей подхватили сумки.

Стали спускаться к плотине. Было видно, как с огромным рюкзаком за плечами и сумками в руках поднимался по склону холма Алик.

- Варя, куда этим летом Алик ездил? спросила Маша.
- Да опять в свою любимую Данию, ответила Варя. У нас же с датчанами совместные работы.

По ассоциации Маша вспомнила давние стихи своего сокурсника «О свободе желаний». В стихи Дания попала только потому, что хорошо рифмовалась с «желаниями». Она невольно произнесла вслух несколько строк.

Меня изжелали желания, Меня исхотели хотения: То очень хочется в Данию, То просто хочу нототении. Но где она, эта Дания? А может, её и нет. Но есть свобода желаний — Желаю я, и привет!

- А дальше? спросила Варя и улыбнулась, вспомнив, что рыбу нототению, давно исчезнувшую с прилавков, когда-то называли *«наташенькой»*.
- Дальше не помню. Оно длинное, а у меня на стихи плохая память. Помню только последнюю строфу, потому что она мне особенно нравится.

Я выступлю на собрании, Я обращусь в печать — Отменят свободу желаний — И! — я перестану желать...

Они стали медленно подниматься на холм. Вскоре их догнала Зинаида. По дороге встретили Алика, он спешил в сельсовет. В избе Варя первым делом стала разгружать сумки. Она везла из Москвы не только продукты, но и уже готовую еду: кашу, котлеты, жареную рыбу, чтобы поменьше возиться с готовкой.

Маша с Зиной расположились на крыльце и наслаждались покоем осеннего дня. Обе устали от музейных неприятностей, от собственных подозрений и постоянных разговоров на одну и ту же тему.

- Тяжело в таком раздражении жить, грустно произнесла Зина. Но как быть? Не знаю, как у кого, но у меня не получается «любить своих врагов».
- У меня тоже не получается, ответила Мария Михайловна. Я не то что врагов, а и ближних-то не всегда могу возлюбить. Но мне кажется, что мы явно зациклились на музейных интригах. По существу, враги уже победили: они вовлекли нас в какую-то игру и заставили играть по своим правилам. Мы будто забыли, что по всей стране творится то же самое. И наивно думаем, что справедливости можно добиться в одной, отдельно взятой Усадьбе.
- Если постоянно думать о том, что творится в стране, то совсем станет тошно, возразила Зинаида. И вы, и я бежали в Сурминово от **той** жизни, надеясь найти здесь некий оазис. Но, видно, опоздали.
- *И скоро без следа погибнет это все, погибнет навсегда,* процитировала своего любимого Ростана Мария Михайловна.

Разговор зашел в тупик привычной безнадёжности. Поэтому обе обрадовались, когда Варвара позвала их в дом пить чай.

Вернувшись к себе, Маша, прежде всего, разожгла печь. За стеной громыхал хозяин дома, дядя Петя. Каждый раз, будучи в подпитии, он начинал у себя в сенях рубить дрова и с шумом укладывал их за стеной комнаты, где обитала Маша. Лето кончилось, и теперь, в холодные осенние ночи, он топил печь, и ей становилось страшно: вдруг избу подожжет? Иногда к нему ночью кто-то приходил. Было слышно, как хлопала дверь, а потом глухо доносились мужские голоса. Помолчат и опять что-то бубнят в сенях за стеной. На этот раз, правда, рано стало тихо.

За работу браться не хотелось. От нечего делать она ещё раз перечитала письмо Лизы из Маковеев. В конце письма несколько строк приписал Виктор.

«Часто вспоминаем тебя и нашу поездку в Ферапонтово. У меня, как всегда, к радости примешивается грусть. Как вспомню ту жуткую осень, когда у меня никаких надежд не было. Вдруг Лизе надоест со мной? Лиза говорит, что пишу глупости, и не велит... вот, даже ручку отнимает. Маша! Как дела в Усадьбе? Не грусти. Мы скоро в Москву вернёмся и будем опять вместе. Сильно подозреваю, что настроение у тебя неважное, и в утешение посылаю стихи, которые мне всегда помогали « θ минуты жизни трудные»:

Когда в кругу убийственных забот Нам всё мерзит — и жизнь, как камней груда, Лежит на нас, — вдруг, знает Бог, откуда, Нам на душу отрадное дохнёт, Минувшим нас обвеет и обнимет, И страшный груз минутно приподнимет!

AR AR AR AR AR AR AR AR AR AR

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАЗБОЙНИКИ

Пользуйся днём, который тебе показался прекрасным.

Луцилий Младший, друг Сенеки

Неизвестно, то ли стихи Тютчева на неё подействовали, то ли утро вечера мудренее, но, так или иначе, на следующий день Маша проснулась совсем в другом настроении. Она решила не сдаваться и найти выход из состояния массового уныния. Лучшего средства, чем устроение карнавалов и спектаклей, она не знала. Конечно, она хорошо понимала, что устроенное начальством собрание лишь первый шаг к тому, чтобы выгнать из музея. Понимала и то, что бороться с ними бесполезно. Но, подумалось ей, тем больше оснований напоследок воспользоваться возможностями, которые предоставляет Усадьба для подобных затей. Она загорелась этой идеей и, не откладывая в долгий ящик, в тот же день озвучила своё легкомысленное предложение во время совместного чаепития в комнате Гриши.

- Помните, как мы зимой ставили «Белый ужин» Ростана? Давайте и сейчас поставим что-нибудь по случаю Лермонтовских чтений. Ведь этого нам никто не может запретить!
- Вот было бы замечательно! с готовностью подхватила идею Зиночка. Но что вы предлагаете ставить?
- Я знаю, что ставить. «**Разбойников**» Шиллера! категорическим тоном заявил Гриша и тут же теоретически обосновал свой выбор. Влияние Шиллера на Лермонтова несомненно. Достаточно вспомнить драму Лермонтова «**Два брата**». В ней почти тот же сюжет: те же два брата-соперника, та же борьба двух начал добра и зла. Лермонтова эта тема занимала всю жизнь. Да и кого она не занимает? Кстати, я и сообщение к нашим «чтениям» готовлю: «Лермонтов и немецкие романтики». «Буря и натиск».

Гриша в возбуждении ходил от окна к двери и обратно. Глаза у него горели.

- Я беру роль старшего брата, злодея Франца Моора, столь же решительно заявил он.
- А Карла кто будет играть? А старика Моора? спросила Зина. –У нас явно мужчин не хватает.
  - Мы привлечём, как и в тот раз, московских знакомых, успокоила её Маша.

Она была рада уже тому, что хотя бы с Францем нет проблем. На эту роль вряд ли кого-нибудь можно было найти лучше Гриши. Он снял с полки томик Шиллера, и все трое склонились над текстом. Через несколько минут Маша поняла, что монологи придется сокращать.

— Такие длинные тирады наши актёры не запомнят, да и зрители не выдержат. Я попробую сократить, — сказала она и попросила Гришу дать ей книгу на время.

- Монологи Франца прошу не сокращать. Я их выучу и зрителям уснуть не дам,
   с обычной для него самоуверенностью сказал Гриша. Но книгу позволил взять.
- Вот что мне пришло в голову, задумчиво проговорила Маша. В Усадьбе есть возможность сделать то, что в обычном театре осуществить невозможно. Я говорю о сцене в Богемских лесах. Мы можем сыграть её в настоящем лесу, в нашем овраге, там и поваленные деревья есть. Настоящий костер разожжем, это ведь за музейной оградой. А жуткую сцену у башни с отцом Моором мы можем играть у Конного двора. Там сбоку есть вход в подвал, каменные перила и спуск, три-четыре ступеньки. Таким образом, сцены в Замке и Корчме будем играть в помещении, а эти две сцены на природе.
  - А вдруг дождь пойдёт? спросила практичная Зинаида.
- И в Богемских лесах дождь бывает, утешила её Мария Михайловна и тут же предложила пойти осмотреть предполагаемые сценические площадки.

Они быстро собрались и пошли вечереющим парком к Конному двору. Место оказалось действительно весьма *«романтическим»*: бледные руины, ступени, огражденные сплошными выступами перил. Злосчастный отец Моор, заживо погребенный в родовом склепе своим сыном Францем, вполне мог спрятаться от глаз зрителей за этими перилами, а потом появиться из-за них, будто из склепа. И дверь не нужно будет открывать.

- Замок висит, старинный. А куда эта дверь ведёт? поинтересовалась Маша, внезапно вспомнив слова Лизы о второй двери в Конный двор.
- Дверь ведет в подвальное помещение, а оттуда можно попасть внутрь, ответил Гриша.
- То есть как это «внутрь»? насторожилась Маша. Вы хотите сказать, что через эту дверь можно проникнуть на выставку фарфора? Где же там дверь?
- Двери там нет. Из подвала внутрь можно попасть через люк. Крышка от люка за кольцо поднимается изнутри Двора.
  - Крышка от люка? Где же она расположена?
  - При входе. Там сейчас палас лежит, поэтому её не видно.
  - А сигнализации так и нет?
- Нет. Начальство решило, что осенью выставку всё равно придётся закрывать, а к весне сигнализацию сделают. Вы зря волнуетесь, Мария Михайловна. Никому в голову не придёт лезть через эту дверь, уверяю вас.

Маша ничего не ответила. Пошли к оврагу. По дороге оживленно обсуждали, как построить мизансцены в столь непривычной обстановке.

Дошли до оврага уже в сумерках. Здесь они нашли прекрасные «декорации» для сцены в Богемском лесу. Поперек оврага лежало огромное поваленное дерево, около него два пня, вокруг кусты. Место выглядело романтически *«зловещим»*. Главное, оно было вполне безопасным в пожарном отношении, потому что находилось в стороне от парка.

Вечером того же дня Маша у себя в избе принялась изучать Шиллера. После десяти неожиданно кто-то постучал к ней. Она, конечно, испугалась и, подойдя к входной двери, со страхом спросила: «Кто там?» Оказалось, это приехала с последним автобусом Елена, рассчитывая на то, что завтра в музее выходной, и она сможет весь день играть на рояле во Флигеле. Сели ужинать. Елена, заметив книгу на столе, спросила:

- Почему ты Шиллера читаешь?
- Хотим поставить «Разбойников». Кстати, могу предложить тебе роль Амалии. Соглашайся, вряд ли тебе такую роль предложат где-нибудь ещё, пошутила Маша.
- Какую Амалию? Я ничего не помню из этих «Разбойников». Оставь мне, перед сном прочту. Да, скажи мне, как отец с Лизой?

- Лиза письмо прислала. Свадебный ужин они устраивают 18-го октября.
- A где?
- Наверное, у Лизы. У них большая квартира.
- Я никак не придумаю, что им подарить на свадьбу. Посоветуй.
- Ну, это завтра. Давай укладываться. Уже двенадцать.

Наутро они вместе пошли в Усадьбу. Гриша, увидев Елену, оживился чрезвычайно и тут же стал за ней ухаживать. Зинаида, посмеиваясь, шепнула Марии Михайловне:

- Вот вам и Амалия. А Франц, судя по всему, в нее уже влюблён. Роковое совпадение.
- Но у Шиллера Амалия любит младшего брата, Карла, возразила Маша. Что касается Франца, то у Шиллера он приносит ей гибель. Надеюсь, в реальной жизни Францу не удастся соблазнить нашу Амалию.

Елена села за рояль. Обедали вместе во Флигеле. Весь остаток дня оживленно обсуждали «Разбойников». Повели Лину и Елену к Конному двору и в овраг. Им очень понравилась идея с перенесением действия на природу. Но Лина посоветовала устроить спектакль не на «Лермонтовских чтениях», а после них. Впрочем, иначе они бы и не успели. Решили, что Амалию всё же будет играть Лина, а Елена обеспечит музыкальное сопровождение. Маша обещала распечатать роли и найти актеров на вакантные роли. Репетировать решили в Москве, чтобы не дразнить музейное начальство, а генеральную репетицию провести здесь, в Усадьбе, за неделю до спектакля.

Октябрь прошел в приятных хлопотах. Вернулась из отпуска Елизавета Алексеевна и занялась подготовкой к «Лермонтовским чтениям». Ко всеобщей радости, начальство почти всё время отсутствовало. Видимо, оно готовилось к решающему наступлению. Зато Сурминово почтили своим присутствием потомки поэта по боковой линии. После докладов пили чай в гостиной и пели старинные романсы. Доклады были немного скучноваты, но, во всяком случае, всё прошло вполне в лучших традициях.

Репетиции «Разбойников» шли полным ходом. Маша волновалась, потому что до сих пор не нашла никого на роль старика Моора. Хорошо хоть её племянник Костя согласился играть роль Карла. У него был портативный магнитофон, и она решила записать на плёнку все сцены во время генеральной репетиции. По опыту она знала, что на самом спектакле будет некогда. Генеральную репетицию назначили на 17 октября.

На генеральную репетицию приехали все занятые в спектакле актеры. Народу было множество. Примеряли костюмы, разучивали роли, шумели, пили чай. Оба сына Моора нервничали, каждый по-своему. На два часа опоздал отец Моор, но и с ним обошлось. Ни один разбойник не знал своей роли. Зато им блестяще удавались такие крики, как: «Гром и молния!» или «Спасайте, спасайте атамана!» и «Стреляй, Швейцер!» Долго репетировали финал. Сцена во Флигеле была невелика, и на ней никак не могли разместить четыре трупа. Было неясно, из чего и как делать факелы. Но в целом все остались довольны сами собой и не сомневались в успехе.

Уже затемно шумной толпой отправились на автобус и уехали в Москву. Костя отдал магнитофон с записью Марии Михайловне. На следующий день состоялся свадебный ужин в доме Скребницких. Было очень весело, пели песни студенческих лет и с увлечением играли в шарады.

Утром в воскресенье Маша встала поздно. Она решила посвятить день заброшенному хозяйству и заодно отдохнуть от непривычно напряженной светской жизни. Она принялась мыть окна. Чтобы не терять времени зря, она включила магнитофон и стала слушать запись генеральной репетиции «Разбойников». Большое окно в комнате было почти вымыто, когда началась первая сцена из третьего действия: «Ночь у развалин башни».

Здесь, в семейном склепе, злодей Франц велел Герману похоронить заживо своего отца. Сцена шла почти без накладок. Карл текст знал наизусть, остальные разбойники подглядывали в спрятанные под плащами листки. Карл воскликнул: «Оставьте меня! Ложитесь спать! Завтра чуть свет мы двинемся дальше!», и разбойники старательно зашумели: «Доброй ночи, атаман!» Они улеглись на землю и громко засопели, изображая крепкий сон. Судя по тому, что голос Карла был плохо слышен, Маша поняла, что сумка с магнитофоном осталась рядом с разбойниками, а Карл-Костя отошёл в сторону. Наконец, он завершил свой монолог словами: «Нет! Я всё стерплю! Муки отступят перед моей гордыней!»

Появляется Герман. Втайне от Франца он спас старика Моора и теперь носит ему в склеп еду. Карла и разбойников он, как это принято в пьесах, не замечает. Ухает сова.

Герман: «Как страшно ухает сова! Злодейство спит! В этой глуши нет соглядатаев!»...

Вдруг на записи прозвучал чужой голос!!!

Кто-то резко спросил: Ключ готов?

Второй голос ответил: У нас всё готово. Дело за вами. Решайте, когда?

Герман стучит в дверь склепа и говорит: «Поднимись сюда, злосчастный узник! Вот твой ужин».

Карл, не замечаемый Германом, удивлён и вопрошает: Что это значит?

Его по-прежнему плохо слышно, зато в микрофон опять попал чужой диалог.

Первый голос задумчиво произнёс: **Когда?** Давайте провернём это дело в тот вечер, когда они своих «Разбойников» будут ставить. Вот хохма будет!

Второй голос одобрил: Это вы здорово придумали. На них и свалим.

По Шиллеру, опять ухает сова. Проголодавшийся старик Моор ест.

Герман говорит ему: Тише! Слушай! Какой-то шум. Слышишь?

Отец Моор: Как? И ты слышишь что-то?

Герман: Мне всё чудится храп. Ты здесь не один, старик! Страшные это места! Прощай! Прощай!

Но уйти он не смог. Его останавливает Карл.

Карл: Здесь какая-то тайна! Стой! Говори, кто ты? Отвечай!

Герман начинает умолять: *Горе мне!* Сжальтесь надо мной. Послушайте хоть одно слово, прежде чем прикончить меня! (Он принял Карла за Франца).

Карл восклицает: Что я услышу?

Герман: Ваш родной отец там... Я не мог иначе... Я пожалел его...

Опять вмешался первый голос: С кем ты договорился насчет ковра?

В этот момент старик Моор спрашивает Германа: С кем ты разговариваешь?

Второй голос, будто следуя тексту пьесы, ответил: **Как это, с кем?** С **Мишей, конечно.**

Карл: Здесь узник, отверженный людьми! Подай голос ещё раз! Где дверь? Здесь **четыре замка**!.. Зову тебя на помощь, моё воровское искусство.

Пока Карл возился с замком, чужой голос обеспокоенно спросил:

- Четыре замка? А ты говорил, что замок всего один.
- **Это у Шиллера четыре замка, а у нас один,** ответил его собеседник и даже захихикал.

Слышен скрип будто бы открываемой двери.

Моор: Сжальтесь над несчастным! Сжальтесь!

Карл: Голос моего отца.

Моор вылезает из подземелья и теперь его голос слышен гораздо лучше, тем более, что он трагически завывает: Меня сочли мертвым и положили в гроб. Я очнулся, стал скрести крышку гроба; Франц поднял её и вскричал: «Как? Ужели ты будешь жить вечно?» И крышка тотчас захлопнулась. Он похоронил меня заживо.

– Пошли отсюда. Дело верное, **–** проговорил посторонний голос.

Послышалось равномерное шуршание листьев. Звук шагов удалялся.

Карл говорит отцу: Этого не может быть! Вы ошиблись!

Но заговорщики ушли, не дослушав реплики Карла. А зря! Ведь он оказался прав. Непредвиденная случайность — запись их разговора на магнитофон — и, казалось бы, *верное дело* повисло на волоске. Страшно подумать, сколько великих планов срывается из-за подобных мелочей!

Дальше всё следовало по Шиллеру. Маша давно перестала мыть окно и с любопытством вслушивалась в непонятную смесь Шиллера и чужого диалога. Сначала ей было смешно, но некоторые слова вызвали беспокойство. Она остановила магнитофон, вернула пленку назад, прослушала ещё раз. Пометив собеседников кличками Первый и Второй, она получила такой диалог:

Первый: Ключ готов?

Второй: У нас всё готово. Дело за вами. Решайте, когда?

Первый: Когда? Давайте провернем это дело в тот вечер, когда они своих

«Разбойников» будут ставить. Вот хохма будет!

Второй: Это вы здорово придумали. На них и свалим.

Первый: С кем ты договорился насчет ковра?

Второй: Как, с кем? С Мишей, конечно.

Первый: Четыре замка? А ты говорил, что замок всего один.

Второй: Это у Шиллера четыре замка, а у нас — один.

Первый: Пошли отсюда. Дело верное.

После этого Маша позвонила Виктору и, не желая объяснять суть дела по телефону, сказала, что сейчас к ним приедет. Поймала такси и через час сидела в кресле в квартире Виктора. Лиза возилась на кухне. Поставили плёнку и втроем, молча, слушали запись.

- Да-а, протянула растерянно Лиза. Вот вам и разбойники. «Злодейство не спит»... А что это они про ковер говорят?
- Гриша мне сказал, что внутренний выход из подвала в Конный двор где-то у входа. Крышка люка паласом прикрыта. Если его не поднять, то крышку открыть нельзя, объяснила Маша и спросила: Что же теперь нам делать?

Я попробую Владимиру позвонить, — ответил Виктор. — Он следователь в МВД.
 Может, что и посоветует.

Виктор позвонил. Просил срочно приехать. Владимир приехал через час. Терпеливо выслушал запись сцены около фамильного склепа Мооров. Долго вчитывался в бумажку с диалогом. Наконец, спросил:

- А голоса вам не знакомы?
- Мне нет, ответила Маша.
- Мне вроде знаком голос того, кто спрашивал, есть ли ключ и с кем договорились насчет ковра, ответила Лиза. Но я не уверена.
  - Так на чей голос он похож? Как вам кажется?
- Похож на голос человека, который раньше часто приезжал в гости к Витольду.
   Он тоже работал в каком-то музее. В каком, не помню. Но уже давно в Сурминове его не было видно.
  - А второй?
  - Второй я совсем не знаю.
  - А Михаил кто, как вы думаете?
- Вероятнее всего, это Миша Снежный. Он недавно у нас работает. Реставратор по картинам. Но спектакль назначен на пятницу, а по пятницам Гриша дежурит, заметила Лиза.
- Гриша мог с ним заранее обменяться, предположила Маша. Ему же в день спектакля неудобно дежурным быть. Это мы уточним. Вопрос в том, отменять или нет спектакль?
- Ни в коем случае, сказал Владимир. Нам их надо взять с поличным. Главное, чтобы вы обе не проболтались. Давайте мне запись. Я на неделе в Сурминово наведаюсь, посмотрю обстановку. Пять дней осталось. А зрителей много будет?
  - Человек сорок.
- Да, здорово они все рассчитали. Народу тьма. Толпа все следы затопчет.
   Действительно, дело верное. А что внутри?
  - Коллекционный фарфор. И никакой сигнализации.
  - Нет сигнализации? Но почему?
- У нас даже в главном Доме сигнализация только на одной двери, где печать ставим, вместо Лизы ответила Мария Михайловна и добавила, что если бы жулики об этом знали, Музей уже давно бы ограбили.
- Понятно, подытожил Владимир и решил их подбодрить: Вы, главное, не очень волнуйтесь. Они ведь, наверное, полезут туда, когда у вас будет идти последнее действие. Так что, если перестрелки не будет, то ваши зрители ничего не заметят.

Во вторник утром Маша с Лизой встретились в электричке. Маша рассказала о своих выписках из приходно-расходных книг.

- Почему же вы об этом не рассказали Владимиру? спросила Лиза.
- В голову не пришло. Знаете, я боюсь оставаться в доме у дяди Пети. Этот оглоед может нечаянно дом поджечь. Ведь он последнее время не просыхает, каждый день пьяный. Курит, печку топит по ночам. Заснёт и тогда всё, кранты! Мне надо хотя бы книги и документы в музей отнести.
  - Конечно, надо оттуда съезжать. Если пожар случится, вас же деревня обвинит.

Так и так пришлось съезжать. В среду неожиданно явилась хозяйка-застройщица, сестра дяди Пети. Едва успела войти в дом и сразу начала кричать дурным голосом:

— Я вам, как порядочной... А вы оргии устраиваете, мужиков водите! Меня в сельсовет вызывают! Грозятся сообщить куда надо, что я сдаю незаконно.

- Да окститесь вы, Валя, попыталась урезонить её Мария Михайловна. Какие оргии? Вы же знаете, что я работаю здесь.
- Знаем мы, как вы работаете, вопила Валя, распаляя себя. Я еще свое добро проверю. Не пропало ли чего!

Марию Михайловну аж в жар бросило. Хорошо хоть не вслух, а все же про себя прокляла она злющую бабу. Решила выехать срочно, в тот же день. Гриша, Лиза и Зинаида пришли ей помочь. И через два часа книги и архив были перенесены в Дом, а её личные книги и вещи временно сложили у Лизы. Ночевать Маша пошла к Варваре, в Чиркино.

Вечером они с Варей еще раз всё обсудили и сопоставили. Выходило так. Летом кто-то проник в хранение, нашёл нужный ключ и сделал слепок. Поэтому и Брокгауз не по порядку лежал. Миша Снежный брал подлинные картины на реставрацию, а возвращал копии. Ариадна Ивановна подмены не замечала. Теперь они решили ограбить Конный двор.

Без особых приключений дожили до пятницы.

Спектакль был назначен на пять часов. Сайрусу Смиту Маша поручила делать факелы. Накануне зал во Флигеле превратили в «Саксонскую корчму». Сцена в корчме должна была идти среди зрителей, сидящих за столиками. Повесили занавес. С утра пошел снег и валил весь день. Зрители прибыли пятичасовым автобусом, заснеженные и замерзшие. Им сразу стали подавать чай, чтобы согрелись с дороги. Впрочем, всё было так замечательно, что и Маша, и Лиза временами совсем забывали о настоящих разбойниках и только иногда, увидев где-либо в углу Владимира, вспоминали о грозящем несчастье. Остальные ни о чём не знали. Да и не узнали никогда.

Спектакль начался.

Сцена в замке Мооров. Старик Моор, обманутый своим старшим сыном Францем, доверяет ему написать младшему сыну, Карлу, ответ на его покаянное письмо. Коварный Франц пишет совсем не то, что просил отец. Он откровенно заявляет: «Мы велим сшить себе совесть по новому фасону, чтобы пошире растянуть её, когда раздобреем. Итак, живо! Смелее за дело! Я выкорчую всё, что преграждает мне дорогу к власти...»

Сцена в Корчме. Младший сын Моора, Карл, в длинном монологе обличает современное общество: «Это мне сдавить свое тело инуровкой, а волю заинуровать законами? Закон не создал ни одного великого человека, лишь свобода порождает гигантов и высокие порывы...» Получив жестокое письмо от отца, Карл решает уйти в разбойники. Он произносит еще одну обличительную речь, начиная её словами из Евангелия: «Люди, коварные ехидны! их слезы — вода! их сердца — железо!.. О, кто даст мне в руки меч, чтобы нанести жгучую рану людскому племени, этому порождению ехидны, тот станет мне другом, ангелом, Богом!» Разбойники избирают его атаманом. Напоследок все они клянутся ему в верности и с криками: «Итак, в путь! Нами правит неумолимый рок!» — уходят толной в свои Богемские леса.

В Замке происходит душераздирающая сцена. Несмотря на происки злодея Франца, Амалия остается верной Карлу. Вдруг приходит некий Герман и приносит лживую весть о смерти Карла. Отец Моор умирает от горя. Амалия в отчаянии. Франц торжествует.

Антракт. Зрители надевают пальто и шубы и направляются в Богемский лес. Оттуда уже слышна бравая песня разбойников. Снег перестал идти. Но дым от огромного костра ветер несёт прямо на несчастных зрителей. Несмотря на это, они завороженно смотрят на пламя костра и напряженно вслушиваются в реплики актеров. «Тысяча чертей! Гром и молния!»— то и дело кричат разбойники. «Свобода! Свобода!» — восклицает Карл Моор.

Приходит Патер, чтобы наставить Карла на путь истинный. Но Карл обличает и духовенство: «О, вы, фарисеи, лжетолкователи правды!»

Их окружают войска. Разбойники кричат: «Спасайте, спасайте атамана!» и «Смерть или свобода!» Они бегут с горящими факелами. Раздаются звуки труб.

Ошеломленные зрители перемещаются к Конному двору, а по Шиллеру, к «башне с семейным склепом». Мария Михайловна, озабоченная пожарной безопасностью, просит *Сайруса Смита* взять ведро воды, вернуться в овраг и залить тлеющие головешки.

Далее следует сцена у развалин башни, уже знакомая читателю не только по Шиллеру, но и по магнитофонной записи, на которой обнаружились голоса злоумышленников. С факелов на свежий снег падают черные мазутные пятна. Зрители стоически выдерживают и эту «находку режиссёра». Было заметно, что особенно сильное впечатление на них произвело появление старика Моора из склепа в белом саване. Моор вздымает руки к небу, молит о пощаде. Ухает сова. Роль совы исполняла Мария Михайловна, и, как ей казалось, с этой ролью она вполне справилась. Кроме того, она же из-за угла подсказывала разбойникам, что им кричать, потому что в темноте они не видели, что написано на шпаргалках. Она стояла за углом, как раз на том месте, где стояли бандиты во время генеральной репетиции. Она понимала, что в этот вечер они откуда-то тоже наблюдают за театральным действием. Вероятнее всего, они спрятались в ближних кустах за её спиной, а в Конном дворе среди саркофагов с фарфором притаились оперативники из Москвы. «Поднял ли Миша палас?» — озабоченно думает она. Ведь если он его не поднимет, то преступники не смогут попасть внутрь, и тогда вся операция сорвется.

В финале этой сцены Карл призывает разбойников отомстить за своего отца. Разбойники убегают к Замку, чтобы схватить отцеубийцу Франца. Актеры и зрители благополучно возвращаются во Флигель.

Начинается последнее действие в Замке. Франц врывается на сцену с канделябром в руках. За ним гонятся разбойники. За окнами Флигеля наши зрители видят огни факелов. Слышны стуки в окно и крики: «Смерть! Смерть!» Франц совсем обезумел. Ему кажется, что он уже в аду, и он кричит: «Ад? Я уже чую его! ...Я слышу, как шилят гады преисподней! ...Они вбегают по лестнице, осаждают дверь!» Обращаясь к Всевышнему, он просит: «Так смилуйся Ты надо мной!» — и блестяще закалывается.

Вбегает Швейцер с разбойниками и, увидев мёртвого Франца, тоже закалывается, потому что не успел выполнить поручение Карла. Входят старик Моор и Карл. Вбегает Амалия. Старик Моор умирает, на этот раз окончательно. Карл прижимает к сердцу верную и простившую ему всё Амалию, но разбойники обвиняют его в отступничестве. Ситуация очень похожа на ту, что произошла на Волге со Стенькой Разиным и персиянкой. Видимо, у разбойников так принято. Карл, во избежание соблазна, тоже убивает свою возлюбленную, но тут же начинает цитировать Библию: «О, я глупец, мечтавший исправить свет злодеяниями и блюсти законы беззакониями! Тебе отмищение, и Ты воздашь. Нет нужды Тебе в руке человеческой!»

После этого он удаляется, чтобы сдаться властям. Конец.

В зале зажигаются лампы. С пола поднимаются четыре трупа. Уставшие, но довольные собой, актёры раскланиваются. Елена берёт первые аккорды «Оды к Радости» Бетховена и женские голоса начинают петь:

Радость пламя неземное, Райский дух, слетевший к нам. Опьянённые тобою, Мы вошли в твой светлый храм...

Так как листки с текстом были розданы зрителям заранее, то припев вся Корчма пела хором:

Обнимитесь миллионы! Слейтесь в радости одной! Бог, в Любовь *пресуществлённый*, Там, над звездною страной...

Если учесть, что пели без единой репетиции, то спели совсем неплохо. Споткнулись только на слове *«пресуществлённый»*, но на этом термине и богословы спотыкаются. Два женских голоса вывели опять ровно и четко:

Гордость пред лицом тирана, Пусть то жизни стоит нам. Смерть служителям обмана, Слава праведным делам.

Зрители и актёры явно воодушевились, воображая себя бесстрашными борцами с тиранами. Раздался гром аплодисментов и крики: «Браво!». Амалии и Елене преподнесли корзины цветов, заранее привезённые из Москвы. Все с облегчением расселись за столы и начали пировать, благо яств и пития зрители привезли в изобилии. Произнесли множество тостов, в стихах и в прозе.

Однако всё когда-нибудь кончается. Надо было спешить на последний автобус. Через час в зале всё было убрано. Свет погашен. Виктор успел шепнуть Маше и Лизе, что с операцией в Конном дворе всё в порядке. Все медленно шли по бесшумному снежному парку к воротам. Скорей, скорей, из Усадьбы в Москву, в шум города, в безопасность своих домов и уют квартир.

Так счастливо прошёл этот вечер. Но утром во вторник оказалось, что он имел весьма трагическое продолжение.

Как всегда, утром во вторник все музейные ехали в одном автобусе. И вдруг до слуха Марии Михайловны донеслись обрывки разговора двух женщин из Сурминова:

- Ты слышала, что Петька-пьяница сгорел?
- Когда? Как сгорел?
- Да сегодня ночью. Видно, по пьянке избу поджёг. Изба сгорела почти дотла.
- А эта, музейная, что у Валентины жила, что она?
- Да её вроде не было. А может, она и подожгла...

Одна из говоривших заметила Марию Михайловну и зашептала:

– Тише ты... Вон она стоит.

Лиза и Зинаида этот разговор тоже слышали. В музее уже обо всем знали. На пепелище расхаживала местная милиция. К обеду по деревне распространились слухи, что труп дяди Пети был найден, а точнее, были найдены обгоревшие кости, но голову его не нашли.

Маша решила пойти на пожарище, опасаясь, что при поспешном выселении могла оставить там что-нибудь из своих вещей. С ней пошла Зинаида. Они медленно ходили по огороду, усыпанному головешками и обрывками горелых досок, тряпок. Видно, пламя было сильное и далеко разбрасывало мелкие предметы. В углу сеней, где хозяин с грохотом складывал дрова, под грудой плотно слежавшихся и не совсем сгоревших дров Маша вдруг заметила нечто неожиданное. Они с Зинаидой с трудом докопались до этого предмета и быстро сунули его в сумку. Потрясенные, они поспешили в Усадьбу и показали находку Лизе.

Этим предметом оказался чудом уцелевший «опасный» портрет. В первой главе (если читатель еще помнит её) о нём говорила пикантная блондинка, а в восьмой главе выяснилось, что летом он пропал из хранения. Сзади на холсте они различили четкую овальную печать с названием монастыря-пустыни. И решили пока ничего не говорить Ариадне Ивановне. Было очевидно, что возвращать его в Дом опасно. Тот факт, что он хранился в сенях у музейного дворника, столь же очевидно свидетельствовал о том, что трагически погибший дядя Петя был связан с похитителями. Не явился ли он их жертвой? Вполне вероятно, что они заподозрили его в измене, когда узнали о постигшей их в Конном дворе неудаче. В Сурминове никто не верил, что дядя Петя сжёг себя сам. Местные жители уверяли, что в последнее время он больше пил, а по пьянке хвалился, что у него денег куры не клюют. У кого, интересно, куры их клюют? Странные всё-таки бывают поговорки. Ну, да это к делу не относится. Так, реплика «в сторону», как в пьесах.

Прибывшие на место милиционеры подобные слухи решительно отвергли и остановились на том, что это был несчастный случай.

А через неделю, в канун 64-й годовщины Великой Октябрьской Революции, в Музее зачитали приказ по Управлению Культуры о закрытии Музея на время реставрации и о сокращении пяти сотрудников. Местком единогласно проголосовал «за». Так завершился составленный в Зондерхаузе замысел и этот небольшой роман. Во всяком случае, его первая часть.

До следующей Революции оставалась еще уйма времени – целых 10 лет! Прощай, мой терпеливый читатель!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЗГНАННИКИ

... Пережитое всё – действительно ли было иль, может быть, оно лишь смутным было сном?

И, как сливаются в вечернем небе краски, как очертания — в прозрачной полутьме, так впечатления слились теперь в моём уме, и я не отличу действительность от сказки.

На всё печаль души набросила покров, неразрываемый покров воспоминаний, и жаль мне радостей, и жаль былых страданий в смятенном сумраке прозрачных вечеров.

Ольга Чюмина. Вечерняя печаль

М.К. Соколов. **Арбатский переулок**. 1932 Из цикла «**Уходящая Москва**» Холст на картоне, масло. 46,5 x 65

&%&%&%&%&%&%&%&%

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАЗДУМЬЯ

Долгая дума – лишняя скорбь. Чем думать, лучше делай! В.И. Даль. Русские пословицы

Событие, на котором оборвалось наше повествование, было воспринято изгнанниками трагически, и настроение у них первое время было подавленным. Даже Автор поддался общему унынию и, хорошенько не подумавши, воскликнул: «Прощай, мой терпеливый читатель!» Более того, он почувствовал себя «рыцарем на распутье», которому приходилось выбирать один из трёх путей, каждый из которых не сулил путнику ничего хорошего. В голове мелькали одни литературные штампы: Что делать? Быть иль не быть? Писать иль не писать? И если писать, то как и о чем? Разумеется, об этом надо было думать до того, как он лихо приступил к началу первой главы.

Начался приступ рефлексии. Он вспомнил, что начал свой «роман» если и не совсем "шутки ради", то, во всяком случае, как некую игру в роман и в детектив. И что же из этого вышло? Да ничего хорошего. Замелькали утешительные поговорки на тему «первый блин комом», но уж он-то знал точно, что это был первый и последний блин. Эпитет «последний» вызвал в памяти целый букет поэтических произведений.

Оказавшись «у разбитого корыта», он решил подковать своего Пегаса теоретически. Обратившись к словарям, Автор с радостью обнаружил, что его произведение соответствует законам жанра, по крайней мере с формальной точки зрения. Так, словарь иностранных слов гласит, что изначально французским словом готап называли литературное произведение, написанное на одном из романских языков (от латинского romanus — римский). Это языки: французский, испанский, итальянский, португальский, провансальский, румынский. Но это требование, согласитесь, давно уже никем не соблюдается. Со временем романами стали называть «наиболее популярный род эпических произведений, в которых заключается рассказ из жизни какоголибо общественного слоя, характеризующий выдающиеся черты его жизни и людей». При этом романы могут быть историческими или современными.

Прочитав эти определения, Автор предположил, что, наверное, существует и третий, смешанный тип, как это часто бывает в научной терминологии. Например, если есть почвы «песчаные» и «подзолистые», то обязательно существуют и «подзолисто-песчаные». Или, если есть партии «социалистов» и «демократов», то обязательно появятся и «социал-демократы». И практика показала, что они в свое время появились — сначала, как всегда, в «передовой» Европе, а затем уж и в «отсталой» Российской империи. Так и с романами, подумал он. Поскольку существуют «исторические» и «современные», то, наверное, допустимы и «историкосовременные».

Узаконив с помощью теории тип своего романа, Автор успокоился и решил, несмотря ни на что, продолжить его. Он понимал, что *романическая*, то есть в переносном значении слова любовная линия его романа исчерпала себя, как только Лиза и Виктор вступили в брак. Такие великие романисты, как Лев Николаевич, не останавливались на изображении свадьбы и подробно описывали семейную жизнь своих героев. Но сочинитель «Усадьбы» был явно неспособен к изображению психологических коллизий, и потому любовную линию он решил в дальнейшем не затрагивать. Поводом для продолжения романа, могли бы послужить события, связанные с детективной линией (от латинского detectio – раскрывать), поскольку преступление ещё не было раскрыто. Но и с этой линией возникли трудности из-за того, что герои были изгнаны с места преступления и тем самым были лишены возможности его раскрыть. Что же в таком случае оставалось?

Всё это так, но желание продолжить роман было сильнее разумных доводов, поэтому Автор решил, что с перемещением действия в Москву он сможет осуществить свою давнишнюю мечту: изобразить, как от поколения к поколению происходит передача семейных традиций и нравственных принципов, несмотря на социальные катаклизмы. К сожалению, из этой грандиозной затеи у него тоже почти ничего не вышло. В конце концов, в романе сохранились лишь осколки его мечты, в виде портретной галереи представителей старшего поколения, переживших гибель своей усадьбы, Российской Империи. Ведь именно они влияли на своих детей и внуков, которым ещё предстояло пережить гибель своеобразной усадьбы-утопии, Советской Империи.

В связи с таким замыслом теоретически подкованный Автор почувствовал, что вторая часть романа подпадает под определение романтизма — направления, в котором «автор не столько воссоздает действительность, как реалист, сколько пересоздаёт её соответственно своим идеальным представлениям». Чтобы избежать обвинений в романтизме, он решил, как можно меньше сочинять и как можно больше опираться на подлинные документы, чтобы придать повествованию столь ценимое им качество, как достоверность. Но где их взять?

Автор знал о том, что в доме Марии Михайловны хранились документы за целое столетие (дневники, письма, старые газеты, открытки и фотографии). Материалы из семейного архива, по её мнению, были ценны как показания очевидцев и даже участников тех событий, о которых советские дети знали только из школьных учебников истории. В 1974 году ей пришла в голову счастливая мысль издавать домашний журнал, наподобие «Русского архива» Бартенева, и в нём публиковать не только документы из семейного архива, но и воспоминания ещё живых свидетелей. К этому времени уже 10 лет в её доме существовал театр-кабаре «Летучая мышь», и редакция журнала после долгих споров решила назвать новое детище тем же именем.

Если домашний театр мог выглядеть как вполне безобидная забава, то домашний журнал, в котором публиковались не только архивные, но и вполне современные материалы, явно подпадал под статью об «антисоветской пропаганде и агитации». Поэтому Мария Михайловна и её мама, Татьяна Юрьевна, жили в постоянном страхе: вдруг ее арестуют и посадят. Не раз они обсуждали, как и что, в случае ареста, Маше следует отвечать на допросах в КГБ. И хотя эти страхи были обоснованными, они легкомысленно продолжали издавать журнал и тем самым следовали известному правилу, что, «если нельзя, но очень хочется, то всё же можно». Так как тексты Маша печатала на пишущей машинке, то теоретически тираж мог достигать четырех экземпляров. Но практически в виде журнала редакция оформляла и переплетала только 1 (один) первый экземпляр, а остальные Маша хранила в старом сундуке у своей матери.

Татьяна Юрьевна жила в коммунальной квартире. Предполагалось, что её как члена партии и заслуженную учительницу обыскивать не будут, а в случае ареста первого экземпляра в доме у Маши сохранятся хотя бы тексты. Чтобы как-то обезопасить себя от обвинений «в распространении», на титульном листе каждый раз печатали: «Тираж 1 (один) экземпляр. Распространению не подлежит. Не читать!» Однажды, в шутку, она написала даже: «Перед прочтением сжечь!», чем поставила в тупик не понимающих шуток читателей. С 1974 по 1978 год редакция выпустила всего 16 номеров, то есть — по четыре номера в год. Каждый — около 100 страниц.

Не то мудрено, что переговорено, а то, что не договорено.

В.И. Даль. Русские пословицы

Итак, покончив с теорией, Автор поспешил навестить Марию Михайловну, чтобы перейти к практике. К великой радости, он застал её за обычными занятиями. Стол был завален ксерокопиями рукописей из Сурминова, половина томов Брокгауза заодно с Ефроном были вынуты из шкафа и громоздились кипами на стульях. Чашки с недопитым кофе можно было увидеть в самых неподходящих местах. В комнате стоял дым коромыслом, так как, увлекаясь работой, Мария Михайловна имела обыкновение курить одну сигарету за другой.

Автор сразу понял, что отвлечь её от рыцарей, «ищущих манну», а тем более от «Нового Израиля», будет непросто, но решил попытаться. Для начала он спросил Марию Михайловну, собираются ли они бороться за восстановление справедливости. Она объяснила, что никаких совместных планов нет и быть не может, потому что они ведь не заговорщики с какой-либо определенной программой. Каждый реагирует на изгнание по-разному, в зависимости от характера, убеждений и обстоятельств.

Гриша Борзун, например, сразу же заявил, что будет добиваться восстановления через суд, и уверен, что добьется своего. Лина Байкова, не имея прописки и жилья в Москве, обратиться в суд не могла. Она съездила в Ломакино к своему духовнику и по его совету положилась на волю Божью. Пока эта воля выразилась в том, что Лину на время приютила одна знакомая в Москве.

Елизавета Алексеевна тоже хочет подавать в суд, но вовсе не уверена в том, что правда восторжествует. Поэтому, по совету своего духовника, она пошла в храм, где пребывает икона святого Трифона, заказала молебен и взяла от лампады *«маслице»*. Считается, что этот чудотворец выручает как раз тех, кто имеет неприятности по службе. Зинаида с той же просьбой поехала в Лавру к преподобному Сергию. Так что на небесах защита им обеспечена.

Что же касается самой Марии Михайловны, то, по её мнению, добиваться восстановления не имело смысла, потому что, вернувшись в усадьбу, они будут вынуждены сотрудничать с теми же «новыми людьми». Разумеется, она понимает, что эти «новые люди» повсюду, но она всё ещё надеется, что найдет укромный уголок, где сможет предаться своим любимым архивным занятиям.

Теперь можно было перейти к делу. Автор сказал Марии Михайловне, что хочет просмотреть журналы «Летучая мышь», чтобы поискать материалы для второй части романа. Как и в любом солидном журнале, в «Летучей мыши» было несколько рубрик, но его интересовала лишь одна — мемориально-архивная. В этом разделе Мария Михайловна публиковала письма, дневники и воспоминания людей старшего поколения, преимущественно из своего семейного архива. Тогда, в 1970-е годы, её чрезвычайно занимал один вопрос: как пережили Революцию 1917 года люди, родившиеся и выросшие в Российской Империи?

Автор смотрел на проблему шире. Сравнивая жизнь поколений, он заметил, что события в одной, *«отдельно взятой»* усадьбе и переживания героев его романа можно считать **типичными**, потому что они **повторяются из века в век**. Свои соображения он начал излагать Марии Михайловне, надеясь на понимание с её стороны. По его словам, каждый раз повторяется одна и та же странная ситуация. Старые владельцы «усадеб» задолго до наступления катастрофы начинают испытывать чувство тревоги, но, видимо, желая насладиться жизнью перед неизбежной гибелью, они продолжают вести беспечную жизнь. А когда катастрофа происходит, каждое поколение ищет и находит утешение в поэтических строках тех, кто переживал то же самое в прошлом.

— Случившееся в Сурминове напоминает мне сюжет «Вишневого сада» Чехова, — заявил Автор. — В этой пьесе на смену старым владельцам с их *«возвышенным обманом»* тоже пришли *«новые люди»* с *«тьмой низких истин»* в кармане. Это были люди, жаждущие наживы и готовые выкорчевать всё, что им мешает в достижении цели.

Мария Михайловна слушала автора внимательно. Хотя он говорил слишком путано, но она поняла, что он хотел сказать, потому что сама много думала об этом. Однако, по её мнению, поиск аналогий следовало начинать не с России, а с Европы, так как именно там «средний класс» начал устраивать свои Великие Революции. Она вспомнила Мольера и его комедию «Bourgeois-gentilhomme», в русском переводе известную под названием «Мещанин во дворянстве». Однако, по наведении справки в Брокгаузе, выяснилось, что Мольер в ней вовсе не разоблачал буржуазность, а наоборот, «предостерегал здоровый средний класс от бессмысленного подражания развратному дворянству». По-видимому, в XVII веке аристократы продолжали беспечно «танцевать», как стрекозы, и, конечно, им не могло прийти в голову, что через 120 лет трудолюбивые муравьи устроят во Франции Великую Революцию и захватят их замки, дворцы и усадьбы. И только тогда, когда грянул гром, gentilhommes перекрестились и заметили nouveaux riches — нуворишей, новых богачей, разбогатевших на спекуляциях. Но было уже поздно. Выходцам из аристократии оставалось только одно – махать кулаками после драки, изображая погибшее прошлое в своих сочинениях. Так возник вышеупомянутый «романтизм» с характерной для этого направления идеализацией прошлого, коим в то время считалось «мрачное средневековье».

К началу XIX века потомки нуворишей стали джентльменами, но, в отличие от старой, новая знать ещё не имела своего «прошлого». Будучи прагматиками и реалистами, они отвергли «романтизм» и создали новый стиль, «буржуазный реализм». Появилось множество романов о «современной жизни». Однако с течением времени у «среднего класса» появилось своё «прошлое», о гибели которого они тоже могли сожалеть. И вот, к концу XIX века, когда в буржуазной Европе возникло предчувствие гибели, на сцену опять вышел «романтизм», но в другом костюме, отчего и назвали его по-другому, декадансом. Тогда-то Эдмонд Ростан и написал свой «Прекрасный вечер», а в России забрезжила заря Серебряного века — европейского декаданса с ядовитой примесью оккультизма. Капитул розенкрейцеров «Астрея» открыл ложу «Люцифер», членами которой стали основатели символизма, поэты и Андрей Белый (Бугаев), Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов, а также антропософ А.С. Петровский, друг Павла Флоренского, с которым они вместе учились в Духовной академии. Вслед за символизмом появились и другие мистические течения и общества, такие как акмеизм, футуризм, «Башня» Иванова и «Цех поэтов» Гумилева.

Впрочем, это всё неуместные в романе подробности, попавшие на эту страницу как дань увлечению Марии Михайловны розысками следов оккультизма там и сям.

Так что не будем отвлекаться от «генеральной линии». Дело кончилось тем, что власть в стране взяли в свои руки хотя и прагматики, но не буржуи, а социалисты, и не реалисты, а утописты. Вполне закономерно, что на смену наследию декаданса, **«революционному романтизму»**, очень скоро пришел **«социалистический реализм»**. К концу XX века, когда у социалистов тоже появится своё **«прошлое»**, достойное сожаления, оно тоже может быть разрушено и тогда появится ещё одна разновидность «романтизма», постсоветская. Впрочем, в начале 1980-х Советский Союз выглядел, как в гимне, нерушимым, и им казалось, что так будет всегда.

Судя по всему, во все времена нашествие духа наживы особенно остро переживали именно поэты. Наверное, потому, что поэзия и рынок столь же не совместимы, как гений и злодейство. Возможно, столь же остро и болезненно его всегда переживали и все «легко ранимые люди», но они неизвестны истории. Другое дело, великие поэты. Как много среди них самоубийц и людей с нарушенной психикой! Впрочем, так же как в случае курицы с яйцом, проблема взаимовлияния психики и творчества до сих пор наукой не решена. Тут, по ассоциации, Мария Михайловна вспомнила Баратынского, открыла томик с его стихами на нужной странице и начала читать вслух стихотворение «Последний поэт».

Век шествует путем своим железным, В сердцах корысть, и общая мечта Час от часу насущным и полезным Отчетливей, бесстыдней занята. Исчезнули при свете просвещенья Поэзии ребяческие сны, И не о ней хлопочут поколенья, Промышленным заботам преданы.

Автор был рад уже тому, что она не стала зачитывать «Последнюю смерть» того же Баратынского. Ему не терпелось вернуться в более близкие времена, но он не удержался и с иронией заметил, что если смотреть в корень, то следует начинать не с Баратынского, а с Гесиода. Ведь именно ему Мировая культура обязана пессимистической теорией о постепенной деградации человеческого рода от Золотого века к Серебряному, Медному и Железному. И если верить Гесиоду, то Железный век начался уже при нём, то есть 2700 лет тому назад. Автор пошутил, но Мария Михайловна никогда Гесиода не читала, и ей захотелось узнать, что по этому поводу писал древний грек. Она попросила Автора залезть на антресоль, где хранились мамины учебники по истории, и найти там Хрестоматию по истории Древнего мира. Как ни странно, но книга нашлась, а в ней, среди прочего, обнаружился и нужный отрывок из поэмы Гесиода «Дела и дни».

Мельком прочитав описания первых четырех «веков», Мария Михайловна с интересом остановилась на описании пятого, **Железного века**.

Если бы мог я не жить с поколением пятого века! Землю теперь населяют железные люди. Не будет Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя, И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им... Дети — с отцами, с детьми — их отцы сговориться не смогут. Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю — хозяин. Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то, Старых родителей скоро совсем почитать перестанут...

Правду заменит кулак. Города друг у друга разграбят. И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель, Ни справедливый, ни добрый. Скорей **наглецу и злодею Станет почет воздаваться**. Где сила, там будет и право. **Стыд пропадёт...**

К вечным богам вознесутся тогда, **отлетевши от смертных**, **Совесть и Стыд.** Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

Какая тоска! Похоже на то, что и правда, *от зла избавленья не будет*. Гесиод и Баратынский, разделённые тремя тысячелетиями, — оба отмечали **бесстыдство** «железных людей». Схожими они оказались и в том, что в поисках счастья оба смотрели не в будущее, а в прошлое. Положим, Баратынский трагически переживал наступление эры торгашества, но почему такой пессимизм возник у человека, жившего в **Золотом веке** той самой **античности**, из которой черпали вдохновение поэты последующих времен? На вопрос «почему» ответ нашелся в кратком введении к этому отрывку из Хрестоматии. Оказалось, что в своей поэме Гесиод описал, как **родной брат** поэта по имени Перс **подкупил судей** и присвоил **земельный участок** Гесиода, причитающийся ему при дележе отцовского наследства. Подумать только! На протяжении тысячелетий «исторического времени» существования человечества в **реальной жизни** ничего не менялось. Неправедные судьи, подкуп, который европейцы называют коррупцией, наглецы и злодеи — всё то же самое, вплоть до мелочей.

Наблюдательный Гёте 200 лет тому назад вложил в уста Мефистофеля утверждение, что «люди гибнут за металл». Но Мария Михайловна, выросшая в затерянном мире советского периода, словам Гёте не верила. Поэтому в очередной раз она искренне удивилась тому, что несправедливость, связанная с потерей личной собственности, способна так глубоко ранить душу поэта. Подумать только, скольких бы «шедевров» лишилась Мировая культура, если бы все всегда были счастливы! Неизвестно, куда могли бы завести размышления такого рода, но они вовремя были прерваны прагматически настроенным Автором.

Он попросил свою собеседницу оставить в покое Гесиода и вернуться в Россию к тем временам, которые пережили их деды, и там искать аналогии. Ещё раз они вернулись к «Вишневому саду» Чехова. В конце XIX века окрепшая буржуазия начала скупать усадьбы у разорившегося дворянства и использовать их с выгодой. Нельзя сказать, что все дворяне унывали. Нет, они «танцевали», как и их коллеги по классу во Франции. Вскоре «здоровый средний класс» приступил к захвату реальной власти в Российской Империи. Наконец, в Феврале 1917 года им удалось свергнуть ненавистного царя Николая. Как ни странно, но по этому поводу ликовали все сословия, вовсе не думая о последствиях. Даже церковное священноначалие не предвидело никакой угрозы. Святейший Синод единодушно поддержал новую власть и тут же приказал пастве молиться Богу не за Помазанника Божия, а за Временное правительство. И никто за бедного помазанника не вступился. Мало того, либералы поспешили отправить семью «гражданина Романова» с глаз долой, за Урал, в далёкую Тобольскую деревушку. Так, в одночасье, сгинула российско-германская династия.

Через 8 месяцев после «зачатия», как и положено, родилось «дитя», но зачинатели объявили его «незаконнорожденным». Проще говоря, в **Октябре** того же года произошел **второй переворот, и появилось второе Временное Правительство.** Этот переворот был назван тоже Великой Революцией, но в отличие от предыдущей её назвали **Октябрьской.**

Название исторических событий по месяцам, в которые они свершились, для понимания сути события ничего не даёт, что хорошо видно на примере пресловутых «декабристов», выступление которых могло случиться в любом другом месяце. Да и с Октябрьской революцией вышла путаница: кто мог знать заранее, что вскоре страна перейдет на новый календарь, и её будут праздновать в ноябре? Поэтому разумнее отдать предпочтение более содержательным названиям. В феврале случилась очередная и давно ожидаемая буржуазная революция, уничтожившая монархию, а в ноябре — первая и никем не непредвидимая социалистическая революция, уничтожившая право частной собственности на средства производства. Как бы ни были скучны эти названия, но нельзя отказать им в том, что они указывают на те силы, которые их совершали, и на те цели, которые они преследовали.

Что было, видели деды. Что будет, увидят внуки. В.И. Даль. Русские пословицы

В результате через 20 лет после эпохи «Вишневого сада», старо-новые владельцы были изгнаны, а их усадьбы **национализированы**. В огне Гражданской войны одни усадьбы **сгорели**, другие были **разгромлены**, но большая часть дворцов в городах и весях сохранилась. Новая власть разместила в них больницы и детские дома, научные и учебные институты, библиотеки и музеи, санатории и дома отдыха. В тех, где были устроены музеи, их сотрудники стали ощущать себя **не просто хранителями, но в каком-то отношении новыми владельцами.** Они делали всё, что было в их силах, чтобы сохранить то немногое, что осталось от прошлого. И вот теперь, через 60 лет после Социалистической Революции, они почувствовали угрозу того, что всё может возвратиться на круги своя.

Хотя корысть и не гнездилась в сердце Автора, но его «мечта» явно была «насущным и полезным занята». Как уже было сказано, он устал от вымыслов и хотел получить согласие Марии Михайловны на использование в своем романе достоверных материалов, опубликованных в «Летучей мыши». Она пожалела незадачливого Автора и дала на это согласие. Поэтому в тот день с антресоли были сняты номера «Летучей мыши», коробки с письмами, старые бювары с документами и альбомы для стихов. После недели напряженной работы автор остановился на двух очерках и поместил их в свой роман в виде двух глав: СМУТНОЕ ВРЕМЯ и ФИЛОСОФ.

Первая из них представляет собой запись нескольких бесед Марии Михайловны с одной дамой, её дальней родственницей, которая на страницах «Летучей мыши» не пожелала открывать своё имя и выбрала псевдоним Софья Петровна. Она знала деда Маши, Юрия Александровича Коробьина с юности по Таганрогу, где они жили в годы своей юности и где их семьи пережили Гражданскую войну. Многое она помнила из его рассказов о прошлом. Маше было 12 лет, когда она познакомилась с дедом. Очерк о нём Мария Михайловна написала в память о той счастливой поре, когда её дед жил в Зареченске.

Автор надеется, что эти очерки могут быть интересны как сами по себе, так и потому, что отчасти объясняют предысторию случившегося в Сурминове.

&;*&;*&;*&;*&;*&;*&;*&;*&;*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Так! Но, прощаясь с римской славой, С капитолийской высоты Во всём величье видел ты Закат звезды её кровавой!..

Ф.И. Тютчев. Цицерон, 1836

Ты спрашиваешь, как люди моего поколения пережили Революцию? Но я начну с того, как мы жили до семнадцатого года. Замечательно жили, просто замечательно! У нас была очень большая семья — четыре сестры и два брата. Мама рано овдовела, и мы жили в имении нашего деда. Он учился в Петровской Академии и по окончании курса купил землю около Таганрога. На этой земле насадил он роскошный сад, применял самые современные методы садоводства, выписывал массу научной литературы и порядочно разбогател. В дедушкином саду росли великолепные груши, абрикосы, персики, и этими фруктами снабжался весь Таганрог.

Конечно, мы, **как и вся российская молодежь**, были заражены революционными идеями. До революции мы относились ко всем революционным партиям с уважением. **Особенно были популярны эсеры**, но мы знали и о большевиках, и о меньшевиках, но к ним относились как-то несерьезно.

Мой брат Георгий и твой дед Юрий, как я полагаю, вступили в революционную партию, будучи ещё студентами. Они оба участвовали в организации восстания в Москве в 1905 году, из-за чего были арестованы и сидели в Бутырской тюрьме. Впрочем, посадили их ненадолго. Вскоре отпустили, но они боялись оставаться в Москве и уехали в Таганрог. Однако и здесь было опасно, поэтому они некоторое время жили тайком в дедушкином саду, под обрывом. Дедушка был крайне консервативен и отнюдь не сочувствовал нашим революционным увлечениям. Поэтому мы тщательно скрывали, что два «карбонария» скрываются в его имении. Мы, сёстры, тайком носили им еду и, конечно, чувствовали себя романтическими героинями. С тех пор Юрий стал близким человеком в нашей семье, а вскоре его сестра вышла замуж за моего младшего брата, Михаила.

В 1906 году я кончила гимназию и вместе с двумя подругами уехала в Лозанну, где мы поступили в Медицинский институт. Там была большая русская колония, жили интересно и весело. Устраивали благотворительные вечера с танцами, собирали деньги «на революцию», помогали политическим эмигрантам. В Лозанне я пробыла полтора года, но меня испугал анатомический театр, и я вернулась в Россию, в Петербург, где поступила на Высшие женские курсы Герье.

В 1909 году, когда мне было 19 лет, я вышла замуж за Владимира Павловича. Мы были знакомы с ним с гимназических времен. Ко времени нашей женитьбы он был студентом Харьковского университета на юридическом факультете. Отец его был банковский служащий.

Жили они не блестяще, но вполне хорошо, потому что жизнь стоила пустяки. Осенью на базаре закупали овощи на всю зиму, отвозили домой на телеге, а стоило всё это несколько рублей. В Харькове мы начали самостоятельную жизнь. Володя подрабатывал уроками до 30-40 рублей в месяц, а я получала от дедушки по 50 рублей.

Незадолго перед войной Володя получил самостоятельную адвокатскую практику. Имели мы не то чтобы много, но мы ни в чем не нуждались. Владимир Павлович получал 8-10 тысяч в год, приблизительно треть уходила на квартиру. Мы снимали квартиру из шести комнат в городе и имели собственную дачу.

Крестьяне из ближайших сёл снабжали нас летом буквально всеми продуктами, в город приходилось ездить только за говядиной. Отношения с крестьянами были прекрасные, с той и другой стороны добродушные. Был контакт, взаимное уважение и доброжелательность. Никто никого не боялся. Двери и окна не запирались. Крестьяне жили и одевались хорошо — не модно, не по-городскому, у них был свой стиль, в городскую жизнь не лезли: это считалось неприличным.

На дачу к нам всегда приезжало много гостей. Адвокатская среда, с одной стороны, была очень культурной и прогрессивной, а с другой — в быту — была какая-то распущенность, это даже было модно, и этим кичились. Жили невенчанными, менялись женами, не крестили детей и всем этим бравировали.

У нас в доме было две прислуги: кухарка и горничная. Когда у нас родился сын Саша, была взята нянька. Её звали Наташа. Она прожила в нашей семье всю жизнь и умерла уже здесь, в Зареченске. Она была совершенно неграмотна, и, когда Сашу стали учить читать и писать, он учил и её, так что она потом сама читала и писала письма родным в деревню.

Летом 1914 года началась война. Но фронт был далеко, и в первые годы люди жили по-прежнему, все ещё неплохо.

Февральскую Революцию вся интеллигенция встретила восторженно, с энтузиазмом. Я не помню, чтобы кто-нибудь выражал сожаление по поводу отречения царя. Его и царицу не любили, и надеялись, что вот теперь наступит «царство свободы». Однако очень скоро наступило разочарование: начались неурядицы, нехватка продуктов, бандитизм. Банды по большей части состояли из бежавших с фронта солдат. Цены страшно подскочили, в магазинах трудно было что-нибудь достать и, например, сахар приходилось доставать «по блату». Особенно вскочили цены на извозчиков, с 20 копеек неимоверно высоко. Не стало овса, да и вся жизнь вздорожала.

Осенью 1917 года власть в Харькове была смешанной: работала старая городская дума, но постепенно власть *большевизировалась*. Перед Рождеством, когда мы как раз собирались в Таганрог, власть полностью перешла к большевикам. Начали притеснять интеллигенцию, была объявлена поголовная мобилизация на рытье окопов.

Мы, слава Богу, уехали в Таганрог, там пережили зиму и вернулись только осенью. В это время большевики отступили от Харькова. Власть была полубольшевистская, наступали немцы, вокруг города бродили украинские банды. Они избивали евреев. Публика жила бесшабашно — рестораны, театры, а по ночам выстрелы на улицах. Ленин заключил с немцами Брестский мир, по которому почти вся Малороссия отходила Германии. В Харьков вошли немцы. Мы смотрели на них с балкона. Они вползли в город, как серая змея. И воцарилась тишина... Вели себя замечательно вежливо, за все расплачивались, даже с торговками на мосту. Мы прожили лето на даче, последнее лето. Немцев мы совсем не замечали.

Осенью почувствовалось приближение большевиков.

Местная адвокатура, помня о страшных месяцах большевистской власти зимой 1918 года, решила бежать на юг. Владимир Павлович в это время был уже главным юрисконсультом Южной железной дороги. В октябре ночью, тихонько, с какой-то дачной станции мы выехали в вагонах третьего класса на Ростов. Это был чуть ли не последний поезд, вырвавшийся из Харькова.

В Ростове я опять увидела **интервентов** — **на этот раз англичан и французов**. Здесь я разыскала своего двоюродного брата Александра Секретёва. Он был известным генералом казачьего войска. Его имя упомянуто у Шолохова в «Тихом Доне». Нашла я его в номере гостиницы сильно пьяным. Он все повторял: «Это конец! Это конец!» Он, видимо, понимал бессмысленность сопротивления. Александр обещал мне помочь выбраться из Ростова в Таганрог. Отправились мы с ним на вокзал, заняли купе. Входят французы. И вдруг предлагают Александру выйти, а даме милостиво разрешают остаться. Что было делать? — и Александр, русский генерал, вышел. Французы пытались со мной заговорить, но я отвернулась и дала им понять, что не желаю с ними иметь дело. Они презирали русское командование.

Интересна судьба Александра. Вместе с Белой армией он покинул Россию и несколько лет провел на острове Лесбос, где начал агитировать казаков за возвращение в Россию. За это его чуть не убили сами казаки. Он связался с нашим полпредством и в 1922 году вернулся в Россию. Его торжественно встречали в Севастополе и Москве, предлагали высокие военные должности, но он отказался и взялся за преподавание конного дела в Военной Академии. Потом женился, у него родилась дочь. А в 1930 году он был арестован и исчез.

Наконец я добралась до Таганрога. Весь город — военный лагерь. Вся молодежь была воодушевлена и настроена против большевиков. Все шли в Белую армию, и даже штатские уходили простыми солдатами в казачьи полки. А в декабре события так стали нарастать, что началась эвакуация на юг, к Новороссийску. Большевики приближались.

Служащим железной дороги предоставили громадный поезд, и они с семьями двинулись на Кубань. Наша семья тоже попала в этот поезд. Тогда свирепствовал сыпной тиф. Много больных тифом было и в поезде. Мы застряли в Армавире. Однажды мы гуляли по перрону. Вдруг чей-то голос зовет: «Соня! Соня!» Мы с Володей сначала не обратили на это внимания, но зов повторился. Оказалось, что это был Юрий. Он ехал из Майкопа в Екатеринодар (ныне Краснодар) на собрание Казачьей Рады. Мы страшно обрадовались и смеялись, что всё произошло, как в последнем акте оперетты, когда все действующие лица встречаются. Около часу мы провели вместе и расстались на долгие годы.

Я сказала Володе, что лучше уйти из поезда, потому что иначе кто-нибудь из нас заболеет тифом. Мы сняли комнату у станичника. Начальник дороги уехал в Новороссийск, звал нас за границу и обещал вернуться за нами. Ехать за границу нам не хотелось, а он, слава Богу, не вернулся. Около двух месяцев прожили мы в Армавире.

На что мы жили тогда? Были деньги, чёрт знает какие! Я даже не знаю, какие. Добровольческие деньги назывались *«колокольцами»*. Кое-что мы увезли с собой из Таганрога. Там, в Армавире, я продала свой золотой кулончик, подарок мамы. И потом на Кубани всё было недорого. Хозяйка кормила нас обедами очень дёшево.

Потом и на Кубань пришла Советская власть. Нам всем сказали: «Возвращайтесь, товарищи!» Тут был анекдот. Оружие держать не разрешалось, и велено было сдавать. Володя был страстный охотник, поэтому у него было ружье и револьвер. Сдавать мы боялись. И Володя спрятал свой револьвер за верхнюю балку в «чижике» — деревянном туалете.

Каждый день он проверял, там ли ещё револьвер. Однажды пощупал, а там — два револьвера, а на следующий день — уже три. Кто-то ещё решил воспользоваться этим способом. Но по прошествии нескольких дней все три исчезли. А ружье мы уже по дороге утопили в Доне. Прекрасное было ружье!

Двинулись мы обратно в Харьков. Около Таганрога в поезде был обыск, и у нас забрали бинокль. Саша очень плакал. Из Таганрога через Синельниково доехали до Екатеринослава (ныне Днепропетровск). К счастью, мост кем-то был взорван, поэтому поезд не дошел до города. Мы с Сашей остались в вагоне, а Владимир Павлович пошел пешком в город. Отыскал там своих друзей. Они ему в один голос говорят: «Что ты? Что ты? Скрывайся как можно скорее! Тебя как главного юрисконсульта разыскивают и непременно арестуют». Пришлось нам покинуть поезд. Но как вернуться в Таганрог? Случайно на вокзале встретила я дальнего родственника. Он приехал из Москвы в Екатеринослав за дочерью. Почему-то он был вместе с какой-то научной экспедицией. Словом, у него был вагон — экспедиция, может, и липовая была, но вагон был с колбами и пробирками. Так мы уехали нелегально. Не знаю, чем бы иначе кончилось, наверное, Володя был бы арестован.

Доехали мы в этом научном вагоне до Иловайской, а там опять неизвестно, как дальше быть. Мы сидим на вокзале, но, правда, не унываем, думаем: как-нибудь да доедем. Володя куда-то пошел погулять с Сашей, я одна сижу с вещами. Подходит молодой инженер и спрашивает: «Куда вы, гражданка, едете?» Я отвечаю довольно дерзко: «Куда у вас можно ехать, когда нет ни одного поезда?» Он, однако, не рассердился и объяснил, что у него вагон, что он едет из Сибири на Кубань и может довезти меня до ближайшей к Таганрогу станции. Спросил, одна ли я. Я объяснила, что еду с мужем и сыном. У него лицо завяло, но деваться некуда — уже обещал. Так мы очутились в его вагоне и очень подружились. Жена его умерла недавно, он как-то отогрелся в нашей семье. У него была чудесная маленькая фисгармония, и Володя играл на ней. Жили мы очень весело. Денщик обслуживал нас, добывал продукты. Наш спаситель очень хотел, чтобы мы взяли на память эту маленькую фисгармонию — прелестная вещь! — но мы отказались. Неизвестно было, как мы доберёмся и со своими вещами.

После того, как мы покинули этот милый вагон, началась беда. Еле нашли подводу до Таганрога и вернулись в наш дом. Дедушка ещё до революции земли и сад продал, деньги положил в Государственный Банк, написал завещание, в котором всем нам расписал порядочные суммы. Мы их, конечно, никогда не увидели и впоследствии, наученные горьким опытом, всю жизнь тратили деньги во всю, когда они были. Дедушка до конца своей жизни прожил в Таганроге. Он умер в 1926 году. Они с мамой страшно бедствовали, и я помню, уже во времена НЭПа (мы тогда жили в Симферополе), мы послали им морем в Таганрог корову, которая отелилась двумя тёлками.

Когда мы приехали в Таганрог, дом наш был занят советскими служащими, большевиками. Две мои сестры жили в бывшей гостиной, а дедушка с мамой в пристройке. Маша, милая, это был такой ужас! Начались наши мучения. Каждый день какие-то декреты, принудительные работы. Нам с Володей одна знакомая предоставила квартиру. Туда перенесли наиболее ценные вещи — пианино, мебель.

Владимир Павлович оделся *обормотом*, достал у знакомого флейту, устроился в оркестр и поступил в союз РАБИС [работников искусств]. **Настроение у нас не было подавленным**. Володя говорил: «Что же делать? Нельзя быть адвокатом, так буду играть на флейте». Оркестр давал концерты водникам и совершал турне по районам. За концерты давали хлеб, иногда чудный, белый.

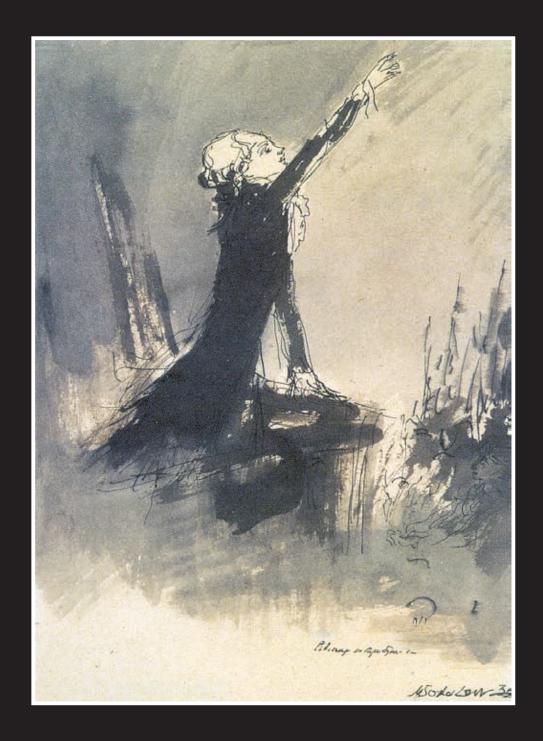
Так он кормил нас музыкой, а я поступила на работу в мастерскую наглядных пособий. Года два работала художником, раскрашивала по папье-маше. Жалованье давали в марте за декабрь, да и купить на него можно было разве что коробку спичек. Но работать нужно было обязательно, иначе могли послать мыть вокзалы. Так мы прожили года два-три. Голод был невероятный. Крестьяне могли возить продукты и пытались возить, но их в города не пускали. Власти сами ничего не давали и продавать не разрешали.

Власть была суровая и очень. Суровость усугублялась ещё и тем, что в Крыму был Врангель. Он иногда высаживал десант. Власти брали заложников, и однажды за городом были расстреляны несколько адвокатов, взятых в качестве заложников. Удивительная вещь, но на Владимира Павловича никто не донёс, и мы благополучно пережили это страшное время. Бывали обыски. У дедушки с вешалки «конфисковали», а проще говоря, украли меховую шубу и шапку. Одну нашу родственницу, помещицу, посадили в тюрьму. В один из десантов каким-то образом тюрьма была открыта, она бежала и пришла к нам. Страшно было, но и нельзя же отказать в убежище. Володя рискнул, пошел в участок и там попросил пожилого служащего дать паспорт женщины лет 50-ти. «Вы спасёте человеческую жизнь», — сказал он ему. Тот дал чужой паспорт, какой-то женщины из простонародья, Матрены Фотиевны. Наша родственница уехала с этим паспортом, а потом так и прожила под чужим именем всю жизнь.

Так мы прожили до 1922 года, когда объявили НЭП, новую экономическую политику. За времена большевиков мы страшно прожились. Няня, помню, сшила себе платье из гардин, потому что ей не в чем было ходить. Вместе с *нэпом* жизнь расцвела моментально: открылись магазины, стала переводиться иностранная литература. И опять мы жили прекрасно. Переехали в Крым, в Симферополь. Володя устроился юристом на какое-то предприятие. Но в 1929 году в Крыму случилось страшное землетрясение, и мы решили перебраться в более безопасное место. Так мы и оказались в Зареченске. Купили этот старый дом и опять жили хорошо.

Знали ли мы об арестах? Конечно, знали. В 1930 году арестовали Юрия и почти одновременно моего младшего брата. Они оба работали на строительстве Беломор-Балтийского канала. Но моего брата через год выпустили, а Юрий провел в лагерях 20 лет. Хорошо хоть не расстреляли! Мы, конечно, тоже опасались. И однажды Владимира Павловича всё же арестовали. Однако очень скоро выпустили и больше не трогали. Иногда я думаю, что для брата и Володи дело кончилось так благополучно благодаря защите другого брата, того самого Георгия, который вместе с Юрием был арестован в 1905 году. Он занимал какую-то важную должность при Калинине, с которым они подружились ещё до Революции. Владимир Павлович на допросах не скрывал, что был близким другом Георгия. А может быть, — хотя это и маловероятно, — они действительно ничего существенного не нашли в его прошлом. Ведь в смутные времена он играл на флейте и ни в каких движениях не участвовал.

Другое дело — Юрий. Ты, Маша, вряд ли знаешь, что в годы Гражданской войны он принимал самое активное участие в работе **Кубанской Рады.** Такие Рады возникли во всех **казачьих войсках**: в Донском, Терском, Уральском. Почти все окраины разрушенной Империи спешили провозгласить свою **независимость от России**, и некоторым это удалось. Деникин и деятели Белого Движения, наоборот, мечтали **о Единой России** и потому боролись с сепаратистами на Юге. Твой дед участвовал в сочинении **Конституции Юго-Восточного Союза**, где провозглашалось создание нового, независимого от России **Казачьего государства**.

М.К. Соколов. Робеспьер на трибуне. 1932 Из цикла «Французская Революция» Бумага, тушь, перо, кисть. $30,5 \times 21,9$

М.К. Соколов. **Шарлотта Корде**. 1933 Из цикла «**Французская Революция**» Бумага, тушь, перо, кисть, акварель. 31,5 x 21,1

И *белые*, и *казаки*, конечно, надеялись на скорый разгром *красных*. Но вышло подругому. Понятно, что большевики расправлялись со всеми, кто был замешан в любых сепаратистских движениях. Думаю, что Юрий переехал в Москву, потому что на Кубани его слишком многие знали. Но и здесь его разыскали.

Напоследок, Маша, расскажу тебе одну романтическую историю. Мне её твой дед сам рассказывал, когда после освобождения поселился в Зареченске. Юрий любил прихвастнуть, может быть, и на этот раз преувеличил свою роль, но, по его словам, именно он спас от расстрела одну даму, в которую был влюблён его соратник по Кубанской Раде, бывший станичный учитель Скобцов. Не помню её имени, но её фамилию — Кузьмина-Караваева — я запомнила, потому что она была мне известна раньше. В Харькове жил брат известного адвоката Переверзева, который часто на политических процессах выступал с ещё более известным адвокатом, Кузьминым-Караваевым,. Он был депутатом Государственной Думы от партии прогрессистов и выступал против смертной казни. А эта дама была женой его сына. Правда, ко времени Революции она уже с ним разошлась. Весной 1917 года она приехала с маленькой дочерью в Анапу, где жила её мать. По-видимому, к этому времени она уже была членом партии эсеров, потому что именно от этой партии она была избрана в Городскую Управу. Мало того, вскоре она стала городским головой, возможно, первой женщиной на такой мужской должности.

Однако зимой 1918 года к власти в Анапе пришли большевики. Кузьмина-Караваева пост головы не оставила, более того, она согласилась стать комиссаром по народному образованию. А к осени Кубань заняли «добровольцы» во главе с Деникиным. Начался белый террор. И бедная Кузьмина-Караваева стала одной из его жертв. Её арестовала деникинская контрразведка. Какое-то время она просидела в тюрьме, потом была выпущена под залог и жила под угрозой смерти при попытке к бегству. Белые обвинили её в сотрудничестве с большевиками, в комиссарстве и участии в национализации частного санатория. Весной она предстала перед военноокружным судом. На основании приказа Краевого Правительства, членами коего, кстати, были и Юрий, и Скобцов, прокурор потребовал смертной казни для подсудимой.

Защитником на процессе выступил Юрий, как я полагаю, по просьбе Скобцова, а может быть, и по поручению местных эсеров. Он говорил, что её комиссарство было вынужденным, что, оставаясь на своем посту, она смогла спасти жизни многих людей выполняла таким образом офицеров — и СВОЙ «общечеловеческой культурой». Затем он сравнил её со своим любимым философом — Иммануилом Кантом, который-де тоже пережил оккупацию Кенигсберга вражескими войсками, но, оберегая храм науки, продолжал и при оккупантах читать лекции в Университете. Не знаю, упомянул ли он, что «оккупантами» были русские. Свою речь Юрий закончил так: «То, что сделал большой Кант в большом Кенигсберге, сделал маленький человек для маленькой Анапы». Кант, видимо, произвел громадное впечатление на присутствующих, потому что прокурор смягчился, а приговор суда и вовсе оказался чисто символическим – две недели ареста. А через три месяца Кузьмина-Караваева и Скобцов обвенчались в Екатеринодаре. В ту пору Скобцов был министром земледелия в Кубанском правительстве.

Весной 1920 года Екатеринодар [ныне Краснодар]опять был взят большевиками, и на этот раз окончательно. Скобцовы, как и многие другие деятели Кубанской Рады, попали из огня да в полымя. Деникин и его команда жестоко, **вплоть до казней**, продолжали бороться с *«самостийниками»*, а с севера напирали большевики, от которых тоже было трудно ожидать пощады.

Жена Скобцова была беременна, но ему удалось вывезти семью — жену, падчерицу и тёщу — на итальянском пароходе из Новороссийска в Поти. Оттуда они с большим трудом добрались до Тифлиса. Позднее от своих знакомых в Тифлисе Юрий узнал, что у Скобцовых там родился сын. Говорили, что через Турцию им удалось уехать в эмиграцию. Но о дальнейшей их судьбе он ничего не знал.

Маша была поражена последним рассказом Софьи Петровны. Она не выдержала и спросила: « Значит, ни дед, ни вы, тетя Соня, не знали, кем была эта Скобцова и кем стала?»

- Говорю же тебе, я забыла, как её звали. Дед, конечно, знал, но теперь спросить не у кого. А что с ними дальше случилось, и вовсе узнать невозможно. Почему ты так заинтересовалась ею?
- Потому что, судя по всему, вы рассказывали о женщине, весьма знаменитой. Её звали Елизавета Юрьевна. Отец её, Юрий Пиленко, был казачьим генералом, и около Анапы у него было имение. Её мать урождённая Делоне. Ещё до революции Елизавета Юрьевна начала писать стихи, была знакома с Волошиным и Эренбургом, Вячеславом Ивановым и Алексеем Толстым. Вместе с Ахматовой она была участницей «Цеха поэтов», основанного Гумилёвым вместе с его другом, а её мужем, Дмитрием Кузьминым-Караваевым и Борисом Зубакиным, мистиком и розенкрейцером. Скобцовы эмигрировали и жили в Париже. Там она постриглась в монахини и получила имя в честь Марии Египетской, но жила не в монастыре, а по-прежнему в своём доме. В церковных кругах её зовут не иначе, как мать Мария, и считают святой. Во время последней войны мать Мария погибла в немецком концлагере в Регенсбруке. Говорят, она пошла на смерть, чтобы кому-то спасти жизнь.
  - А ты откуда всё это знаешь?
- Из разного рода публикаций, церковных и светских. Случайно мне попалась газетная статья с упоминанием этого процесса. Там была приведена фамилия защитника, Коробьин, но ни полного имени-отчества, ни инициалов там не было. Поэтому я не обратила на всю эту историю особого внимания. Только подумалось: «Вот совпадение! И дед мой адвокат, и жил он на Кубани, и мог приплести Иммануила Канта в качестве аргумента». Но он никогда мне об этой истории не рассказывал, точно так же как о своей политической деятельности.
  - A ты его спрашивала?
- Ну, конечно, и не раз. За год до своей смерти он всё же мне кое-что рассказал. Я все допытывалась, за что его посадили. Мне казалось неправдоподобным расхожее объяснение, будто всех «сажали за анекдоты». Тогда он мне впервые сказал, что обвиняли его за участие в Кубанской Раде и за сотрудничество с «белыми». Но при этом он ни словом не обмолвился о том, какие цели были у казачества. Рассказал и о том, почему не захотел уехать в эмиграцию, хотя возможность такая была. И только позже я столкнулась напрямую с темой масонства и розенкрейцерства. Но дед уже умер, и мне не с кем было эту тему обсудить. Он же сам никогда масонов не упоминал.
  - Ты и сейчас ими занята?
- Теперь даже больше. Собственно, и на след матери Марии я вышла только потому, что меня интересовал отец её первого мужа старший Кузьмин-Караваев. Вместе с Максимом Ковалевским он был одним из организаторов новых партий и «нового», возрождённого, масонства в начале 1906 года. По мнению современных историков, масоны сыграли решающую роль в свержении монархии и организации Февральского переворота. А не будь Февральского переворота и Октябрьский не смог бы произойти. Не правда ли?

- Ну, об этом судить не берусь, сказала Софья Петровна и вернула разговор в прежнее русло. А вот твои сведения о *madam* Скобцовой мне любопытны. Три её ипостаси поэтессы-акмеистки, эсерки и монахини никак не совмещаются у меня в голове. Во всяком случае, из рассказов Юрия я совсем по-другому её представляла. Да, странное **пересечение** судеб. Меня подобные пересечения чрезвычайно занимают. Ты обращаешь на них внимание?
- Я их, тётя Соня, уже давно «собираю», ответила Маша. И что странно, в моей коллекции почему-то набралось много пересечений, связанных с одним местом с Академией в Петровско-Разумовском. Прямо наваждение какое-то. Вот и в вашем рассказе она прозвучала. Вы сказали, что ваш дед там учился. Интересно, в какие годы?
  - Машенька, я точных дат не помню. Да и зачем тебе это нужно?
- Дело в том, что в начале 1870-х годов там учились два брата Коробьиных: Порфирий и Николай, дядья моего деда. И где же я их имена нахожу? В Биобиблиографическом справочнике, изданном обществом Политкаторжан в 1929 году, среди лиц, арестованных по делу **нечаевцев**, кружки которых были и в других учебных заведениях Москвы, в том числе и в Университете, где в то же время учился их третий брат, Александр отец деда и, значит, мой прадед. Как вы думаете, приятно быть в родстве с нечаевцами?
  - Ты уж меня прости, но я, право, не знаю, кто такие нечаевцы.
  - Вы роман Достоевского «Бесы» читали?
- Читала, но тоже почти всё забыла. Помню фамилию Ставрогин и как они зачем-то убили молодого человека.
- Ну, и этого достаточно. Брат жены Достоевского тоже учился в Петровской Академии, и до своего замужества она вместе с братом посещала тайные кружки. Группа студентов убила своего товарища, студента Иванова, обвинив его в предательстве и коварно заманив в грот в Петровском парке. Считается, что эпизод с убийством Шутова в романе «Бесы» Достоевский заимствовал из судебных отчетов. По ходу следствия выяснилось, что из Европы прибыл некий Сергей Нечаев, получивший задание от анархиста Михаила Бакунина готовить в России кровавое восстание. Он создал сеть кружков, и эта организация называлась «Народная расправа». Дядя моего деда, Порфирий, был членом одного из этих кружков. В начале 1870 года он был заключен в Петропавловскую крепость и как сообщник Нечаева был предан суду по обвинению в составлении заговора для ниспровержения существующего порядка управления в России. И что интересно, за такое преступление его приговорили всего лишь к тюремному заключению на два месяца и к полицейскому надзору на пять лет. По отбытии наказания он был выслан в свое имение Козицыно под Рязанью, где ещё раньше, в 1862 году находилась нелегальная типография, и именно в ней была отпечатана прокламация «Молодая Россия». В тех же списках нахожу ещё одно знакомое имя — Германа Лопатина. Впоследствии знаменитый народоволец, друг Карла Маркса и первый переводчик «Капитала» на русский язык. Но он мне тоже небезразличен, потому что его родная сестра, Надежда Александровна, моя прабабка, а моя мама, значит, его внучатая племянница.
- Надежда Александровна сестра Лопатина? Быть не может! воскликнула Софья Петровна. — Мы были знакомы с ней, но Юрий ни слова об этом не говорил.
- Дед считал Германа Лопатина неудачником и о родстве с ним не любил упоминать. Видите, какие у нашей семьи глубокие революционные корни! Думаю, что не менее глубокие корни и масонские. Ни для кого не секрет, что вольные каменщики и пламенные революционеры два сапога пара. Если это звучит слишком простонародно, то можно найти и более изысканные сравнения, например, двуликий Янус, или две стороны одной медали. А Петровская Академия была детищем Московского общества сельского хозяйства. Оно, в свою очередь, тоже промасонское.
  - Это ещё что такое?

- Ну, как вам объяснить? Формально оно одно из многих легальных обществ, в том числе и научных, но так же, как и все остальные, было организовано и возглавлялось масонами высоких степеней. После запрещения масонства в 1822 году, масоны имели возможность в них продолжать свою деятельность. Конечно, они вели её и в подпольных ложах с такими экзотическими названиями, как «Мертвая Голова», «Ищущие Манны» и «Теоретический градус», где посвящали адептов в рыцари розового креста. А в списках этих лож нахожу сенатора Григория Коробьина, на этот раз, правда, предка не по прямой, а по очень дальней боковой линии.
- Ты что же, Маша, думаешь, что и твой дед был масоном?
   Не знаю. Но масонские традиции и их влияние передаются в семьях от отца к сыновьям, а революционные партии, несомненно, уходят корнями в масонство. Бакунин, например, был масоном. Недавно мама мне рассказала странную историю. Когда дед в 1920 году приехал в Москву, ей было всего восемь лет. И что же? Он не нашел ничего лучшего, как повезти её на прогулку в Петровско-Разумовский парк, но повёл её не к зданию Академии или на пруд, а прямо к гроту — тому самому, где когда-то был убит студент Иванов. И там подробно рассказал историю его убийства. Меня это поразило. Поразило и то, что мама на всю жизнь запомнила эту поездку, и грот, и его рассказ. Зачем он туда поехал? Прямо, как некий ритуал совершил. Хотя, допускаю, что он мог поехать на это место просто из любопытства, зная, что его отец и дядья были причастны ко всей этой истории.

Маша рассказала Софье Петровне и о других любопытных пересечениях. Но эта глава и так уже слишком затянулась, поэтому Автор решительно приступает к следующей.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ФИЛОСОФ

Ma solitude, mon hermitage, mon repos (фр.). Моё уединение, моя обитель, мой отдых. Надпись на гроте

В один из летних дней 1951 года Юрий Александрович стоял на палубе маленького грязного катера и со смешанным чувством тоски и предвкушения радости смотрел на мутные воды Оби и низкие тундровые берега. Он вышел на пенсию и надеялся, что навсегда покидает лагеря, где провел двадцать лет своей жизни.

Свой путь заключенного он начал на строительстве Беломоро-Балтийского канала, потом его отправили в Хабаровский край, в поселок Свободный, и там, в лагере, был арестован вторично по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Случилось это в 1937 году, в разгар «ежовщины». По делу проходило много людей, целая организация «японских шпионов». Одним дали большие сроки и сослали на Колыму. А он был одним из тех, кого приговорили к расстрелу. Сидя в камере в ожидании смерти, он сочинял стихи. Одно посвящено «Неизвестному соседу»: Ты все плачешь, сосед мой случайный, Все скорбишь о ребенке, жене, И по камере бродишь печальный, Неуверенный в завтрашнем дне. А другое называется «Сверчок».

Ну, откуда ты забрался
В мою камеру, сверчок?
Неужели ты попался,
Как вредитель, дурачок?
Или хуже – враг народа,
Диверсант, троцкист, шпион?
От статей такого рода
Стон идет со всех сторон.
Впрочем, ты не унываешь
И поёшь, как соловей,
В душу бодрость мне вливаешь, –
Сердцу стало веселей.

Заканчивалось это стихотворение так:

А тебя, мой друг случайный, Я прошу, не позабудь Проводить меня в прощальный, Одинокий, скорбный путь. И потом, когда молчанье Установится вокруг,

Над безвестною могилой Спой надгробное рыданье Надо мной, сверчок мой милый, Надо мной, мой добрый друг.

Но дед остался жить! Понятное дело, что не из-за сверчка. Вот, как это случилось. Просто местные чекисты не успели привести приговор в исполнение, когда неожиданно для всех был арестован всесильный Ежов, а главой НКВД назначили Берию. «Расстрельные» приговоры срочно отменили, и дела пересмотрели. Узникам, конечно, об этих переменах ничего не говорили, и они по-прежнему жили в ожидании скорой смерти. Однажды в сумерки, глядя в окно камеры, Юрий Александрович заметил висящего на паутине паучка, тоже доброго вестника. На следующий день его освободили, мало того, дали отпуск и отправили в санаторий поправить здоровье.

Вот почему Юрий Александрович, отнюдь не склонный к мистицизму, всегда с благодарностью вспоминал о своем сверчке и просил Машу не убивать пауков. Рассказывая ей историю своего чудесного спасения, он заканчивал её всегда на грустной ноте. Говорил, что дела осуждённых по тому же ложному обвинению, но уже сосланных на Колыму на 10 лет чекисты пересматривать не стали. Так эти невинные люди и сгинули на Колыме. Оттуда редко кто возвращался живым.

Во время войны он строил железную дорогу на Воркуту, потом — так и недостроенную дорогу от Салехарда до Игарки. Но это уже в качестве «вольноотпущенника». Так он называл тех, кто после формального освобождения был вынужден по-прежнему работать в лагерях НКВД, но уже не как заключённый, а по вольному найму. Такие специалисты из бывших заключенных получали на стройках Крайнего Севера высокие оклады плюс «полярные». Поэтому ко времени выхода на пенсию он смог скопить большой, по тем временам, капитал — 100 тысяч рублей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ. В сберкассе поселка Лабытнанги, где он тогда работал, ему выдали его вклад мелкими, трёхрублевыми купюрами. Он сложил эту груду бумажек в рюкзак и вот теперь плыл в Салехард, чтобы в Управлении оформить документы, получить паспорт и положить деньги на аккредитив. Он прибыл в Салехард к вечеру, и очень кстати, потому что в сберкассах города не было наличных денег и, значит, нечем было платить заработную плату трудящимся. Поэтому работники сберкассы всю ночь пересчитывали привезенные им трехрублевые бумажки.

О своём приезде в Москву он сообщил телеграммой сестре, Вере Александровне. На свободу он был отпущен без права жить и даже останавливаться в Москве, но пока деваться ему было некуда. Поезд должен был прибыть утром, но сильно опоздал. Юрий Александрович вышел из вагона уже затемно. Его встречали сестра с мужем. С вокзала они сразу поехали к Белявским, где его ждали с понятным нетерпением.

Стол был уже накрыт. Между винегретом и селёдкой стоял знакомый зелёный графинчик с водкой. К нему присоединилась бутылка шампанского, купленная Юрием Александровичем в привокзальном ресторане. *Прекрасная Елена*, как называл дед жившую в доме Белявских домработницу, внесла горячий пирог с капустой, и пир начался.

Юрий Александрович КОРОБЬИН 1885 – 1971

Юрист. В 1916 году военный летчик.

В 20-е годы работал экономистом в Московском коммунальном хозяйстве (МКХ). Был арестован в начале 1931 года и 18 марта осужден на 10 лет лишения свободы за сотрудничество с «белыми» в период Гражданской войны. Наказание отбыл в 1935. Ещё два раза был арестован уже в лагерях, где работал экономистом по вольному найму в системе НКВД. Работал на строительстве железных дорог в Сибири (первый БАМ), в Воркуте (станция Абезь), в Совгавани, Игарке и Салехарде до выхода на пенсию. Судимость снята 16 марта 1955.

Фото 1934 года. Лагеря в поселке Свободном. Хабаровский край.

М.К. Соколов. **Мужской портрет**. 1932 – 1933 Из цикла «**Французская Революция**» Бумага, тушь, перо, кисть. 29 x 20,4

Всё было почти так, как он мечтал когда-то, в тридцатые годы, ещё надеясь на скорое освобождение. Эти мечты тогда же он описал в «Оде друзьям», и теперь Юрий Александрович встал, чтобы прочесть свою Оду как торжественный тост.

Когда-то, наконец, и я, Как, помните, в былые лета, Нагряну к вам в вечерний час И за кипящим самоваром Сплету узорчатый рассказ С былым веселием и жаром! Мы все усядемся в кружок, Как вдруг внесёт la belle Helena Роскошный праздничный пирог В честь возвращения из плена. А Кася пышный тот пирог Разрежет пышными руками, И, подавая мне кусок, Воскликнет: «Выльем, Юрий, с нами!»

Читал он, действительно, прекрасно, *с былым веселием и жаром*. Его высокая фигура, крупная голова с профилем римского патриция, голубые глаза, по-прежнему оживлённые мыслью и внутренней силой, — весь его облик возвеселил сердца присутствующих. Все с воодушевлением откликнулись на призыв и выпили. Борис Евгеньевич тотчас начал осторожно разливать водку в крохотные «пузатые» рюмочки, а Юрий Александрович продолжал читать и скоро дошёл до грустных строк:

Помянем тех, кто в царстве тьмы За долгую земную службу Приял забвенье и покой...

Когда он писал эти строки, то, наверное, имел в виду старшее поколение, но за прошедшие годы забвенье и покой обрели многие из его сверстников и даже некоторые из их детей. Кто был расстрелян в 1930-е годы, кто погиб на фронте, кто умер от старости и болезней. Да, многих уже не застал отсутствовавший двадцать лет Юрий Александрович. Всех помянули добрым словом. Опять выпили водку и под завершающие оду строки разлили в бокалы шампанское.

Взволнованно мне скажет Нина: «Я вижу, горькая судьбина В твоих словах сгустила соль... Я вижу, в сердце ветерана Незаживающие раны, Неутихающую боль...» .... Ну что ж, пока мой плещет парус, Я вам кричу: «Ergo bibamus!».

Латынь пиит употребил, возможно, из-за подходящей рифмы («парус» — «бибамус»), а может быть, из любви к Горацию, оды которого читал на его языке. К тому же русский вариант, «Давайте выпьем!», в финале Оды прозвучал бы слишком прозаично. Но сидящие за столом и без перевода поняли, что хотел сказать «римлянин времен упадка империи» (так деда называл Борис Евгеньевич). Все встали, оживленно чокнулись, допили шампанское и приступили к пирогу.

Из Римской Империи перенеслись в Советскую, и с понятным беспокойством начали обсуждать вопрос о том, где же Юрий будет жить. Вера Александровна сказала, что Софья Петровна нашла в Зареченске хозяйку, которая продает половину дома, комнату и кухню. «И свет решил», что Юрий должен завтра же ехать и посмотреть дом. Было бы чудесно, если бы ему там понравилось, потому что Зареченск расположен недалеко от Москвы.

Юрию Александровичу постелили на диване в комнате Бориса Евгеньевича, и они до двух часов просидели, обсуждая послевоенную обстановку в стране и в мире. В мире шла *Холодная* война, в Африке — несколько *Освободительных*, в Корее — *Гражданская*, а в стране Советов шла борьба с «генетиками», «кибернетиками» и «космополитами». Так что у них нашлось, что обсудить. К жизни они оба относились «философически», не теша себя иллюзиями, и, будучи поклонниками Шопенгауэра, на будущее смотрели пессимистически. Юрий Александрович подытожил их разговор строками своего сочинения:

И опять жизнь течёт в чёрном трауре, В смене жалоб, работы и слёз... И с презреньем старик Шопенгауэр Наблюдает всемирный психоз.

* * *

По привычке он встал очень рано. Кася накормила его завтраком, и он отправился на вокзал. В Зареченске отыскал домик Софьи Петровны. После радостной встречи и обеда они вместе пошли на Снегирёвскую улицу. С первой же встречи он навсегда очаровал свою хозяйку, тётю Нюру, улыбчивую и неунывающую, несмотря ни на какие невзгоды, женщину. Её муж, дядя Вася — пьяница и мастер на все руки — отдал должное принесённой Юрием Александровичем бутылке водки, которую они вместе и распили за успех сделки. Сошлись в цене — 12 тысяч рублей. Так было найдено пристанище, или, говоря высоким «штилем», приют отшельника, hermitage. Осенью того же года дед Юрий, как его стали называть в семье, приступил к устроению того образа жизни, о котором мечтал в лагерях. Ему удалось устроить счастливую жизнь не только для себя. Ощущение счастья навсегда сохранилось в сердцах взрослых и детей, которые гостили в его «усадьбе» каждое лето. Это были самые светлые и веселые, наполненные содержанием и смыслом годы.

В первый же год осенью он посадил на огороде саженцы яблонь, перед окнами вишни, а вдоль забора крыжовник, смородину и малину. Взял щенка-овчарку и назвал его **Райтом** в честь одного из первых авиаторов, потому что в Первую Мировую войну Юрий Александрович сам был **военным лётчиком**. Тогда же в доме поселился кот **Ассаргадон**, в просторечии Ассик.

Зиму Юрий Александрович провел в Зареченске в полном одиночестве. Он приводил в порядок свои записки, читал книги, перевезённые из Москвы. Вечерами слушал радиоприемник, топил печь и подолгу сидел, глядя в огонь. Иногда ходил на лыжах. Сохранились его стихи об одной из таких прогулок в феврале 1954 года. Ему тогда исполнилось 70 лет.

Какие дни теперь стоят, Ах, что это за дни! Снега сверкают и горят, Как будто раскидал огни На праздник Бог с небесной ели, Чтоб на земле все веселели! Морозец лёгкий. Тишина. А солнце, солнце! Вот потеха! Напилось красного вина И брызжет пламенем от смеха! И с ним смеётся вся природа, Забыты мрак и непогода. Смеюсь и я, скользя на лыжах, Забыв свои седые годы, И из меня веселье брызжет, Я заодно со всей природой...

ПЕРВОЕ ЛЕТО. Ранней весной Юрий Александрович нанял артель плотников и приступил к постройке обширной террасы. На ней был сделан массивный верстак, и дед собственноручно обрабатывал рубанком доски для мебели. Он сам сделал книжный стеллаж и кровать в свой «кабинет», кухонный стол, диван-топчан, скамьи и длинный обеденный стол на террасу. Вскопал огород, купил 20 цыплят, сам сложил летнюю печь вблизи крыльца, соорудил в огороде душ. Словом, завел хозяйство, как положено. Обитатели Снегирёвской улицы с интересом наблюдали за новым хозяином и, видя, как он умело и основательно всё делает, прониклись к Юрию Александровичу глубочайшим почтением. Тётя Нюра любила повторять: «Юрий Александрович — настоящий барин», вероятно, подразумевая, что он был трудолюбивым хозяином.

В июне он разослал родственникам и друзьям приглашения. Первой приехала его дочь Таня с внуками Женей и Машей. Дед привлёк их к заготовке дров. С утра он один колол дрова, а потом пилил их с Таней или Женей, а Маша складывала их в поленницу. Татьяна Юрьевна и Женя вскоре уехали, так как он готовился поступать в институт. Маша осталась.

Она настороженно относилась к этому человеку. Её первое, почти младенческое воспоминание о нём было связано с той недопустимой, испугавшей ее бесцеремонностью, с которой она была как-то ночью разбужена этим незнакомым человеком. Ей было всего пять лет, а дед был проездом в Москве. Он подхватил её, сонную, на руки, высоко поднял, пришлёпнул даже, — так уж ей вспоминалось. Она чуть не заплакала от неожиданности, сердито и возмущенно разглядывала этого громадного человека, вырвавшего её из тепла и сонного мира. Он что-то громко говорил, бабушка и мама смеялись. И теперь, через несколько лет, она долго не могла избавиться от этого впечатления, а потому дичилась и смотрела на него с опаской.

Опасения её подтвердились: он заставил её вставать в шесть утра и делать вместе с ним какую-то «гимнастику Мюллера». Боже, как она ненавидела ранние вставания и всякие зарядки! Каждое утро перед уходом в школу к ним призывала по радио «Пионерская зорька». Но от деда невозможно было отвязаться. После гимнастики и самомассажа он заставлял её принимать холодный душ. Потом завтрак, потом грабли — и на огород! Первые дни — жуть какая-то! Но дед никакого внимания не обращал на её недовольство и сопротивление. Он прельстил её тем, что так будто бы жили древние греки и римляне, рассказывал ей о Сократе и философских беседах во дворе Платоновской Академии. Он позволял ей копаться в своих старых книгах с золотыми и серебряными корешками, с удивительными картинками и чудесным запахом пожелтевшей от времени бумаги, рассматривать альбомы со старыми открытками европейских городов. И, главное, он был так ласков с нею, так искренне и непритворно откровенен, без свойственной взрослым снисходительности в общении с детьми, что вскоре она уже души в нём не чаяла.

Ко времени приезда в Зареченск Платона Николаевича с Верой Александровной и их внуком Виктором Маша привыкла и к гимнастике Мюллера, и к холодному душу, и к огороду. Сколько интересных рассказов выслушала она в эти утренние часы, заранее предвкушая то удовольствие и те радости, которые сулил каждый день: их неспешные прогулки на Оку, купание, вечерние разговоры.

Доктор, Вера Александровна и Виктор поселились на террасе. В июле появилась в доме лучезарная Авиетта, племянница деда. Она была старше Маши, но они быстро подружились. С её приездом часть своих воспитательных усилий дед направил на Авиетту, и Маше стало легче. Вернулась из Москвы Татьяна Юрьевна. Прибыли ещё несколько родственников и расселились в домах по соседству.

Началось первое счастливое лето в Зареченске. Яблони прижились и давали хороший урожай, ягодники тоже. Куры получили имена. По двору блуждали три петуха: белый мушкетер Атос и пегие клоуны Пат и Паташон. Они держали в строгости свой гарем. Кур дед назвал именами фавориток французских королей: мадам Помпадур, маркизы Лавальер и Ментенон. Среди них царствовала застенчивая курочка, Королева Марго. Она несла крупные розовато-коричневые яйца. Заветной мечтой этого куриного ведомства было проникнуть сквозь плотный плетень на огород и там клевать поспевающие помидоры. С этой целью они с неизменным упорством делали подкопы и затем прорывались на грядки. Тогда разносился чейлибо тревожный глас: «Помпадур на помидорах!», и вся оживлённая публика скатывалась с террасы, бежала на огород и изгоняла куриную армию. Райт начинал неистово лаять; спящий на крыльце царь Ассаргадон дёргал ушами и лениво открывал наглые жёлтые глаза. Осенью ходили в дальний лес собирать орехи и можжевельник, нужный деду для засолки огурцов на зиму.

Быт был прекрасно налажен. У каждого были свои обязанности. С утра Авиетта, Маша и Виктор бежали в город и выстаивали громадную очередь за хлебом. По четвергам и воскресеньям всей компанией ходили на базар. Во главе процессии шествовал дед в белом кителе и в шляпе, поддерживая под руку Веру Александровну. За ними гуськом тянулись остальные, увешанные сумками, бидонами и авоськами. Базар был расположен около городского собора с громадным голубым куполом. Сначала дед обходил мясной ряд и со знанием дела выбирал мясо, шутливо, но настойчиво торгуясь с продавцами. Потом покупал творог, молоко, ранние овощи. Напоследок он раздавал милостыню нищим у собора.

По возвращении с базара на летней печке Вера Александровна варила огромную кастрюлю щей и жарила два-три десятка котлет. Всё это вместе с творогом и молоком опускали в погреб, так что в следующие два-три дня готовка не занимала много времени. Завтракали обычно творогом с молоком и тотчас отправлялись на Оку. Сначала шли вниз по улице, заросшей мягкой, курчавой гусиной травкой. Маша и Виктор шли босиком, слева и справа от деда. Широкая Снегирёвская улица нижним концом упиралась в громадное картофельное поле. Узкая утоптанная тропинка вынуждала их идти «длинной вереницею» до соснового бора, где она вливалась в густую сеть дорожек, усыпанных мягкими иголками и шишками сосны.

Бор стоял высокой стеной на речной террасе, дорожка весело сбегала на роскошный, покрытый разнотравьем и цветами луг и, наконец, растворялась в прибрежных песках речного пляжа. Здесь их уже ожидала Софья Петровна и приветливо покачивала над головой старым выцветшим зонтиком. Вода на речном мелководье была теплой, песок на пляже горячий. Дед послушно давал закапывать себя в песок, дети с восторгом и хохотом восседали на его спине, а он, неожиданно и резко поднимаясь, сбрасывал их на землю.

Они бежали, взявшись за руки, к воде и шумно, с брызгами и визгом окунались в воду. Дед прекрасно плавал и быстро научил плавать Виктора и Машу. Он бесстрашно бросал их на глубоком месте. В такие моменты обеспокоенные за детскую безопасность бабушки, стоя на берегу, безуспешно взывали к благоразумию и осторожности, но дед на это не обращал никакого внимания...

Как странно сбываются сны!.. Его лагерные и тюремные сны.

«Широкий песчаный берег океана. Яркое жаркое солнце... Свежее дуновение морского воздуха... Тихий плеск набегающих на берег волн... Взявшись за руки, развернутой цепью мы бежим по берегу навстречу волнам... В самой середине я, по бокам Шурик, Таня, Глеб, ещё кто-то. Кричим во всё горло: го-го-го! И со смехом бросаемся в волны... Солнце, море, дети, простор, свобода!.. Полный восторг! Я просыпаюсь... Сквозь железную решетку раскрытого окна, прямо в лицо мне, дует свежий утренний ветерок. В камере полумрак... все спят».

Так писал в одном из своих писем в тридцатые годы Юрий Александрович. И вот оно: солнце, дети, свобода!

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН. На следующее лето дед задумал выучить с Виктором и Машей первую главу из «Евгения Онегина». Он знал наизусть все восемь глав. Но план был рассчитан только на изучение первой главы за два летних месяца — по одной строфе в день. Как-то с утра, сразу после завтрака, он усадил их на террасе за стол, торжественно вручил каждому по толстой тетради в черных кожаных переплетах. Собственноручно подписал на первых страницах «**Pro memoria**» и объяснил, что в переводе с латинского это означает «*для памяти*». Затем он прочёл им лекцию об «онегинской строфе». От него они впервые узнали о «женской», то есть безударной (а), и «мужской», то есть ударной (б), рифмах. И о том, что «онегинская строфа» состоит из 14 строк: три четверостишия и одно двустишие. В каждой строфе Пушкин соблюдал чередования рифм: абаб, бббб, абба, бб.

В тот же день по дороге на Оку началось:

Мой дядя самых честных правил,	(a)
Когда не в шутку занемог,	(6)
Он уважать себя заставил	(a)
И лучше выдумать не мог.	(ნ)

Виктор схватывал и запоминал на лету. Маша стихи запоминала плохо и поначалу сердилась, даже яростно сопротивлялась новому натиску деда. Этот «дядя» у неё в зубах навяз, к тому же её возмущала концовка первой строфы: «Когда же чёрт возьмёт тебя!» К концу дня все обитатели дома на Снегирёвской улице чуть ли не хором повторяли: «Мой дядя самых честных правил», но Маша сбивалась и, главное, не понимала, чем же он заставил себя уважать? Она знала, что дед всё равно настоит на своём. Некоторое утешение она нашла в том, что хотя в первой главе числилось 60 строф, но целых шесть (!) Пушкин исключил — так что впереди предстояли только 54 строфы.

Как и всё, что затевал дед, обучение было поставлено на солидный фундамент и велось систематически. Оба подростка без труда воспринимали текст с упоминаниями персонажей из греческой мифологии, потому что были знакомы с ней с детства. Но многое было непонятно и требовало пояснений. Они выслушали целые лекции о римской поэзии в связи с Ювеналом и Овидием, об экономической теории Адама Смита. Узнали массу интересного о деятелях Французской Революции и южно-американском герое Боливаре, о русском театре и актерах того времени.

Каждый день по дороге на Оку Юрий Александрович читал очередную строфу с подробнейшими объяснениями незнакомых и иностранных слов, смысла и тонких намеков, свойственных той эпохе словосочетаний, обычаев и нравов. Дед был в прямом и в переносном смысле «ходячей» энциклопедией.

В гулкой колоннаде приокских сосен торжественно разносился его богатый обертонами голос:

Мои богини! что вы? где вы? Внемлите мой печальный глас: Всё те же ль вы? другие ль девы, Сменив, не заменили вас? Услышу ль вновь я ваши хоры? Узрю ли русской Терпсихоры Душой исполненный полёт?...

На этой девятнадцатой строфе Маша совсем сникла: ну можно ли было такое выучить? Ко всему прочему, из-за этой строфы Платон Николаевич прозвал её Терпсихорой — музой танца из свиты Аполлона, — явно иронически, с намеком на резкость её движений, неуклюжесть и частое битье посуды. Так прозвище и пристало. Только справились с Терпсихорой, начались мучения с Истоминой:

Летит, как пух от уст Эола; То стан совьет, то разовьёт, И быстрой ножкой ножку бьёт.

Дед произносил всё это с такой легкостью и с такой достоверностью, будто видел здесь, меж стволов, «блистательную, полувоздушную» Истомину. С каким вкусом он читал строфы о кабинете Онегина! И заодно объяснял, почему «Лондон щепетильный», что за «янтарь на трубках Цареграда», кто такой «важный Гримм» и что значит «вино кометы». В конце концов, это ежедневное занятие стало потребностью для всех, и долгое шествие на Оку и обратно доставляло удовольствие не только детям, но и взрослым.

К вечернему чаю обычно приходила Софья Петровна. Иногда за стол усаживались до десяти человек, и все беспечно предавались мирным разговорам, воспоминаниям о днях далёкой юности, мягко шутили друг над другом. Иной раз разговор, умело направленный восседавшим во главе стола дедом, попадал в строгое русло какой-либо одной темы, живо интересующей всех присутствующих. *Что такое нация? Был ли феодализм в России?* Иногда дело доходило и до шумных споров, но редко. Дед споров не любил. Он советовал спорные «мнения», прежде всего, проверять по словарям и книгам, а уж на основе фактов, рассуждая логически, высказывать не «мнения», а хорошо продуманные доводы.

Рано засыпали жители Снегирёвской улицы, допоздна горел свет только на террасе у Юрия Александровича. При свете полной высокой луны в теплые вечера Виктор, Авиетта и Маша отправлялись провожать гостей на соседние улицы. Возвращались ближе к полуночи. В кромешной тьме издалека был виден свет от настольной лампы в кабинете деда. В это позднее время он обычно слушал приемник: ловил запретные «голоса», еле-еле пробивавшиеся сквозь трескучие шумы глушителей. «Голосами» их называли из-за названия станции «Голос Америки». В июне 1953 года разоблачили Берию. По «голосам» передавали о каких-то «страшных тайнах». Взрослые собирались в кабинете деда у трепещущего зелёного огонька лампового приемника «Нева». Подростков туда не пускали, и до Маши с Виктором доносились лишь обрывки приглушённых разговоров взрослых. Опасались грядущих перемен.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА. Однажды дед предложил всем желающим поехать в Ясную Поляну, где он был один раз в 1910 году, сразу после смерти Толстого. Дед рассчитывал, что они обернутся за один день. Поехали в будний день. Автобус на станцию, где проходил поезд, сломался, поэтому ехали на попутном грузовике. До ворот усадьбы добрались уже после обеда и сразу, уставшие и голодные, расположились на обширной поляне, чтобы подкрепить силы взятой из дома снедью. После этого, под предводительством деда, неспешно двинулись осматривать усадебный дом, аллеи и все уголки парка. В Тулу попали поздно вечером, нужный им поезд уже ушел, и положение казалось безвыходным. Где, как провести ночь? Платон Николаевич резонно заметил, что в гостиницах мест обычно не бывает, а если и будут, то все равно их туда не пустят, потому что ни у кого нет паспортов. Однако час был поздний, а деваться было некуда.

Пришли в гостиницу. Один паспорт всё же был — у деда. Как бывший ссыльный, он без паспорта из дома не выходил. И Юрию Александровичу — вот уж воистину чудо из чудес! — удалось совершить невероятное. Он сумел убедить администраторшу в том, что разновозрастная и разнополая компания состоит исключительно из родственников и ни в коем случае не нарушит свято хранимые в советских гостиницах моральные устои. Да, свободных обычных номеров, конечно, не было, поэтому им предоставили номер-люкс с занавесками из плюша, диванами и зеркалами, и они прекрасно провели ночь.

ТОЛСТОЙ И ШЕКСПИР. После поездки в Ясную Поляну обитатели маленькой «усадьбы» на Снегирёвской улице в своих разговорах то и дело возвращались к личности Льва Толстого. Однажды за вечерним чаепитием Платон Николаевич спросил Юрия Александровича, чем можно объяснить отрицательное отношение Толстого к Шекспиру? Дед считал, что причина этого неприятия заключалась в том, что творческий гений Толстого был полной противоположностью гению Шекспира. И охотно пояснил свою точку зрения, видимо давно и глубоко им продуманную. Он сказал, что трагедии Шекспира воспринимает «призматически», сквозь три грани: психологизм, типизацию и объективизм. И Шекспир, и Толстой были прекрасными психологами. Но «психологизм» у них был различным. Шекспир, показывая человека в действии, непременно его типизировал. У него получался не просто человек, а символ, но символ не схематический, а полный жизни. В своих героях он выделял какую-нибудь одну сторону характера и тем самым будто персонифицировал её. Поэтому имена многих персонажей его трагедий стали нарицательными для обозначения ревности (Отелло) и низости (Яго), жадности (Шейлок) и обжорства (Фальстаф), благородства (Генрих V) и интеллектуальности

Из наших русских классиков по типизации характеров ближе всего к Шекспиру стоит Гоголь. В этом смысле Гоголь далеко превзошел Шекспира, потому что для нас нарицательными именами стали все гоголевские типы. Но у Гоголя не было шекспировского объективизма. У Толстого наоборот. Все его персонажи стоят перед нами, как живые. Ни одним из его персонажей мы не можем окрестить другого человека, настолько все они индивидуальны, настолько подлинно реалистичны. Ни один из его персонажей не стал символом, но Толстой этого и не хотел.

Есть и другое, более важное, чем типизация, отличие: **объективизм.** Насколько Шекспир в своем творчестве объективен, настолько Толстой **субъективен.** За героями пьес Шекспира никогда не видно лица автора, не видно, кого он любит, а кого не любит и осуждает. Кто-то сказал, что Шекспир объективен, как сама природа. «Добру и злу он внемлет равнодушно».

Толстой же не только не скрывает своего отношения к персонажам, но наоборот, всегда его подчеркивает. В каждой строке мы чувствуем, как он к кому относится. Толстой любит Кутузова, а Наполеона — нет, Наташу любит до влюбленности, а Соню — недолюбливает; в Анну Аркадьевну готов влюбиться, да нельзя, грех, надо любить Китти. В каждом произведении он выводит фигуру, через которую вещает миру свое **credo**. Рассматривая искусство с религиозно-нравственной точки зрения, Толстой требовал от автора **определенного отношения к добру и злу**. Поэтому объективизм Шекспира он трактовал как **аморализм**, неспособность отличить добро от зла.

Толстой со своей вполне законченной художественной гениальностью и со своим религиозным сознанием не мог принять противоположного ему по своей гениальности Шекспира. Кроме этого, Толстой, видимо, был прирождённым борцом, то есть человеком, для которого потребность сказать правду, как он её понимает, превышает чувство самосохранения. Вот почему он всю жизнь боролся не только с церковью и государством, но и с культом Наполеона и Шекспира. Такого рода поклонение он считал социальным психозом.

ТАЙНА ИМЕНИ ШЕКСПИРА. Татьяна Юрьевна вспомнила, что очень давно, ещё до его ареста, Юрий говорил, будто трагедии Шекспира написал не он, а другой человек. Она забыла, в чём там было дело, и, как только он кончил говорить, попросила рассказать о «тайне имени Шекспира». Большинство из присутствующих даже не слышали о сомнениях в авторстве Шекспира и поэтому, конечно, были заинтригованы. Посыпались вопросы, но дед решительно заявил, что пора расходиться. И добавил, что, если их интерес не исчезнет, то завтра он с удовольствием расскажет, что вспомнит.

Маша весь день сгорала от нетерпения. Она боялась, что вечером дед, Платон Николаевич и Вера Александровна засядут, как обычно, за свой любимый преферанс и тогда уж — прощай, Шекспир! Но дед свое обещание помнил и, когда все собрались, попросил не прерывать его рассказ вопросами и возражениями, а терпеливо и внимательно слушать. Никаких «шпаргалок» у него не было, говорил он по памяти и, как всегда, просто и увлекательно. Татьяна Юрьевна по привычке стала записывать на листке бумаги основные даты, факты и имена, чтобы лучше их запомнить и на досуге самой разобраться в интриге. Платон Николаевич посоветовал Юрию изложить свой доклад в письменном виде, чтобы его можно было не только слушать, но и читать. Дед сказал, что для этого ему нужны книги, которых здесь нет.

Время было позднее. Дед ушел к себе, чтобы послушать новости *«по голосам»* и заодно разложить несколько пасьянсов. Остальные решили прогуляться и подышать свежим воздухом перед сном.

Вышли на крыльцо. Стояла тёплая августовская ночь. По улице они старались идти бесшумно, опасаясь возбудить лай соседских собак. Какая-то особенно бдительная собака всё же забрехала, но они в это время уже достигли картофельного поля. В безлунном небе сияли тяжелые яркие звезды, и оно оживлялось частыми длинными росчерками «падающих звезд». Планета со страшной скоростью неслась по своей орбите через метеоритный пояс Леонид. Вера Александровна вспомнила стародавнюю примету и сказала, что, когда падают звезды, самое время загадывать желания. Вся компания тотчас остановилась посреди картофельного поля и с азартом предалась ловле падающих звезд. Впечатление от красоты и величия ночного неба в юных сердцах слилось с ожиданием любви и счастья и поэтому запомнилось навсегда.

* * *

Что же было дальше? Сбылись ли желания, загаданные в ту ночь?

В 1955 году с деда сняли судимость, и он получил право жить в Москве. Теперь зимой он жил в доме на Трехпрудном переулке, в одной из комнат ранее целиком принадлежавшей ему квартиры. Остальные комнаты уже давно занимали потомки прокурора, ведшего его дело и позднее расстрелянного, и потомки того, кто вёл дело первого прокурора. Впрочем, дед с ними вполне ладил и, когда сообщал по телефону московские слухи, говорил добродушно: «Моя синагога мне сообщила».

С переездом в Москву он записался в Библиотеку имени Ленина и начал писать свои труды по философии, психологии и литературе. В первую очередь он исполнил просьбу Платона Николаевича и написал статью о «Тайне имени Шекспира».

Теперь дед уезжал в Зареченск ранней весной, а Маша с мамой по-прежнему приезжали к нему летом хотя бы на месяц. Но в 1960 году Юрий Александрович продал свою усадьбу на Снегирёвской улице, и окончательно переехал в Москву. Он задумал посетить места, где прошли годы его молодости. Поехал на Кавказ, в Тифлис и Армению, где воевал с турками в Первую Мировую войну, потом на Кубань, где провёл годы Гражданской войны. Казалось, о Зареченске он и не вспоминал, во всяком случае, не любил говорить о своей жизни там. И только однажды он сказал Маше с пронзительной печалью: «Знаешь ли, это как с Синей птицей — ушли дети её искать, а она, оказалось, была в их доме».

Он говорил, что проживет до 100 лет, и Маша ему верила. Но он умер в 87 лет, и она живёт без него уже 35 лет.

«Идём за Синей птицею мы длинной вереницею...»

@&.@&.@&.@&.@&.@&.@&.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

Оставя беспокойство в граде И всё, смущает что умы, В простой приятельской прохладе Своё проводим время мы.

Г. Державин, Пикники, 1776

ве непутёвая дочь. С момента их изгнания в канун Октябрьских праздников, Маша успела заехать к ней всего один раз. Твёрдо договорились, что она приедет сегодня, но на дворе уже темно, а её всё нет. На улице идёт проливной дождь, а они завтра с утра собрались вместе с Виктором и Елизаветой Алексеевной поехать в Зареченск, чтобы навестить Софью Петровну. Из-за дождя поездку лучше было бы отменить, но Виктор заранее предупредил Софью Петровну об их нашествии. И теперь она, конечно, с нетерпением ждёт их. Интересно, предупредил ли он её, что они собираются ехать в Знаменку? Для тёти Сони это может явиться полной неожиданностью.

Татьяна Юрьевна раскладывала уже десятый пасьянс, каждый раз загадывая, повезёт ли им с погодой. Маша приехала совершенно промокшая, потому что забыла взять зонтик. Сели ужинать, и Татьяна Юрьевна, наконец, могла приступить к расспросам.

— Что же они предложили вам при сокращении? — спросила она, зная, что вчера должен был решиться вопрос с их трудоустройством.

Маша сказала, что Управление Культуры предложило Грише и Лизе идти учителями в средние школы Москвы, а ей обещали найти место в каком-либо подмосковном музее, где есть ещё необработанный архив. Она говорила неохотно на эту тему, потому что не очень верила этим обещаниям.

И мать, и дочь были страстными любителями детективов, поэтому на самом деле их мысли были заняты не перспективами трудоустройства, а той криминальной обстановкой, которая сложилась в Сурминове. Понятно, что разговор очень скоро перешёл на эту тему.

- Маша, расскажи мне, наконец, что же произошло на Конном дворе в тот вечер? Удалось ли схватить грабителей? Ведётся ли следствие или его уже прикрыли? Ведь я до сих пор ничего толком не знаю.
- Мамочка, и я знаю немногое. Владимир рассказал Виктору, что как только мы ушли от Конного двора, очень скоро к тому входу, где прятался отец Моор, подошли трое. Один остался у двери, а два других прошли внутрь и подняли люк. Брали они с разбором: в основном вещи небольшие, но ценные. Например, иконку на фарфоре, знаменитый сервиз «tête-à-tête». Набили две сумки, потащили к люку. Тут их оперативники с поличным и взяли. Третьего, что сторожил у входа, тоже схватили. Машина у них была, стояла сразу за оградой.

Она помолчала и добавила:

- Но, вообще говоря, этот Владимир предпочитает отмалчиваться. Как у них принято, он отговаривается тем, что молчит «в интересах следствия». Так что, как всегда, пойманы только наёмные исполнители, а «заказчики» до сих пор неизвестны.
- Положим, первый это родственник Витольда. А второй? Вы так и не узнали, чей это голос?
- Чей голос, мы не знаем. Но Владимир с Виктором тогда же ездили осматривать то место, где они могли стоять, когда их голоса случайно записались на пленку. И мы с Лизой тоже туда ходили. Я ребят спрашивала наших «разбойников», которые там будто спали. Так вот один Роллер вспомнил, что какие-то два мужика говорили насчет ковра, но он к ним спиной лежал. А Швейцер лежал лицом к ним. И говорит, что стояли двое: один высокий, а другой пониже, с палочкой. Но, что они говорили, он не слышал. Его показания не подтвердили и улики, найденные при осмотре места. Владимир нашёл, как и полагается в детективах, окурок. И ещё следы от палки кругленькие ямочки такие. Мы с Лизой их тоже видели, там же никто не ходит, а уж тем более у самой стены никто не будет стоять. Словом, получается, что второй был хромым. Мы теперь его так и зовем Хромой. А вот кто он? Мы даже сами следствие начали.
  - Господи! Только этого не хватало! забеспокоилась Татьяна Юрьевна.
- Мамуля, пожалуйста, не волнуйся. Подумай сама, какое мы можем вести следствие? Так, кое-что сопоставляем, выясняем. Любопытно же, согласись?
  - Ну, и что вы выяснили?
- Кое-что интересное есть. Помнишь, ещё в сентябре, когда на меня *«мелегу»* из сельсовета принесли с «возмущенным гласом народа»? Я тогда однажды в магазине с одной женщиной разговорилась, пока в очереди стояла. Говорю ей: «Чем это я помешала сурминовским жителям? Кто на меня донос в сельсовет написал?» Она вроде стала мне сочувствовать и говорит: «Да уж не знаю, кто это на тебя такое наговорил? И какие пьянки? Какие мужики к тебе ходят? Я-то лучше других знаю, кто к тебе ходит». Вот это, думаю, номер! Откуда же, спрашиваю, вы-то знаете? Ваш дом стоит на другой улице.
- В деревне всегда так живёшь *«на просвет»*, рассмеялась Татьяна Юрьевна, памятуя свой опыт жизни в Чернаве, где ей довелось быть *училкой* в 30-е годы.
- Вот именно, что *«на просвет»*. Подумай, оказывается, окна их дома выходят на огород, а из них и мой огород виден хорошо. А у неё мать больная, ноги не ходят, весь день сидит у окна и смотрит. Вот они про мою жизнь всё и знали.
  - Ну, и что же она тебе сказала?
- Тогда ничего существенного не сказала. А вот после истории с магнитной пленкой пошли мы с Лизой и Зинаидой к этой женщине. Зина её знала, потому что мёд у неё осенью покупала. Нам эта старуха-мать и стала рассказывать ведь ей поговорить тоже хочется. Но говорила больше не про моих посетителей, а про тех, кто к дяде Пете ходил. Там ведь в Сурминове все уверены, что его убили и положили в избу без головы, а потом дом подожгли. Вроде он сам себя сжёг.
  - А голову-то куда дели? На деревне-то что говорят?
- Про голову я не очень верю, да сейчас это уже не так важно. Интересно другое. Эта женщина вдруг нам говорит, что к нему часто хромой ходил. Можешь себе представить? Опять Хромой. Я-то не следила за тем, кто к дяде Пете ходил. У меня, правда, осталось какое-то неясное впечатление. Раза два-три за лето, когда я шла от колодца с ведром, видела фигуру человека с палочкой, но со спины. Если бы вот так же увидеть его со спины, я бы этого Хромого узнала просто по силуэту, по облику. Это ведь невольно запоминается.

- А родственника Витольда к делу привлекли?
- Кто их знает? Говорят, магнитофонная запись не доказательство. А эти исполнители, вроде, не раскалываются. Они же боятся мести. Ты думаешь, они зря убивают? Чтобы других устрашить.
  - Маша, я тебя умоляю, вы уж не вмешивайтесь. Без вас обойдутся.
- Да мы-то что можем сделать? Теперь и вообще не до этого. Гриша вот в суд подал, чтобы восстановиться. Нас ведь совершенно незаконно сократили. Любопытно, **что** сказал ему Ломакинский прокурор: «Сократили вас всех, конечно, незаконно. Но лучше вы в суд не подавайте. Всё равно дело не выиграете». Однако Гриша уверен в успехе. У него отец известный юрист, Илья Аронович Борзун, так что ему, может, и удастся вернуться в музей.
  - А вы все тоже хотите подавать?
- Нет, мы не будем. Зине придётся вернуться в экскурсионное бюро. Лиза, наверное, пойдёт в какой-нибудь из литературных музеев в Москве. Это и к лучшему. Им же с Виктором тяжело на целую неделю расставаться и на два дома жить.
  - A ты?
- Я, видать, в монастырь пойду, пошутила Маша, Мне говорили, что в Новом Иерусалиме монастырский архив до сих пор не обработан. Но вряд ли они согласятся меня взять из-за этой истории. Посмотрим. Что за два месяца загадывать? Съезжу, поговорю. Вдруг повезёт?

Дождь продолжал лить. Несмотря на это, решили поездку в Зареченск не откладывать. Спать легли пораньше, потому что с Виктором и Лизой договорились встретиться на вокзале очень рано.

Из Москвы они выехали холодным серым утром, но в Зареченске было гораздо теплее, и без дождя. В голубые просветы меж облаков даже прорывалось солнце. Они пошли к центру города, где виднелся знакомый синий купол собора. Миновали галерею старого лабаза, где когда-то Виктор и Маша выстаивали очереди за хлебом. Ныне там во множестве мелких лавчонок и магазинчиков кипели толпы народа. Вышли на соборную площадь, где в бывшем здании Городской Управы размещался Горком партии и Райисполком. Медленно шли они по аллее парка. Среди старых лип были видны поблекшие транспаранты с лозунгами, производственными показателями и портретами передовиков.

Дом Софьи Петровны стоял на углу Сычевской и Покровской улиц. Полуразрушенная церковь, давшая имя улице, стояла неподалеку. Они прошли через церковный двор, заросший бурьяном, и вышли к калитке, ведущей в садик перед домом Софьи Петровны. Позвонили в колокольчик.

После первых приветствий Виктор сразу сказал о планах посетить **усадьбу в Знаменке** и спросил, поедет ли Софья Петровна с ними.

- Пожалуй, поеду, легко согласилась Софья Петровна. Последний раз я была там более двадцати лет назад. Юрий меня туда возил. Он хорошо знал и усадьбу, и дом. Про разгром Знаменки летом семнадцатого года...
- Почему же летом? решила уточнить Татьяна Юрьевна. Ведь национализация усадеб началась позже, уже при большевиках.
- Танюша, всё это так, но крестьяне начали стихийно грабить усадьбы ещё до большевиков. Про разгром Знаменки я знаю из первых рук. Дело в том, что старшие Коробьины сразу после Февраля усадьбу покинули, а в доме жила их дочь, кузина Веры и Юрия. От неё я эту историю и услышала. Она была убежденной толстовкой, а потому ходила по крестьянским домам, утешала страждущих, лечила больных.

Софья Петровна молча указала на одну из фотографий в старинных рамах, висящих на стене, на которой была снята кузина, и продолжила свой рассказ.

— Так вот, собрались крестьяне со всей округи с кольями, топорами, мешками и подводами. Бесстрашная кузина вышла на крыльцо дома и обратилась к ним с речью: «Я давно вам говорила, что всем этим мы владеем не по праву. Настало время, когда вы можете все это получить в свое пользование. Здесь вы можете устроить школу, открыть клуб, читальню. Очень прошу вас, не разрушайте, не уничтожайте то, что будет нужно вашим детям, внукам, правнукам». Библиотека в Знаменке, действительно, была замечательная.

Софья Петровна замолкла и как-то вся съежилась, кутаясь в платок.

- А мужики что же? спросила Маша.
- Сначала они стояли молча. Потом кто-то из толпы крикнул: «Один барин уехал другой приедет! Берите, что можно, пока не поздно!» Ну, и начался погром. Взламывали огромные двери. Вырывали листы из кожаных переплётов. Листы брали на цигарки. Сорвали замки с амбаров, увезли зерно. За три часа управились, так что кузина к вечеру одна ходила по парку и собирала гонимые ветром листы из порванных книг.
- Я слышала в Управлении Культуры, что в Знаменке собираются открыть музей под названием «Музей усадебного быта», сказала Лиза.
- Раньше повсюду устраивали музеи «крестьянского быта», а теперь на дворян потянуло, с явным сарказмом проговорила Маша. От «быта» дворян легко перейти к «быту» купечества и фабрикантов. А там, глядишь, и до Реставрации рукой подать.
- Маша, не говори глупостей, учительским тоном произнесла Татьяна Юрьевна. – Какая может быть Реставрация, спустя 70 лет?

Она хотела продолжить, но не успела. Виктор знал, что если дать разгореться дискуссии, то закончится она не скоро. Маша сядет на своего любимого конька и прочтёт очередную лекцию о роли масонства в устроении Революций и Реставраций. Так и в Знаменку не попадут, а ему уж очень хотелось показать Лизе усадьбу, где родилась его бабушка. Вот почему Виктор, прервав Татьяну Юрьевну на полуслове, решительно заявил, что пора идти, иначе они опоздают на автобус.

Через десять минут все были готовы и отправились в путь. Всё вышло удачно: автобус пришёл во время, им удалось в него втиснуться, хотя и с трудом. К полудню, когда они приехали в Знаменку, тучи совсем разошлись. Путешественники медленно пошли в гору к усадьбе. Виктор, Маша и Лиза шли впереди, Татьяна Юрьевна с Софьей Петровной отстали.

 Танюша, расскажи мне толком, что у них в этом музее случилось? Почему их сократили?

Татьяна Юрьевна стала подробно рассказывать. Маша, обрадованная встречей с Виктором и Лизой, взяла их под руки и оживленно заговорила:

- Пока мама не слышит, я вам последние новости расскажу. Вчера мне Зинаида звонила. Ей Вера Павловна рассказала. Они начали новых людей нанимать. На днях Министерская комиссия приезжала, чтобы проверить, поставили ли Дом на консервацию. Решали с директором и Ариадной, куда же всё из дома выносить. Важные чины приехали на двух черных «Волгах», а чиновники из Управления и ВООПИКа на электричке добрались. Водили их Ариадна, архитектор Коляков и, конечно, вездесущий Витольд. Говорят, решили мебель переносить в Конный двор, а картины и библиотеку во Флигель.
- Не может быть! воскликнула Лиза. Ведь в Конном дворе нет ни отопления, ни сигнализации.

- Это их нисколько не смущает. Мы, говорит, за два года управимся, с мебелью ничего не случится. Но послушайте самое интересное. Вера Павловна сказала Зинаиде, что среди важных чинов один был с палочкой, хромой. А она, знаете, заводная такая. От нас она слышала, что какой-то Хромой ходил к дяде Пете. Они с Зинаидой думают, что это он и есть.
- Ну, знаешь, Марья, сказал Виктор, эдак вы теперь всех хромых подозревать станете.
- Я пока никого не подозреваю, возразила Маша. Но в случайность таких совпадений не верю. В чём я уверена, так это в том, что ниточки от нашего Сурминова тянутся на самый верх. Ведь кто-то должен наших злоумышленников сверху прикрывать. Ты спрашивал своего Владимира, как следствие идёт?
- Спрашивал. Он по-прежнему мнётся. Правда, недавно мне сам сказал, что вашего Мишу Снежного по другому делу взяли. Он, оказывается, промышлял старинными рамами. Брал их из музеев, будто на реставрацию. Подлинные продавал, а возвращал самодельные.
- Теперь я вам ещё одну новость скажу, Маша обернулась и остановилась. Давайте маму с тётей Соней подождем. Сейчас крутой подъем начнётся.

Они остановились у въездных ворот в парк. Собственно, ворот давно не было, стояли только столбы-башенки с остатками когда-то венчавших их львов. Широкая дорога круто поднималась вверх между старыми липами. По ней ветер гнал бурые листья. Татьяна Юрьевна и Софья Петровна были заняты своим разговором и на молодежь не смотрели.

- Говори скорее, Маша, сказал Виктор.
- Дочь моей Варвары недавно ездила в Англию, на стажировку. Девочка она внимательная, в Сурминове бывала не один раз и в доме каждый уголок знала. Я её часто с собой брала, ещё в то лето, когда архив в доме хранился. Она написала Варваре в письме, скажи, мол, тёте Маше, что здесь нас водили на экскурсию на аукцион, Сотби называется, а там в этот день один небольшой портрет продавали. Акварель Барду, портрет второй жены младшего сына Камынина, урожденной Арсеньевой.
- Маша, этого быть не может, всполошилась Лиза. До того, как нам запретили ходить в Дом, он висел в Синей гостиной.
  - Лиза, но висит ли он сейчас? Впрочем, может, это копия, дубликат?

К ним уже подходили Татьяна Юрьевна с тётей Соней, когда вдруг вдали появились черные «Волги», быстро одолели подъем и промчались вверх по въездной аллее.

- «Слуги народа» поехали, сказал Виктор.
- Номера, между прочим, московские, заметила Маша.
- Эркюль Пуаро ты наш!
- Не Пуаро, а мисс Марпл, поправила она.

Виктор взял под руки престарелых спутниц, чтобы помочь им преодолеть подъём. После поворота дорога стала более пологой, и вскоре они вышли к фасаду усадебного Дома. Роскошный двухэтажный особняк в классическом стиле с колоннадой, портиком и двумя фланговыми зданиями стоял на высокой речной террасе. Его фасад выходил на широкий партер. В центре партера стоял обелиск. Два ряда тёмно-зеленых туй вели к краю партера.

Чёрные «Волги», видимо, не решились подъехать к парадному входу и остановились у ближнего флигеля. Из машин стали вылезать солидные люди, в шляпах и добротных пальто. Из дома им навстречу вышли местные деятели. Чувствовалась какая-то суета.

- Маша, посмотри внимательно, шёпотом сказала Татьяна Юрьевна. Вон тот, видишь, с палочкой? Это и есть тот Хромой, о котором ты говорила. Я его прекрасно помню. Не менее трёх раз я видела его в Сурминове.
  - Когда?
- Помнишь, той осенью к тебе из Москвы ребята приехали дрова пилить? Вы за домом на огороде были, а я за хлебом в магазин пошла. Возвращаюсь, а он из калитки выходит. Не поздоровался, как теперь водится, но у меня память на лица прекрасная. Потом, уже весной, второй раз его видела. Ты на работе была, я сидела в парке, а он по аллее шёл. И третий раз опять у дома с ним столкнулась, когда он от этого злосчастного дяди Пети выходил.
- Ну вот, видишь, а если бы я тебе сказала, то ты бы мне не поверила, сказала
   Маша и, торжествуя, громко провозгласила: «Мама Хромого узнала!»

Виктор и Лиза тотчас стали разглядывать его с понятным интересом.

Кучка чёрных чиновников на некоторое время остановилась на крыльце, возможно, тоже любуясь заречными далями. А что? Ведь и им ничто человеческое не было чуждо.

— Картина в своем роде замечательная, — рассмеялась тётя Соня. — Сюда бы кисть кого-либо из передвижников. У стен разрушенной усадьбы стоят *«осколки разбитого вдребезги»* прошлого, а на парадном крыльце — *«экспроприаторы экспроприаторов»*.

«Экспроприаторы» вошли в дом, а «осколки» бодрым шагом двинулись вдоль фасада к виднеющейся вдали скульптуре. Софья Петровна пояснила:

— Это фигура огромного орла с расправленными крыльями и раной на левом крыле. Юрий рассказывал мне, что он был поставлен в память одного из Коробьиных, погибшего на войне 1812 года. Его вдова уже гораздо позднее дала землю женской общине вблизи Котовской экономии.

Они миновали дом и приблизились к пересечению двух широких аллей. Там на высоком из белого мрамора постаменте был утвержден орёл. Из раны на его левом крыле торчали обрывки металлических прутов, но голова и даже клюв были целы. Размах крыльев достигал, наверное, метров трех.

– Впервые в Знаменку я попала сразу после войны, – продолжала Софья Петровна. – Здесь был пионерский лагерь от Министерства обороны, и я через РОНО устроилась на лето воспитательницей, чтобы подзаработать. Помню, привезли ребятишек: такие бледные, худенькие, голодные. Мальчики очень любили влезать на этого орла. Сидят у него на спине, как стайка воробьев, или на крыльях лежат. Мы их, конечно, гоняли, но не очень. Иду как-то, вижу один такой «воробей» лежит на правом крыле и греется на солнце. Шаги мои услышал, сел и смотрит на меня с испугом – худенький такой, глаза серые, коленки подогнул к подбородку. Я ему улыбнулась, рукой помахала. Он успокоился и опять улёгся.

Прошли они мимо орла, вдоль по аллее до задних ворот, а потом сразу налево по тропинке к реке вышли. Там, на берегу, нашли полянку, старое кострище с кольшками-рогульками и рядом поваленным деревом. И решили тут расположиться, чтобы перекусить. Виктор быстро разжёг костер и вскипятил воду в походном бидоне. Маша и Лиза расстелили скатерть-салфетку. Появились домашние пирожки с капустой, бутерброды, вареные яйца, соленые огурцы. Виктор вынул из кармана рюкзака плоскую флягу с водкой, настоянной на лимонных корочках. От водки никто не отказался.

— За радость бытия! — провозгласила Софья Петровна и весело тряхнула седой головой со сложной прической. — Как я рада, что мы выбрались сегодня! Мы с Юрием тогда тоже очень весело съездили. Помню, как идём с ним по аллее, и он поёт марш из «Вампуки»:

Мы *э-*, мы *-фи-*, мы *-опы*! Мы *эфиопы*! Противники Европы! Мы в *Аф-*, мы в *Аф-*, мы в *Африке* живем, Мы *Вам-*, мы *Вам-*, *Вампуку* мы найдем!

Софья Петровна пропела марш, чем ещё более развеселила своих спутников. Маша вспомнила, как дед рассказывал ей о модных в начале века театрах-кабаре «Кривом зеркале» и «Летучей мыши», и как потом помогал писать либретто для «Вампуки». Это была их первая постановка, с неё и началась история их домашнего театра. А в прошлом году они отметили уже его 10-летие.

На свежем воздухе они проголодались и со вкусом принялись за еду. Выпили ещё по одной за здоровье всех собравшихся. Виктор заварил чай.

Все согрелись, щурились на солнце, наслаждались запахами прелого листа и стылой воды. Бледное осеннее солнце почти не грело и не давало теней, но здесь, внизу, ветра не было. Вода тихо плескалась. Тянуло дымком.

Пора было возвращаться в Зареченск. По дороге к автобусу они опять поднялись на горку. Отсюда сверху чудный вид открывался. Раздолье, привычные для глаза дальние покосившиеся шпили колоколен в двух-трех деревнях, перелески, черные убранные поля. Татьяна Юрьевна думала о том, что где-то там, в «синеющих далях», лежит её Чернава — село, в котором она была учительницей в начале 30-х годов, когда ей было всего 18 лет. И была-то она там недолго, а память осталась на всю жизнь. Хорошо бы побывать там, думалось ей, но она понимала, что вряд ли когда-нибудь доберётся в такую даль.

Так они постояли, помолчали и пошли к автобусной остановке. Ещё через час прибыли в Зареченск. Вернулись в дом к Софье Петровне. Поужинали. Устали все страшно, а ещё предстоял обратный путь в Москву. Решили немного отдохнуть и ехать поздней электричкой. Софья Петровна была этому очень рада. Она жила одиноко, в Москве у родных бывала редко, а потому ценила каждую минуту общения с близкими людьми.

 Да, кстати, – обратилась она к Виктору, – хочу передать тебе на хранение труды Юрия. Он присылал их мне, зная, что для меня они чрезвычайно интересны.

С этими словами она встала с кресла, подошла к секретеру и вынула из него сначала старый альбом с фотографиями, а потом кипу папок-скоросшивателей с казённой надписью «ДЕЛО».

- Мне думается, добавила она, что и тебе, и Елизавете Алексеевне они будут интересны. Вот видите, на каждой папке Юрий от руки подписал названия: Тайна имени Шекспира, Пушкин и граф Воронцов, Суд музы истории над писателем И.С. Тургеневым и другие.
  - Почему суд? В чём он провинился? заинтересовалась Лиза.
- Тургенев был в ссоре с четырьмя писателями: Толстым, Гончаровым, Достоевским и Некрасовым, пояснила Маша. Дед по образованию был юрист, поэтому изложил историю этих ссор в виде судебных заседаний. А председателем суда назначил музу истории Клио. В качестве свидетелей она вызывала их современников и выслушивала их «показания», взятые из их воспоминаний. Клио оправдала Тургенева по всем четырем делам.
- Оправдала не Клио, а Юрий, выступивший в роли адвоката Тургенева, возразила Татьяна Юрьевна. Меня его доводы не убедили, особенно в деле о ссоре Тургенева с Некрасовым.
  - А из-за чего они поссорились?

– Формально ссора произошла из-за того, что Некрасов присвоил наследство Тучковой-Огаревой будто бы в целях личного обогащения. Но Некрасов, не отрицая сам факт присвоения, утверждал, что эти деньги он истратил на общеполезное дело, на издание «Современника». Мне думается, что эта история с присвоением наследства была лишь внешним поводом, – ответила Татьяна Юрьевна, – а причина заключалась в глубоких разногласиях, которые разделяли издателей «Колокола» и издателей «Современника». Те и другие были «демократами», но одни – буржуазными, а другие – «народными». Буржуазные демократы решали проблему обустройства, глядя из Лондона, а народные демократы, живя в России. При такой разнице точек зрения – одни смотрят снаружи, а другие изнутри – «объект» выглядит по-разному, и между наблюдателями неизбежно возникают разногласия, а разногласие ведёт противостоянию и борьбе. В борьбе с идеологическим противником, как показывает практика, любые средства хороши, вплоть до шельмования и сбора «компромата». Зная это, можно предположить, что шум по поводу «присвоения наследства» был поднят с одной целью – дискредитировать идейного противника. Тургеневу многие годы удавалось сидеть на двух стульях, но в этой истории он предпочел пересесть на тот, что стоял в Париже. По воле Юрия обвиняемым стал не Тургенев, а Некрасов, но у него на этом «Суде» защитников не нашлось. Поэтому я считаю этот суд неправедным и пристрастным.

Маша, при всей её любви к деду, на этот раз была полностью согласна с мамой и, как всегда, была восхищена её логикой и умением расставить точки над «i».

— На Суде защитников не нашлось, — сказала она, — но у нас в доме нашлась защитница, моя бабушка. Я хорошо помню, как она прервала деда и сказала, что его «свидетели» изображают Некрасова дельцом, картёжником и многоженцем, но к ссоре с Тургеневым всё это никакого отношения не имеет. Ведь Тургенев поссорился с ним не потому, что Некрасов играл в карты и любил женщин. «Зачем, в таком случае, ты об этом рассказываешь?» — спросила она деда. Наверное, он объяснил, зачем, но бабушка сказала, что не хочет слышать разные сплетни о великом поэте, и попросила его прекратить чтение. Дед не стал спорить. И никогда при ней уже больше эту тему не затрагивал. Хотя, конечно, остался при своем убеждении.

Пока Виктор упаковывал папки с трудами Юрия Александровича, Софья Петровна успела показать Лизе альбом со старыми фотографиями. Одну из них, с изображением молодых Ксении, Нины и Бориса Белявских, она взяла в руки, и прочитала написанные на обороте стихи Надсона:

... Иди, не падая душою, Своею торною тропой, Встречая грудью молодою, Все бури жизни молодой. Буди уснувших в мгле глубокой, Упавшим – руку подавай, И слово истины высокой В толпу, как луч живой, бросай.

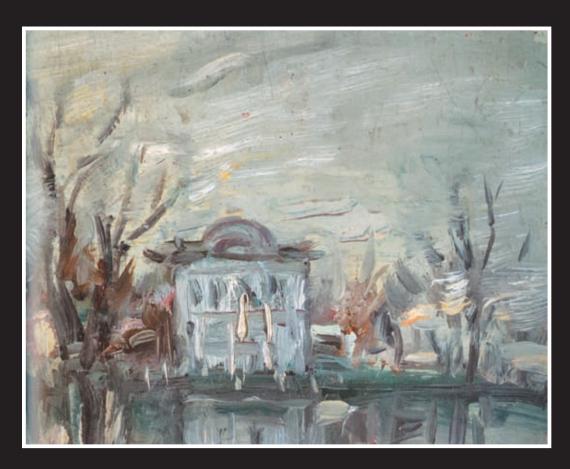
— Целое поколение молодых людей было воспитано на идеалах, воспетых в стихах Надсона и Некрасова, — сказала она, глядя на их молодые одухотворенные лица. — Они выбрали «дорогу честную». По ней Некрасов призывал идти молодежь: «Иди к униженным, иди к обиженным, там нужен ты». И они по ней шли всю жизнь, оставаясь верными идеалам своей молодости. Вот и кузина-толстовка, о которой я вам рассказывала. После разгрома усадьбы она никуда не уехала, осталась жить среди тех, кто разгромил усадьбу, и до глубокой старости учила их детей в сельской школе.

— Мне приходилось в *Самиздате* читать статьи о «первой волне эмиграции», — сказала Маша. — Авторы твердят, будто родину покинули все мыслящие и творческие люди. Но это неправда. В России вполне сознательно остались тысячи **тружеников**, врачей, учителей, инженеров. Они не вступали в партию, и потому никогда не имели никаких льгот и привилегий. Иногда они называли себя «беспартийными большевиками». И как самоотверженно, с каким бескорыстием они трудились! Кстати, хотя дед и не был поклонником Некрасова, но и он остался в России вполне сознательно. А у него был выбор. Когда Кубань была под властью армии Деникина, ему предлагали уехать с семьей в эмиграцию. Зная о том, что он пережил, я как-то раз сказала ему, что в его положении разумнее было уехать, и спросила, не пожалел ли он, что остался. Но он сказал, что нет, никогда не жалел, даже в самые тяжелые минуты, потому что не мог представить свою жизнь вне России, какой бы она ни была.

Пора было собираться в дорогу. Софья Петровна с грустью проводила их до калитки и долго глядела им вслед. Электричка пришла полупустая, так что ехали с комфортом и за разговорами два часа промелькнули быстро. При прощании Виктор предложил продолжить столь удачно начавшиеся совместные визиты и посетить ещё один дом. Маша сразу поняла, о ком он говорит. Виктору хотелось познакомить Лизу с Еленой Дмитриевной. Она была школьной подругой Татьяны Юрьевны и работала на Мультфильме художницей. В её доме было много интересного. Они с Машей не только сами часто навещали её, но и приводили сюда друзей, интересующихся искусством. Маша обрадовалась предложению Виктора, потому что ей нужно было обсудить с Еленой Дмитриевной одну идею, но из-за этой кутерьмы в музее она никак не могла к ней выбраться.

Договорились, что Татьяна Юрьевна позвонит Леночке и спросит, когда ей будет удобно их принять. Елена Дмитриевна сказала, что будет ждать их в следующую субботу, и теперь читатель имеет возможность вместе с героями романа побывать ещё в одном замечательном уголке Старой Москвы и узнать о судьбе художника, рисунки которого украшают страницы этой книги.

М.К. Соколов. **Домик в парке**. Начало 1930-х Холст, масло. 15 х 18

М.К. Соколов. Московская улица. Начало 1930-х Из цикла «Уходящая Москва» Холст, масло. 55 х 67

Москва. Дом Флёровых в Лиховом переулке. Фото 2007.

Н.В. Розанова-Верещагина Катерина. Иллюстрация к драме А.Н. Островского «Гроза»

Е.Д. Танненберг (1910–1985) Фото 1960-х

Н.В. Розанова-Верещагина (1900–1956) Фото 1930-х

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СУДЬБА ХУДОЖНИКА

... Как печальна судьба моя! Я нашёл решение живописных задач, которые смогу осуществить только я, — и вдруг катастрофа, и всё должно умереть со мною.

М. К. Соколов. Письма. 1940, лагерь

ом в Лиховом переулке, где жила Елена Дмитриевна, был построен до войны 1812 года и благополучно пережил московский пожар. Рассказывали, что Пушкин будто бы покупал в нём ковры. Вероятно, эта легенда возникла потому, что в том же дворе когда-то была ковровая фабрика, а имя Пушкина придавало любому дому особую значимость. В соседнем доме жил каретник, и до революции во дворе стояли роскошные, чуть ли не императорские кареты.

Достоверная история дома начинается в 1860-х годах, когда его купил цензор Московского университета и воспитатель детей графов Строгановых, Василий Павлович Флёров. Судя по фамилии (от франц. fleur – цветок), он был выходцем из духовенства. В духовных семинариях существовал обычай давать выпускникам искусственные фамилии, нередко экзотические. Среди них были и «цветочные», такие как: Гиацинтов, Левкоев, Лилеев, Нарциссов, Розанов и Фиалков. Одним из издателей журнала «Духовный Христианин» был священник Флёров Иван Ефимович (1827-1879). Флёровы, о которых идёт речь, тоже были выходцами из духовенства.

Сын цензора, Сергей Васильевич Флёров (1841-1901), окончил историкофилологический факультет Московского университета и со временем стал известным педагогом и театральным критиком. Он был постоянным сотрудником «Русского вестника» и «Московских ведомостей», где печатал свои очерки о театре под псевдонимом С. Васильев. В этом доме он прожил всю жизнь. В его гостиной бывали все театральные знаменитости Москвы: Южин, Садовский, Станиславский, Лилина, Ермолова и другие. Ермолова и жила неподалёку, в переулке, который теперь носит её имя. Стены столовой были увещаны фотографиями известных актёров и актрис, художников и писателей того времени.

Одна из дочерей С.В. Флёрова, Вера Сергеевна, вышла замуж за Дмитрия Танненберга. В 1911 году родилась их дочь **Елена**. Мать рано умерла от чахотки, и Леночку воспитывала её тётя, Наталья Сергеевна.

После Октябрьской революции Флёровы как бывшие домовладельцы подлежали или выселению, или, в лучшем случае, «уплотнению». В первые годы они старались «самоуплотниться»: в одной из комнат поселился краснодеревщик, в других кто-то ещё. Однако до начала 1920 года они всё ещё занимали внизу две большие комнаты: гостиную и столовую. В столовой стояла маленькая печурка, «буржуйка», — предмет обстановки, ставший символом эпохи военного коммунизма.

Однако в 1920 году их «уплотнили» окончательно. При этом «экспроприация экспроприаторов» была произведена в одночасье. Елене Дмитриевне было тогда 8 лет. Страшная сцена врезалась в её память на всю жизнь. По её рассказам, случилось это зимой в воскресенье, когда Флёровы сидели в столовой и ели свой скудный обед. Внезапно в столовую вошел секретарь Реввоенсовета товарищ Даупис и положил на стол браунинг. Он был из славных латышских стрелков и со свойственной им решительностью заявил: «Выходите все, вот вам комната наверху, а всё остальное я занимаю». При этом он запретил им забрать с собою их личные вещи, даже постельное бельё, не говоря уж о фотографиях.

С этого дня Леночка с тётей поселились в маленькой комнате в мансарде, а гостиную и столовую заняли семьи двух «экспроприаторов»: латышского стрелка Дауписа и его приятеля Кривенко, четвертого кавалера ордена «Красной звезды». Оба люто ненавидели выселенных в мансарду «буржуев». По словам Леночки, стрелок Даупис был «настоящий палач». Он не расставался со своим браунингом, из которого однажды застрелил во дворе пса Трезора.

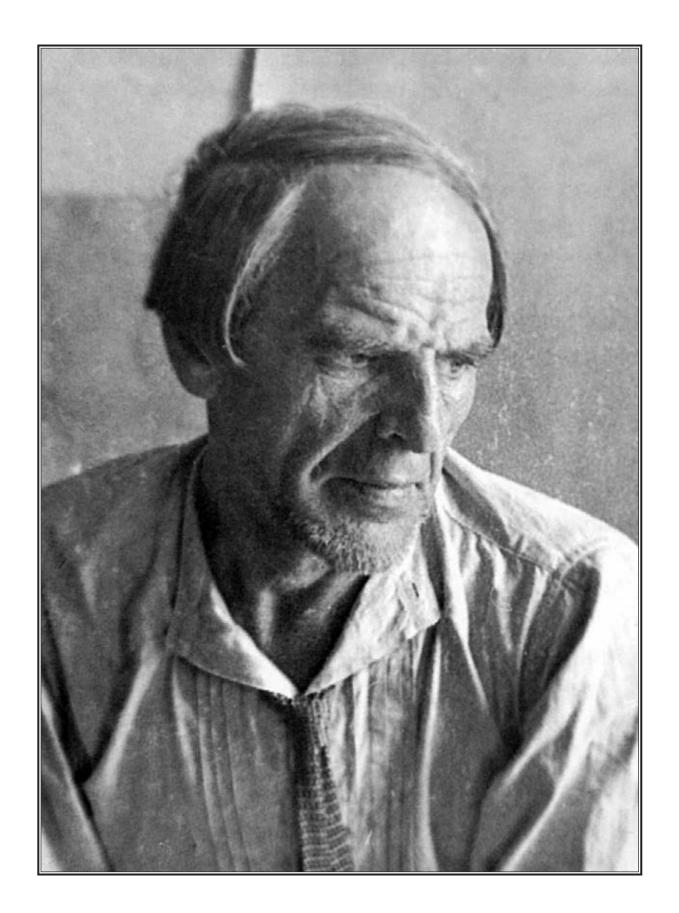
На что они жили в 20-е годы? Наталья Сергеевна знала несколько языков и зарабатывала на пропитание частными уроками. Жили они в постоянном страхе, всего боялись, и больше всего своих новых соседей. Особенно страшно было тогда, когда Кривенко ссорился с женой, выгонял её на улицу и в припадке бешенства начинал стрелять в потолок.

Страх этот остался в душе Леночки на всю жизнь. Маша записывала рассказ Елены Дмитриевны в 1970-е годы, то есть через 50 лет, но и тогда она просила не называть подлинного имени латышского стрелка, опасаясь, как бы это не принесло ей неприятностей. Основания для опасений у неё были. Дело в том, что хотя в 30-е годы Дауписа расстреляли, но его жена и дочь по-прежнему жили в этом доме. Со временем в рамки с фотографиями артистов и писателей 1890-х годов они вставили свои семейные фотографии. 16 октября 1941 года, когда вся Москва в панике ожидала прихода немцев, жена и дочь Дауписа жгли в печке тома сочинений Ленина и свои фотографии. Вероятнее всего, сожгли и те, старинные. Во всяком случае, они их Флёровым так и не отдали.

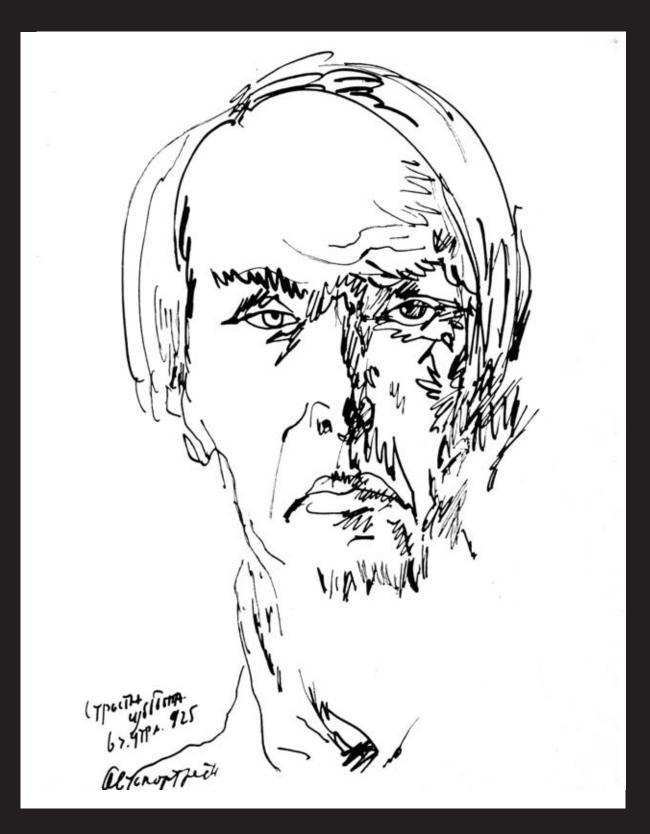
* * *

Однажды в разгар Оттепели мама предложила Маше вместе пойти к Елене Дмитриевне, чтобы посмотреть изумительные рисунки её подруги **Надежды Васильевны Розановой** и её мужа, художника **Михаила Ксенофонтовича Соколова.** Мама рассказывала, что этот художник был арестован ещё до войны и сидел в лагере где-то в Сибири. И вот там он, несмотря ни на что, продолжал рисовать и посылал свои крохотные рисунки в письмах к друзьям. В следующий раз они пошли к Елене Дмитриевне вместе.

Маша хорошо помнила впечатления от первого посещения. Из тускло освещённой передней они с мамой по витой деревянной лестнице поднялись на второй этаж и оказались в маленькой комнате. Справа от входной двери высилась выложенная белым кафелем печь с медной задвижкой. Посреди комнаты стоял на одной ноге круглый стол из красного дерева, вокруг него — старые кресла. У стены слева стоял обтянутый темно-зелёным шелком диван. Над ним висел пейзаж Нестерова, подаренный Флёрову самим художником, и портреты прадеда и деда в старинных рамах. Стены были увешаны живописными работами М.К. Соколова, пейзажами и натюрмортами. Особенно ей понравились городские пейзажи из цикла «Уходящая Москва».

Михаил Ксенофонтович СОКОЛОВ1885 – 1947
Фото 1938 (незадолго до ареста)

М.К. Соколов. **Автопортрет**. 1925 Надпись: «Страстная суббота. 6 ч. утра. 925. Автопортрет». Бумага, перо, тушь. 22,4 х 17,4.

В старинном секретере из карельской березы хранились рисунки двух художников. Когда к Елене Дмитриевне приходили посетители, чтобы смотреть рисунки, крышка откидывалась, и она начинала вынимать одну за другой большие и малые папки. В них рисунки М.К. Соколова были разложены по циклам: «Адам и Ева», «Купальщицы», «Святой Себастьян», «Голгофа», «Дамы», «Всадники», «Цирк», «Французская Революция»; иллюстрации к Гофману, Диккенсу, Пушкину и Шекспиру. У него была манера рисовать множество вариантов на одну и ту же тему, а некоторые темы (например, «Дамы» и «Всадники») «не отпускали» его всю жизнь. Его рисунки, присланные из лагеря, ещё при жизни Надежды Васильевны были наклеены на листы тонированной темным цветом бумаги, по одному или по два рисунка на лист. Их были сотни, и размещались они в нескольких папках.

Обычно Елена Дмитриевна показывала их после других, и Маша каждый раз с нетерпением ждала этого момента. Но на этот раз, когда они шли под дождем от остановки по Лихову переулку к её дому, она с особым нетерпением ждала, когда откроется другая папка, а именно с портретами деятелей Французской Революции. И вот почему. Дело в том, что, изучая родословную Е.Ю. Скобцовой, матери Марии, она обратила внимание на фамилию Делоне. Об убийстве коменданта Бастилии она, возможно, что-то читала и раньше, но была уверена, что не знала, как его зовут. И, тем не менее, она твердо знала, что фамилию Делоне слышала раньше. Но где, когда, в связи с чем она могла её слышать? Сначала она вспомнила, что в конце 1960-х годов в документах Самиздата упоминался диссидент с фамилией Делоне. Вспомнила и, конечно, подумала, уж не родственник ли он матери Марии, а заодно и коменданту Бастилии? Ведь фамилия редкая для России. И всё же она продолжала сомневаться.

И только вчера, когда Виктор позвонил ей, чтобы напомнить, что завтра они идут к Елене Дмитриевне, её осенило. Может быть, фамилию Делоне она видела на одном из портретов из цикла «Французская Революция»? Видела, но значения не придавала, потому что не знала, кто это. У неё сложилось впечатление, что на портретах художник изобразил только известных революционеров: Робеспьера и Сен-Жюста, Дантона и Демулена, Бабефа и Марата. Почему среди них оказался убитый санкюлотами комендант Бастилии? Впрочем, М.К. Соколов рисовал и портреты «классово чуждых» деятелей, таких как убийцу Марата, Шарлотту Корде, маршала Гоша. Разве не мог он нарисовать и злосчастного коменданта? Мог, но версия требовала проверки. Вот почему Маша с нетерпением ждала, когда откроется папка с «Французской Революцией». И если она увидит портрет с надписью Делоне, то пополнит свою коллекцию пересечений ещё одним примером скрытых от людей взаимосвязей. Скрытых, но реальных и требующих для своего обнаружения лишь скрупулезной работы по сопоставлению фактов.

Они вошли в знакомый двор, поднялись по знакомой лестнице и очутились в тепле и уюте, встреченные приветливой улыбкой Елены Дмитриевны. Секретер уже был открыт и на круглом столе лежали папки с большими рисунками. Просмотр начался. Елена Дмитриевна брала в руки лист за листом, показывала рисунок и давала самые краткие объяснения, справедливо полагая, что вещи говорят сами за себя. Будучи скромным человеком, она явно тяготилась вынужденно взятой на себя ролью публичного человека, но исполняла её ради дорогих её сердцу людей.

Надежда Васильевна Розанова сохранила письма М.К. Соколова за весь период своей переписки с ним с 1936 по 1947 годы, в том числе и письма, написанные в лагере. Обычно М.К. Соколов писал в них о своих рисунках, о красоте сибирской природы, о своих переживаниях, но в одном из них по её просьбе он описал обстановку, в которой ему довелось жить и творить долгие годы заточения.

1941, 15 января. Ст. Тайга, лагерь. «... В нашем бараке в настоящее время 110 человек. Нары по обе стороны в два этажа. Я на верхнем — здесь много теплее, но от табаку, а здесь курят только махорку, более душно, так как всякие запахи и дым, всё идет кверху, и этим приходится дышать. Всё это набито до отказа, и все инвалидыхроники — многие предельного возраста, свыше 70 лет. Сейчас я не работаю (принадлежу к первой категории инвалидов, которая освобождена от обязательной работы с нормой). Поэтому у меня сейчас время свободно...»

Беда в том, что наш барак освещается керосиновыми коптилками, и поэтому в бараке полутемно, если не сказать больше. День же сейчас очень короток. ... У меня к Вам просьба: написать Владимиру Сергеевичу, чтобы в посылке прислал очки. В них крайняя нужда [β лагере он быстро терял зрение]. Из книг хотелось бы «Войну и мир» Толстого, «Уединенное» и «Опавшие листья» [книги В.В. Розанова]. Но последние не пройдут, о чем не могу не жалеть. Пишите, если здоровье позволит, поскорее. Учтите, что дни у меня длиннее Ваших, и ожидание письма иногда становится невмочь. Ждешь, ждешь, а их всё нет...

1941, 27 марта. Ст. Тайга, лагерь. «... Спешу Вам сообщить о горестном для меня событии, да, событии — о распоряжении, запрещающем высылку книг, журналов, газет... сам я потерял всякую надежду. Теперь я буду лишен общения с человеческой мыслью, с искусством, без чего мыслящему и чувствующему человеку так тяжело. ...Тишина. Ночью [в бараке] слышно лишь дыхание спящих людей, в отличие от дня, когда круглый день стоит шум: брань, ссоры из-за пустяков и мат, просто беспричинный мат — беспрерывно».

В начале 1943 года вместе с другими заключенными, умиравшими от болезней и голода, Михаила Ксенофонтовича досрочно выпустили из лагеря, но без права вернуться в Москву, где до ареста у него была комната на Арбате. С большим трудом он добрался до Свердловска. Там, в эвакуации, жил его друг, художник Сергей Константинович Эйгес (1910 – 1944), адрес которого он знал. Эйгесы нашли его почти бездыханным у порога квартиры, где снимали комнату. Они выходили его настолько, что он смог добраться до Ярославля. Там он родился и вырос, там жили его престарелая мать, старший брат и две младшие сестры. В Ярославле он сразу же попал в больницу. Здесь ему пришлось пережить такие душевные страдания, которые казались ему более страшными, чем пережитое в лагере.

1943, 25 апреля. Ярославль, больница. «... Наконец-то после двухлетнего перерыва, получил вести от Вас. Это большая, большая радость, тем более в самые тяжелые для меня минуты — я лежу в больнице, болен, и болен безнадежно (в ночь с 9-го на 10-е апреля никто не думал, что доживу до утра). Полное обескровление и истощение приковало меня к постели, лежу целыми днями, как пласт. Вот пишу Вам также лёжа. Милая, дорогая Надежда, мужество покинуло меня. Умереть сейчас, не выходя из больницы, для меня величайшее благо, так как впереди стоит страшная ночь и смерть под забором. Это невольно страшит. А если бы Вы знали, как хочется жить, жить и работать, работать!»

1943, 13 и 17 сент. Норское, больница. «...Вы знаете, смерть сама по себе совершенно не страшна, страшно лишь само её преддверие, и я, может быть, ещё не раз пожалею, что, **пройдя и преддверие**, я *«не на той стороне»*. И ведь опять **стою в преддверии**... Вы, может быть, не поверите, но я жалею, что я не *«там»*, где был. Там было труднее, но была определенность, а сейчас всё ожидание, напряженность и полная неясность, что будет завтра. Это мучительно, невыносимо...»

1941, 29 апреля. Ст. Тайга, лагерь За последнее время написал несколько работмаслом... Есть сиреневые вечера тайги, есть зима, есть ночь с глубоким, глубоким небом (почти чистая лазурь лессировкой по черному грунту) и мерцающими звездами; есть к Диккенсу с вечерним голубым светом, кэбом и фонарем на углу. Все наполнено большой грустью (диккенсовской) и в то же время успокоением.

1941, 31 мая, ст. Тайга, лагерь ...Маслом добиться той красоты, которую видишь, — невозможно; даже акварель со всеми своими разливами (как у Тёрнера) бессильна. Здесь единственный материал, способный приблизить, — это пастель. Только она можетпередать, когда по серебру неба разбросаны облака дымчатого цвета, переходящего в черное, и самой неожиданной формы...

М. Соколов

М. Соколов

1945, 2-3 окт., Рыбинск

Сегодня солнце — и, значит буду бродить по городу, «питать себя красой последней, но такой прекрасной». Эту радость у меня никто не отнимет— любоваться небом, синей затуманенной далью, золотом кленов, киноварью рябин... Вчера был изумительный день — мягкий, теплый — я много бродил — насладился чудесным умиранием; на деревьях колышутся несколько листиков.

М. Соколов

АВТОПОРТРЕТ. 1940. Барак. Бумага, чернила коричневые. 6,3 x 5,3.

1941, 10 апреля. Ночь. Барак. Ну, довольно, довольно болпать, ареспантик. Пора спать. Много вижу снов и часто, часто Вас, и всегда так хорошо. Но только я там всегда моло- дой — не с такой седой головой и глу- бокими впадинами под глазами. Не будь седины и других внешних свойств — внутренне я чувствую себя таким же юным, как и в 18 лет и отътого я счастив...

АВТОПОРТРЕТ. 14 ин. 1943. Больница. Бумага, чернила фиолетовые, перо. 9,1 х 7,3.

1943, 29 мая. Больница в Ярославле. ...У меня сейчас на пумбочке флакончик с ландышем и веткой сирени — значит там, за стенами, полное цветение, жаізнь во всём своём великолепии, а я её даже из окна не вижу (койка далеко отокна, а я не встаю). Вы ведь знаете, как я любил это время года! Вместе с природой молодел сам, делался юношей. А сейчас? Чувствую дыхание смерти.

М.К. Соколов. **Смерть Пьеро**. 1931 Из цикла «**Смерть комедианти**» Бумага миллиметровая, тушь, перо, кисть. 20,3 x 30,9

Больницу, в которой лежал Михаил Ксенофонтович, должны были закрыть, а ему некуда было идти. Для таких людей — «без определённого места жительства» — в постсоветском государстве называют «бомжами». От представителей «среднего класса» можно услышать, что «бомжи» не люди. Попытки друзей устроить М.К. Соколова на работу в Загорск или в Ясную Поляну не увенчались успехом. В последний момент С.И. Лукьянов, его верный друг и спаситель, сумел получить справку от Горкома художников Ярославля, необходимую для того, чтобы М.К. Соколов мог устроиться на работу в Дом пионеров в городе Рыбинске на должность преподавателя в кружке ИЗО. И тут ему, наконец, повезло!

В письме от **25 ноября 1943** года он пишет уже из Рыбинска: «Директор Дома пионеров — милейший человек, делает для меня всё, чтобы мне было как можно лучше!» Оказывается, как много может сделать один порядочный человек в любых условиях! В Доме пионеров ему отвели две комнаты. Одна с печкой 10 кв. м — его спальня и кабинет, а вторая 18 кв. м — его мастерская-студия. Исполком распорядился выдать ему кровать, матрац, подушку, стол, стулья и другие хозяйственные мелочи. Выписали также два костюма рабочих (бумажных — черные), валенки, шарф. Его прикрепили к лучшей столовой, где «дают завтрак, обед с хлебом, булочкой, сахаром и чашкой кофе, второе — мясное. По карточкам хлеба будет получать 500 грамм в день».

Так Михаил Ксенофонтович поселился в Рыбинске и стал учить рисованию детей. Как ни странно, но он и в Рыбинске продолжал писать свои «пустяки», как он называл свои лагерные рисунки. Одновременно он вновь стал писать картины более крупного размера маслом. В этой обычной технике он создал циклы натюрмортов «Рыбы» и «Птицы». Nature morte в переводе с французского означает «мертвая природа», и, как говорят словари, «в изобразительном искусстве натюрморты — это изображения предметов обихода, битой дичи, убитых птиц и рыб, сорванных фруктов и цветов».

В письме к другу юности, известному теоретику искусства Николаю Михайловичу **Тарабукину** (1889-1956) художник писал в 1945 году: «У меня задумана книга «**Путешествие за смертью»** – на фактическом материале. Только условия мешают приступить к осуществлению. ...Материал богатый во всех отношениях – и в бытовом, **и в философском** смысле». Смерть была постоянным предметом размышлений М.К. Соколова. Цикл «Птицы» оказался «прощальным», завершением его пути к смерти.

За два года до смерти, в письме к Н.В. Розановой от 17-18 сентября 1945 года он писал: «Скоро 19 сентября, день «Чуда архистратига Михаила в Хонех». В день «ЧудА» я родился — вот и прошел жизнь «чудом». В 1915 году художник Штемберг дал мне прозвище «Летучий Голландец», и оно оказалось пророческим. Двадцать лет блужданий, без пристанища для души и сердца. Мысленно прохожу свои пути — какой все же «пожар» во мне был! И никто не заметил! Да, никто!!! Но удивляться тому не приходится — в жизни всегда так бывает.

Завтра исполняется 60 лет!? Перешагну седьмой десяток, и остался, оказывается, мальчишкой 17 лет по чувствам, по жажде жизни и познания её... Поздравлений не будет. Сожалею ли? Нет. Но провести вечер среди близких — поднять свой бокал с «шипучкой» и сказать: «Да здравствует жизнь, черт бы её побрал!» — не плохо было бы. Это и проделаю в одиночьи...»

Н.В. Розанова, его друзья и ученики пытались добиться от властей разрешения ему жить в Москве или хотя бы в Подмосковье. Они знали, что получению такого разрешения могло способствовать восстановление членства М.К. Соколова в Московском отделении Союза художников. Но члены МОСХ, собратья по цеху, не спешили с этим делом.

Отказ следовал за отказом. К тому времени, когда они смилостивились и вторично приняли его в МОСХ, было уже поздно. В 1947 году врачи обнаружили у него рак. Удалось положить его на лечение в институт имени Склифосовского. Он умер в больнице **29 сентября 1947 года.** На этот раз чуда не случилось: он умер через 10 дней после того, как в день «Чуда Михаила в Хонех» ему исполнилось **62 года.** Художник Михаил Ксенофонтович Соколов был похоронен на Пятницком кладбище в Москве, и могила его сохранилась.

Живя в Рыбинске, он не раз подбирал брошенных собак, сбитых и искалеченных птиц, кормил и выхаживал их. Однажды на дворе он подобрал галчонка, выпавшего из гнезда, и они стали друзьями. В письме к Н.М. Тарабукину в 1944 году он писал: «Я с ним делю дни, ночи, вечера и свои мысли». Этот галчонок погиб — его задушила крыса. Свою книгу «Путешествие за смертью» Михаил Ксенофонтович не успел написать, но, запечатлев своего «Галчонка» на холсте, создал картину, о которой искусствовед Н.М. Тарабукин в своих воспоминаниях о художнике написал так:

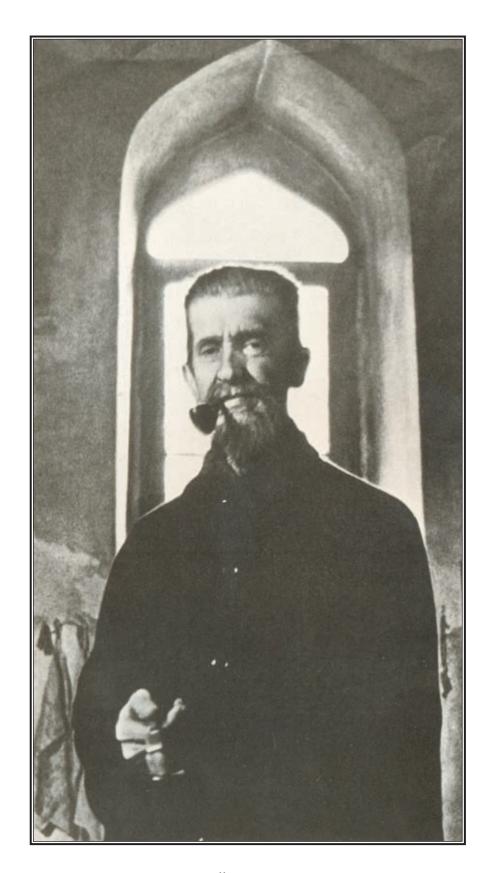
«Из полотен, написанных маслом в Рыбинске, в свой приезд в Москву летом 1946 года Соколов привёз «Галчонка», страшную, «гойевскую» вещь. Чёрное и берлинская лазурь сплелись в зловещую гамму, словно выстраданную в жестоких муках. Мировая живопись не знала такого «натюрморта». Перед ним «натюрморты» голландцев XVI столетия с их бутафорией и черепами кажутся детскими пугалами. Соколов создал не «мертвую натуру», а написал саму смерть, без аллегорической косы и традиционного оскала зубов, а так, как она является человеку в последнюю минуту жизни всегда в непредвиденном ощущении.

Соколовский «Галчонок» отныне стал самым страшным по безнадёжности «реквиемом», когда-либо написанным человеком. ...Ни циничная «Пляска смерти» Гольбейна, ни преисполненный патетики «Танец смерти» Листа — ничто возле молчания Смерти Соколова. Это произведение когда-нибудь будет оценено как шедевр искусства».

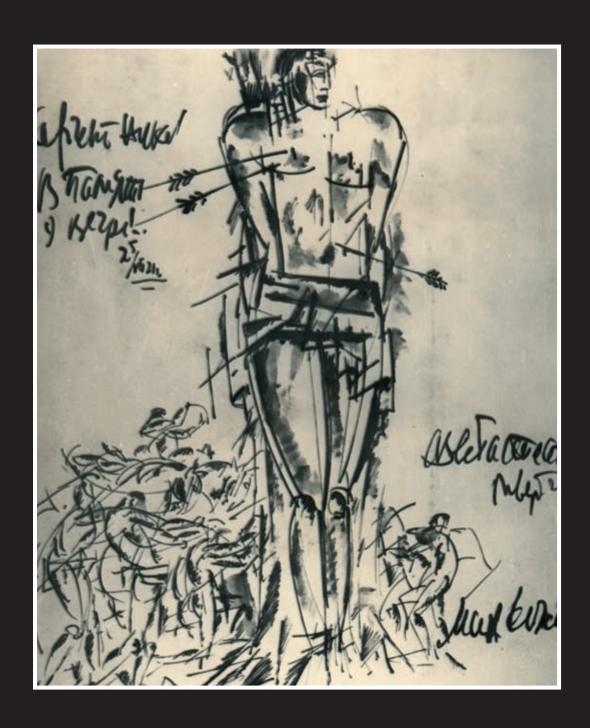
Елена Дмитриевна на протяжении многих лет избегала расспросов о жизни М.К. Соколова до ареста, о явных и подспудных причинах его ареста. Но из-за деда у Маши был повышенный интерес к людям, прошедшим лагеря, поэтому она продолжала при каждом удобном случае задавать вопросы. Наконец, Елена Дмитриевна год назад дала ей читать эти письма и рассказала немного о жизни Надежды Васильевны.

Надежда Васильевна (1900-1956) была дочерью философа В.В. Розанова (1856-1919). После Революции их семья жила в Загорске. Там она поступила в Библиотечный техникум и вскоре вышла замуж за курсанта Радиотехнической Академии, Верещагина. Вместе с ним в 1929 году она переехала в Москву, где сначала поступила в Изотехникум Монка, а затем в студию Леблана. Там они и познакомились с Еленой Дмитриевной, и с тех пор дружили всю жизнь. В 1931 году они ушли из студии и поступили в театр Немировича-Данченко декораторами. В 1933 году вместе пошли работать в Мультстудию. В 1936 году Надежда Васильевна развелась с мужем и переехала в Ленинград, где работала в студии «Союзмультфильм». После войны они опять вместе работали на Мультфильме.

С М.К. Соколовым Надежду Васильевну познакомил искусствовед Н.М. Тарабукин (1889-1956). Живя в Москве, она брала уроки у М.К. Соколова, а после её отъезда в Ленинград они начали переписываться. Как художник-иллюстратор Н.В. Верещагина начала рисовать «для себя», когда ей было почти 40 лет. Она рисовала иллюстрации к Диккенсу, Андерсену, Пушкину, к «Грозе» Островского и библейской книге «Руфь». В начале 1950-х годов она начала рисовать иллюстрации к ранним произведениям Достоевского.

Сергей Николаевич ЮРЕНЕВ(1893 – 1973)
Фото 1965 года. Бухара

М.К. Соколов. Св. Себастиан. Тверь. 1921

С конца 1940-х годов Надежда Васильевна жила у Елены Дмитриевны и перевезла к ней все свои вещи. В 1956 году она умерла от сердечного приступа. Похоронена на Пятницком кладбище рядом с могилой Натальи Сергеевны Флёровой, тёти Леночки Танненберг. По завещанию Н.В. Верещагиной к Елене Дмитриевне перешли как рисунки самой Н.В. Верещагиной, так и те работы художника М.К. Соколова, которые хранились у неё.

В 1957 году Елене Дмитриевне удалось устроить первую выставку работ горячо любимой подруги. Несколько её рисунков приобрели Пушкинский Дом в Ленинграде и музей Ф.М. Достоевского в Москве. В 1960 году в ЦДРИ прошла вторая выставка её работ. Как художник она известна под фамилией Верещагина, но в новых каталогах её стали называть и по фамилии отца, Розановой.

Как только это стало возможно, Надежда Васильевна начала хлопотать о реабилитации М.К. Соколова, но она её не дождалась. Прошло 10 лет после смерти художника, и **в 1958 году** Верховный суд РСФСР отменил приговор Мосгорсуда в отношении М.К. Соколова и дело прекратил.

С именем художника Соколова в жизни Маши было связано ещё одно очень важное событие. Весной 1965 года, работая в экспедиции в Бухаре, она познакомилась с археологом и востоковедом Сергеем Николаевичем Юреневым. Однажды, когда Маша рассказывала ему о Елене Дмитриевне и о хранившихся у неё работах художника Соколова, Сергей Николаевич перебил её и спросил, как его звали. Она сказала, что его имя и отчество вряд ли что-нибудь ему скажут, потому что этот художник почти никому неизвестен. Тогда он спросил: «Может быть, это Михаил Ксенофонтович?»

Маша была потрясена, потому что не могла понять, откуда он мог знать его. Оказалось, что С.Н. Юренев был близко знаком с М.К. Соколовым в 1921-1922 годах в Твери, где художник преподавал в Художественных мастерских. Из разговора выяснилось, что у Сергея Николаевича сохранились около 100 рисунков М.К. Соколова, которые он дарил ему в те годы. Сергей Николаевич не только показал эти рисунки Маше, но позволил их переснять, чтобы она могла отдать фотокопии Елене Дмитриевне. Так, совершенно случайно, через 40 лет и за тысячи верст от Твери ещё раз пересеклись судьбы этих двух замечательных людей.

С.Н. ЮРЕНЕВ родился в Витебске в 1893 году, и происходил из древнего рода. Его отец, по образованию юрист, был управляющим банка. Мать, итальянская графиня Росселли, была красавицей. Сергей Николаевич и три его брата учились на юридическом факультете в Санкт-Петербурге. Сергей Николаевич одновременно учился и на историко-филологическом факультете. После окончания университета из двух профессий, юриста и историка искусств, он выбрал вторую. Как искусствовед он принимал живейшее участие в устроении художественных выставок и потому был знаком со многими известными художниками. С той поры у него сохранился альбом с их рисунками-автографами.

В 1920-м году Юреневых выслали из Витебска. Им было приказано покинуть родной город за 24 часа и переселиться **в Тверь**. Зимой 1921 года М.К. Соколов начал преподавать в Свободных художественных мастерских Твери. Тогда-то Михаил Ксенофонтович и познакомился с братьями Юреневыми, поэтом и критиком Владимиром Николаевичем и историком-искусствоведом Сергеем Николаевичем, работавшим в краеведческом музее.

В 20-х годах их старший брат, Юрий, был арестован и сослан на Соловки. После этого, С.Н. Юренев принял приглашение поехать в Среднюю Азию, чтобы преподавать в только что открытых там ВУЗах. За годы работы в Пединститутах Намангана и Бухары, он настолько увлёкся историей и культурой Востока, что думал остаться здесь навсегда. Но случилось по-другому.

В 1938 году тяжело заболела его мать. К этому времени уже был арестован его второй брат, Владимир, и его жена просила Сергея Николаевича вернуться в Калинин, чтобы помочь ухаживать за матерью. Путь шел через Москву, и он решил повидаться с М.К. Соколовым. Он пришел по его старому адресу и только тогда узнал о его аресте. Им так и не довелось увидеться.

Началась война, и осенью 1941 года немцы взяли Калинин. Местные власти не сумели организовать эвакуацию населения, так что жители спасались сами, переправляясь на лодках на другой берег Волги, а далее шли пешком с грузом наспех взятого скарба. Те, у кого на это не было сил, были вынуждены остаться в оккупированном фашистами городе. Среди таковых оказался и Сергей Николаевич, потому что на его руках оставалась тяжело больная мать. В эти дни беспорядочного бегства он отлучался из дома для того, чтобы успеть до прихода немцев спрятать в подвалах музея наиболее ценные картины и экспонаты. С приходом немцев музей не был закрыт, и Сергей Николаевич продолжал работать. Для решения текущих проблем ему пригодилось знание немецкого языка, но оно же и погубило его.

Оккупанты продержались всего месяц, и 16 декабря 1941 года Калинин был освобожден Красной армией. Но зато Сергей Николаевич по ложному доносу был тотчас арестован и в январе 1942 года осужден на 10 лет «за сотрудничество с оккупантами». Его отправили в Мордовские лагеря, где он так же, как М.К. Соколов, в конце концов, был освобожден от общих работ и помещён в больничный барак. Там он медленно умирал от пеллагры (хроническая цинга), но раньше срока его не выпустили. По освобождении так же, как Соколову, ему было запрещено жить в крупных городах. Он выбрал для жительства любимую Бухару.

Первое время он не мог устроиться на работу и **умирал с голода**. Один московский журналист с большим трудом устроил его в больницу. И **так же, как Соколова**, его там выходили. На свободе он прожил **21 год**, намного дольше, чем Соколов, но **так же, как и он**, Сергей Николаевич **заболел раком**. Он умер **30 октября 1973 года** и по его завещанию был погребён на русском кладбище в Бухаре.

Недавно Автору стало известно, что после отделения от России **благодарные** узбеки назвали одну из улиц в Бухаре именем этого удивительного русского. А помнят ли Юренева «благодарные россияне»? Если и помнят, то своеобразно. На земле, пропитанной кровью миллионов своих соотечественников, они строят мраморно-гранитные мемориалы фашистам-оккупантам, а человек, осуждённый по ложному доносу за «сотрудничество» с ними, до сих пор — и в это трудно поверить! — не реабилитирован!!!

Но оставим столь болезненную тему и вернёмся в старый дом в Лиховом переулке, где гости Елены Дмитриевны как раз приступили к просмотру рисунков из папки с надписью «Французская Революция». К великой радости Маши, на одном из портретов она увидела надпись «Делоне», сделанную самим художником. Таким образом, её предположение подтвердилось. Она подумала, что это «открытие» вряд ли кого-либо заинтересует, и поэтому решила ничего не говорить своим собеседникам. Единственным человеком, который мог бы порадоваться вместе с нею, был Автор. Ведь это пересечение произошло прямо на страницах его романа, и он никак не мог его подстроить. Заранее он не мог знать о том, что одна и та же нить связывает не только начало Революции во Франции (когда был убит комендант де Лоне) с эпохой Революции в России (когда чуть не погибла его праправнучка) но тянется ещё дальше: к художнику, который нарисовал его портрет в разгар Террора в Советском Союзе и тоже чуть не погиб. И, конечно, Автор заметит, что картины этого художника представлены в романе, написанном в эпоху очередной Революции. Кроме поиска портрета Делоне, у Маши было ещё одно дело, которое она задумала обсудить с Еленой Дмитриевной.

Она знала, что Елена Дмитриевна озабочена тем, как устроить ещё одну выставку М.К. Соколова, но помочь ей ничем не могла. Единственное, что было в её силах, это устроить выставку его работ у себя в квартире. С этим предложением она и обратилась к Елене Дмитриевне в тот вечер. Татьяна Юрьевна знала о планах дочери и, как всегда, отнеслась к ним весьма скептически. Она считала, что нет смысла всё это затевать, потому что на оформление работ придется потратить много сил, а посмотреть такую домашнюю выставку смогут немногие. К тому же Татьяна Юрьевна была уверена, что Леночка не согласится. Маша тоже не очень надеялась на её согласие, полагая, что она побоится отдавать работы из своего дома в другое место. Но, как ни странно, Елена Дмитриевна согласилась легко, и было заметно, как она обрадовалась этому предложению.

Они не стали откладывать дело в долгий ящик. Пока Татьяна Юрьевна, Виктор и Лиза рассматривали маленькие рисунки Михаила Ксенофонтовича, Елена Дмитриевна и Маша начали составлять примерный список того, что можно будет выставить на стенах комнаты площадью менее 20 квадратных метров. Договорились о том, что через неделю Леночка приедет к Маше вместе с Татьяной Юрьевной и тогда они уточнят план развески на месте. Встал вопрос, когда лучше это устраивать? Ясно было, что до Нового года они не успеют, потому что все силы будут заняты на подготовке к Пиру при дворе короля Людовика. К тому же зимой холодно, зимняя одежда загромождает и без того тесную переднюю. Так что лучше выставку устроить ближе к весне, лучше всего в апреле. На том и остановились.

Папки были убраны в секретер, откидная крышка его была поднята и закрыта на ключ. Поставили чайник на плиту в крохотной кухне и стали накрывать на стол. Пить чай у Леночки почему-то было особенно вкусно и уютно. Маша спросила, придет ли Елена Дмитриевна на Пир к Людовику, и тут же добавила, что на этот раз Версаль расположен совсем близко от Лихова переулка, на Самотёке. Елена Дмитриевна рассмеялась и сказала, что придет обязательно. До этого события оставалось чуть более месяца, и о нём рассказано в следующей главе. Выставка, о которой Маша договорилась с Еленой Дмитриевной в тот ноябрьский вечер, открылась в апреле 1982 года, и её посмотрели всего 70 человек.

В заключение этой главы надо сказать и о том, что вскоре Елена Дмитриевна переехала из дома в Лиховом переулке на окраину Москвы, в новую квартиру. Однажды из Болгарии в Москву приехал поэт и художник **Иван Теофилов**, муж машиной подруги. Маша предложила ему поехать к Елене Дмитриевне, чтобы посмотреть работы М.К. Соколова. Вечер, проведённый им в доме Елены Дмитриевны, видимо, произвёл на него неизгладимое впечатление. Когда он узнал о её смерти, он написал и опубликовал в болгарском журнале «Факел» (№2 за 1987) удивительно теплые воспоминания о ней. Свой очерк Иван написал, естественно, на болгарском языке, поэтому Маше самой пришлось переводить текст на русский язык. С её согласия Автор приводит этот очерк с небольшими сокращениями.

РЫЦАРЬ И ДАМА СЕРДЦА

«В январе прошлого года я получил письмо от моей московской приятельницы, в котором она с нескрываемой болью сообщала, что почила Елена Дмитриевна. И мне вспомнились те чудесные осенние дни в Москве за три года до этого, когда я ехал в Сибирь. Маша предложила мне посетить Елену Дмитриевну, которая хранила творческое наследие «волшебного», по словам Маши, художника, репрессированного, но продолжавшего рисовать и в лагере.

Мы взяли такси, по пути заехали на рынок за цветами и вскоре были у Елены Дмитриевны. Хозяйка – тоненькая сухая старица. Быстрая, изящная в движениях. Ни на миг не присаживаясь, она вынимала из огромного старинного бюро одну за другой большие и объемистые папки с прилежно разложенными рисунками и миниатюрами. И стала показывать листы этого невероятного графического богатства, новизна которого заблистала пред моими очами с редкой изысканностью пластического языка. Здесь были и ранние работы художника, исполненные в кубистической манере. Была и цветная графика — рисунки, исполненные в мглисто-розовых и нежно-голубоватых тонах. ...И тихий, немногословный рассказ Елены Дмитриевны о художнике. Так, непринужденно, я познакомился с жизнью и творчеством «артистичного бога» Михаила.

<...>Пока мы пили чай, я незаметно вглядывался в лицо Елены Дмитриевны. На первый взгляд оно строго, даже аскетично, но затем я увидел в нём ту самобытность и особенную выразительность, которая постепенно и все более убедительно высвечивала свойственную ей трепещущую, лучезарную духовность. В сущности, кто ты? Подруга почившей жены художника. Возможна ли такая удивительная преданность? Чудачество ли это или действительное ощущение долга перед временем в терпеливом ожидании переоценки ценностей? Ужели существуют такие люди?

И вот в октябре прошлого года, будучи в Москве, я посетил галерею при Центральном доме художника. В одном из самых больших залов было размещено живописное и графическое наследие Михаила Соколова. Вспомнил Елену Дмитриевну и радовался за неё. Всё-таки, всё-таки свершилось. ...Не зря ты ожидала и предугадывала Время переоценки! На каждой странице каталога нахожу её имя: «Из собрания Е.Д. Танненберг»... Той самой, которая более 30 лет хранила наследие художника, хранила и надежду на то, что когда-нибудь чудо сотворенной им красоты увидят и поймут многие. О нём искусствовед Н.М. Тарабукин с болью и удивлением написал в своих воспоминаниях:

«Он был верен искусству, как средневековый рыцарь своей Даме сердца. На Щите Соколова было написано старинное изречение всех рыцарей искусства: «Жизнь коротка — искусство вечно». ... Он был апостолом прекрасного. И до последнего дыхания не изменил себе».

М.К. Соколов. **Арлекин**. Начало 1930-х Бумага, тушь, перо, кисть. 29,6 х 22,3.

М.К. Соколов. **Комедианты.** Начало 1930-х Бумага, пастель. 44 х 37

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПРАЗДНИК

Милую сказку далёких времён Помнишь ли ты? – Помнишь ли ты?..

Старинная детская песенка

Парижа? Там готовились к торжественному приему послов по случаю наступившего тысяча семьсот какого-то Нового года. Слуги во дворце вытряхивали ковры, вставляли свечи в медные канделябры, протирали зеркала и выбивали пыль из обитого бархатом трона. Всем гостям заранее были разосланы по почте приглашения с личной печатью короля и его подписью. Во всех уголках заснеженной столицы прекрасные дамы, маркизы и лорды, волшебницы и мушкетеры, принцы и принцессы с раннего утра гладили помятые в сундуках шелковые платья и кружева из Брабанта, чистили шляпы и прикрепляли к ним страусовые перья, извлекали из шкатулок ожерелья и драгоценные перстни.

Ровно к двум часам к парадному входу дворца стали подкатывать запряженные цугом кареты и украшенные золотой резьбой коляски. Беспечные кавалеры легко соскакивали со своих лошадей, нетерпеливо перебирающих тонкими ногами. С помощью грумов и пажей сходили на землю закованные в доспехи рыцари...

В зале трепетали огоньки свечей. Стража, вооруженная алебардами и пиками, замерла у подножия трона, когда в переполненный придворными зал вошел Король со свитой и величественно прошествовал к своему трону. Тотчас к расписным плафонам потолка взвились тонкие струи звуков из гобоев, флейт и кларнетов; вздрогнули смычки в руках скрипачей; тяжело вздохнул контрабас; в редкие паузы нахлынувших звуков можно было услышать дребезжание клавесина.

Сколько прекрасных дам и благородных кавалеров! Блеск глаз и драгоценных камней, шелест парчовых тканей и восторженный шепот, редкое звяканье шпор и тяжелого оружия! Да здравствует король Франции! Виват! Это он, с доброй улыбкой, в золотой короне и бархатной мантии, встречает «несусветные посольства».

Они прибыли в Версаль из Багдада, Египта и Китая, из высокомерной Англии и сказочной Индии, из полунощной Дании и даже из замкнутой Японии. Китайцы вежливо прятали улыбочки за бамбуковыми веерами. Французские дамы нервно вздрагивали белоснежными плечами, а совершенно неподвижная стража тайком косила глаза на неведомых иноземцев. Полуголые папуасы с барабанами завершали шествие. Впереди них шёл в розовой юбочке сам король папуасов, Бумба-Бумба, с двумя женами, толстой Тумбой-Тумбою и худющей Зумбой-Зумбою.

Наконец, черно-бархатный паж вышел на середину. Оркестр замолк, и звонкий голос пятилетнего Сережи оповестил всех собравшихся о начале торжества...

Разве все это было? В Версале? Полно. Неправда, не может быть.

Это бред, сон, **сказка** для детей. Ведь если отодвинуть тяжёлые занавеси, то за окном взгляд упрётся в кирпичную стену узкого проулка двора на Самотеке, а за входной дверью на разбитых ступенях узкой лестницы под светом тусклой лампочки вы увидите переполненное ведро для «пищевых отходов». В кухонное окно хорошо видно, как хозяйский кот Базилио крадётся мимо дворовой помойки. Вот — правда жизни. А здесь что же — подделка? Нет! Мы живём, мы празднуем жизнь вопреки всему. Да здравствует жизнь, король Франции, волшебники и феи, милые дети, добрые бабушки, прелестные мамы и весёлые отцы семейств! Версаль? — Ну да, на Самотёке. Почему бы и нет?

Однако что это за непредусмотренные сценарием реплики? К чему сей ропот скучных реалистов и любителей разоблачений? Король ждёт. Одно за другим посольства подносят дары, читают послания на длинных папирусных хартиях; радуют сердце короля танцами, фокусами, песнями и игрой на самых различных инструментах. В детской комнате у Диночки актеры Королевского театра готовятся предстать перед почтенной публикой и исполнить старую сказку о «Снежной королеве».

Прощайте, шифоньеры!
Прощайте, гарнитуры!
Адьё, мой драгоценный пипифакс!
Задёрнуты портьеры,
Расставлены фигуры,
Сегодня мы, сегодня мы —играем фарс!
Горят в шандалах свечи,
На стенах тень за тенью,
И тянет холодком из-за кулис;
Стихают в зале речи
И зал готов к явленью
Пунцовых от волнения актрис.

Ах, боже мой, но зачем мальчик Кай соглашается поцеловать Снежную Королеву? Его сердце превратилось в ледышку, и теперь он думает только о богатстве. Как трудно маленькой Герде! Хорошо, что у неё так много помощников: Ворон Карл (Серёжа Ниц) и его невеста Ворона Клара (трехлетняя Анечка), юный Принц (Егор) и красавица-принцесса (Дина), и маленькая разбойница, и мудрый олень... Это он доставил в Ледяной дворец Королевы бесстрашную Герду...

Но чем можно растопить хладное сердце Кая? — Только любовью, только любовью... Апофеоз! Король рукоплещет! Дамы восторженно машут веерами, а заботливые бабушки спешат на кухню — сейчас начнётся Пир.

Пока они накрывают длинный стол, Король и остальные отцы семейств удаляются в кабинет хозяина квартиры, знатного архитектора Сан Саныча. Там они распивают по рюмочке, и по второй, и по третьей... И курят, и спорят. А с ними и несколько прекрасных дам. И что же скрывать? Дамы тоже не отказываются от рюмки коньяка и сигарет. Мало того, они флиртуют. Это факт. Они флиртуют, смеются... Однако, пора идти в зал.

Стол ломится от роскошных яств. Груды ярко-оранжевых апельсинов из Египта, бледно-зелёные прозрачные гроздья чуть подвяленного винограда с Центрального рынка, бело-розовый зефир в фарфоровой вазе, пастила и орешки из Багдада, вафли и безе из лучших кондитерских Парижа и Сивцева-Вражка — чего тут только нет! Горы конфет, печений, пирогов, яблок — всё, чему невольно радуется душа ребенка.

Но вот несут чудо! — вазочки с мороженым, а сверху оно облито вареньем и посыпано орехами! Дети вкушают молча и сосредоточенно, а взрослые делают вид, что так... между прочим, а на самом деле тоже наслаждаются. Где ещё можно отведать такое угощение? Нигде. Только здесь, у Короля Франции, в роскошном Версале.

Всё съедено. Чай выпит и убран стол. Людовик привычно уселся на троне с детьми на коленях. Король Бумба-Бумба по-дикарски простодушно сел на крышку пианино. У ног Короля на персидском ковре разместилась разноплеменная толпа ребятишек, а на диванах более почтенная публика. Но все с одинаковым нетерпением ждут, когда же придёт Дед Мороз.

Чу! Звонок!

Дети бегут в переднюю и видят, как входит Дед Мороз. Он в валенках, с огромным мешком и лыжами в руках. Его борода и усы покрылись льдом, и в первую очередь он начинает сдирать с них сосульки. Уж не тот ли это милый старик, который разжигал там, далеко, на Сурминовском холме, костер? Да это он, доктор наук Олег Павлович Чижов, он же первая скрипка в театре-кабаре «Летучая мышь». Впрочем, здесь вся труппа в сборе.

Дед Мороз сначала пьёт чай, чтобы согреться, и, выпив три чашки, начинает раздавать детям подарки.

После этой церемонии гасят верхние огни. В зале таинственный полумрак. Все опять чего-то ждут. Отставив в угол алебарды, стражники по приказу короля удаляются в Его Королевскую Сокровищницу и приносят оттуда огромный двухметровый сундук. Около сундука в кресло усаживается неизвестно откуда взявшаяся Фея Моргана. Она в черном бархатном платье и широкополой шляпе со страусовым пером, сияющая от блеска алмазов, топазов, бриллиантов и прочих драгоценностей, купленных в магазинах «Уцененных товаров». Она сияет, но строга и недоступна, как и подобает моменту.

Со скрипом крышка сундука поднимается — и, о, чудо! — он доверху наполнен ларцами и вазами, из горлышек коих изливаются тонкие нити жемчуга. А между сокровищами лежат бархатные мешочки с неведомыми предметами. Глаза детей заволакиваются некой мечтательностью и в следующий миг загораются еле сдерживаемым нетерпением. Волшебные подарки! — Они получают их каждый год и твёрдо знают, что они не *понарошку*, а по-настоящему волшебные. Песок с Луны, перо Курочки-Рябы, огромные махаоны из Индокитая, бусины из египетских пирамид, обломки корабля Лаперуза, раковины каори, белоснежные кораллы — **подлинные** экспонаты из музея Феи Морганы.

«Экспонат №12 547! — провозглашает Фея Моргана и зачитывает инвентарное описание, скрепленное сургучной печатью Акцизного Управления Бессарабии (где когда-то служил её прадедушка). — Бисер с плаща Монтезумы, царя ацтеков. Плащ хранится далеко в горах Мексики в пещере Слепых Владык. Бисер выточен из горного хрусталя. Найден в желудке орла, подстреленного в Андах в 1857 году. Экспонат доставлен в музей в 1870 году капитаном Челкаром, по прибытии из кругосветного плавания на шхуне "Черибон"».

Все дети замерли. Кому же достанется бисер с плаща Монтезумы? Кому? Кто сей счастливец?

— Этот подарок передается на вечное хранение Илюше Рождественскому, — торжественно произносит Фея Моргана.

Бравый разбойник из «Снежной королевы» с заткнутым за пояс громадным пистолетом и тесаком, десятилетний Илюша, затаив дыхание, с замиранием сердца принимает из рук Феи описание и плоскую стеклянную коробочку с черным бисером.

Так постепенно Фея раздает все восемнадцать подарков, но сундук по-прежнему полон. Крышка захлопывается до следующего года...

До следующего года? Ну да. Ведь предстоят ещё Пир у Багдадского Калифа и Пир во дворце Фараона.

Да, капитан Челкар, — с печальной улыбкой глядя на Фею, вспоминает Виктор Николаевич далекое отрочество, когда они вместе с Челкаром выходили в море на шхуне «Черибон» из гавани Пуэрто-Чалис на острове Ликоподий в Индийском океане. — «Ветер юго-восточный, небо безоблачно». Никто, кроме меня, не знает о Пуэрто-Чалисе, о доме на Корабельной улице, о мангровых зарослях в заливе Эллис и розовых фламинго на озере Эпсилон в скалах Альтаира. И Маше никогда уже не увидеть ни Сейшельских островов, ни устья Амазонки. Небо было безоблачно, а им было по пятнадцати лет, когда они вместе намечали курс шхуны в кабинете доктора, его деда. «Сохранился ли у Маши наш судовой журнал? — подумал Виктор. — Впрочем, она ничего не выбрасывает. Надо будет показать Лизе».

Праздник почти кончился. Дети оделись и под предводительством приветливой Дины высыпали на двор, а уставшие взрослые расположились за столом, чтобы на воле поговорить, выпить и предаться сладостным воспоминаниям. Было что вспомнить актерам театра-кабаре «Летучая мышь»: маскарады, оперу «Вампуку», древнегреческую трагедию Эсфокла «Колобок» и средневековую трагедию Шексло «Щучьи чары».

Хозяйка дома, грациозная, жизнерадостная, никогда не унывающая Ирина Афанасьевна, внесла противень с жареным гусем в окружении печеных яблок и картошки, и все с аппетитом принялись за еду. Ледяное шампанское засверкало в отблесках свечей.

— За радость бытия! — бодро воскликнул король Франции. Он ведь не знал, что его потомку отрубят голову на Гревской площади. Да кто же из сидящих здесь, в уютной квартире на Самотеке, знал, что через пять лет в этой огромной тюрьме начнется театр абсурда? Но нет, нет, об этом говорить рано. Об этом — в эпилоге.

Ведь сейчас всего лишь **3 января 1982 года**. И всё не так уж плохо. Конечно, их изгнали из Сурминова, и зарплаты мизерные, и страх, тоска, ежедневные заботы о пропитании, тревога за детей — всё это так. Но все же мы пьем «За радость бытия!» А что ещё нам остаётся делать?

Следующий тост произносит Евгений Борисович, гениальный автор оперных либретто и трагедий, виртуозный сочинитель душевных посланий и торжественных приветствий. Как истинный поэт он не умеет говорить прозой, поэтому и тост произносит поэтический:

Ещё вина, пусть холод за окном, Оставь печаль, заботы позабудь, Лечи недуги смехом и вином, Не вспоминай, когда в обратный путь! «Никто и не думает вспоминать», — подумала Маша, обеспокоенная призывами «лечить недуги вином». На её взгляд, пора было сделать хотя бы небольшой перерыв в череде возлияний, иначе сказочный Пир мог быстро превратиться в обычную пирушку и тем нарушить атмосферу столь любимой ею изысканной театральности. Улучив момент, когда Сан Саныч выпил очередную рюмку водки и потянулся за сигаретой, она попросила его спеть что-нибудь романтическое.

Предложение нашло всеобщую поддержку, и Сан Саныч начал меланхолически перебирать струны гитары. В наступившей тишине он исполнил никому не известный романс:

Мой друг, ты не хочешь в Венецию? Поедем, — там так хорошо... Под звуки далёкого *терцио* В бокалах мерцает крюшон.

Нам будет казаться несбывшимся Тот сказочный сон наяву, И наше привычное нищенство Ошибкой судьбы назову.

И в тусклой воде веницейской Увидим лазурь и кармин. На столике в вазочке севрской Поправь бледно-желтый жасмин.

Поверь мне, настанет мгновение, Когда среди зимнего дня Под звуки метельного пения Ты вспомнишь жасмин и меня.

Зимний день стоял за окном, и хотя метели не было, но её можно было вообразить и тогда вспомнить жасмин и кого-то под звуки метельного пения. Поскольку крюшона из Венеции не завезли, пришлось заменить его прозаическим Советским Шампанским, которое тотчас разлили по бокалам и выпили. Ирина Афанасьевна тем временем убрала со стола грязные тарелки и остатки закусок, принесла чашки и предложила приступить к чаепитию. Но и кофе подала.

Ox! Ox! Время шло неумолимо. Кое-кто уже начинал вспоминать, что «пора в обратный путь», потому что завтра рабочий день и рано вставать. Тогда Король Франции, бывший когда царем Страфокомилом, грозно приказал бывшим эфиопам разлить остатки вина и выпить «на посошок». По этому случаю все встали и, как всегда, на прощанье спели апофеоз из своей любимой «Вампуки», заимствованный у Николая Гумилёва:

Через победы и падения Ведёт нас благое Провидение, Чтобы спасала вновь и вновь Сердца любовь, одна любовь! Позвали детей с улицы. Свежие от мороза и снега, они ввалились в переднюю весёлой гурьбой, а кот Базилио, испугавшись шума, резко спрыгнул с дивана на пол. При этом он уронил «говорящего попугая», забытого бродячим итальянским актером из Неаполя. Попугай, с встроенным в его живот магнитофоном, утробно захохотал, и Базилио возмущенно зашипел на него, изогнув спину дугой.

Дина, Диночка – ты помнишь? Это было так давно. В другом мире.

Праздник кончился. То чудный вечер был, волшебный, незабвенный, о нём не вспомнить нам без грусти сокровенной.

...Но вы не слушайте Ростана, и в разлуке вспоминайте с улыбкой, как когда-то на Самотёке выступал **Бродячий цирк** из Италии, а в Сивцевом-Вражке в окружении статуй Озириса и Изиды нас принимал сам **Фараон.** А потом по приглашению **герцога Фарнезе** труппа театра в полном составе гастролировала в **Парме**.

Прощайте, прекрасные дамы, маркизы и лорды, волшебницы и мушкетёры, принцы и принцессы! Прощайте навсегда.

ДЕТСКАЯ ТРУППА театра «ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ»

во дворце герцога Фарнезе в Парме. Январь 1981.

В пьесе «Мадемуазель Скюдери» (по Гофману) роли исполняли: Натали Мишель (мадемуазель Скюдери); Валерий Фрейдлин (Рене Кордильяк); Сережа Ниц (граф Лафар); Георгий Ниц (герцог Фарнезе). ДЕКОРАЦИИ: Н.П. Ермакова.

На ФОТО.

Верхний ряд: Нина Бардина, Таня Гринько (Мадлон, дочь Кордильяка), Егор Чернявский (Людовик XIV), Илюша Рождественский (лорд Чедвик), Диночка Воронова (служанка Мартиньер). На фотографии в шкафу: Вивианна Софроницкая (фортепиано).

Средний ряд: Аня Осколкова и Настя Фурсова (маркиза Ментенон), Костя Осколков (Оливье Брюссон), Юрочка Фрейдлин (принц), Аня Рождественская.

Нижний ряд: в центре **Света Миронова** (графиня Барбарини), слева и справа от неё **Петя** и **Алёша Ермаковы** (кардиналы).

Натали Мишель Директор и режиссер театра «Летучая мышь» 1964–1982

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

визит

Опасно привыкать к благополучию.

Глубокое убеждение Автора

Песмотря на все хлопоты по устроению детского праздника, их мысли были по-прежнему заняты судьбой музея в Сурминове. Оттуда поступали малоутешительные новости. За два месяца, прошедшие со дня их изгнания, только и успели снести на первый этаж всё, что находилось на втором. Ещё хорошо, что под нажимом Ариадны Ивановны из Дома во Флигель были вынесены библиотека и архив, но основная часть мебели, картин, бронзы — всё это до сих пор оставалось в Доме. Конный двор по-прежнему не отапливался, и сигнализацию туда так и не провели. В начале декабря в связи с делом Снежного по поводу хищения рам и картин Ариадну Ивановну даже вызывали в Прокуратуру. Но что особенно взволновало всех, так это появившееся в газетах сообщение, что привлечены два работника одного крупного архива в Москве, обвиняемые в хищениях из музейных хранений архивных документов. Писали и о том, что они продавали их частным коллекционерам и даже переправляли за границу. Мария Михайловна хорошо знала обоих: они не раз приезжали в Сурминово с инспекцией. Но что более всего её беспокоило, так это то, что они же бывали в музее и раньше, ещё до того, как она стала работать с архивом. В декабре она опять ездила в Министерство Культуры. В результате многочасовых хождений по кабинетам и коридорам ей удалось выследить Хромого, установить его должность и фамилию. Чин он занимал не очень высокий, но всё же достаточный, чтобы прикрыть махинации администрации и вовремя предупредить об опасных для неё проверках, комиссиях и тому подобных контрольных мерах.

К этому и свёлся разговор за чаепитием у Татьяны Юрьевны на следующий день после Пира у Людовика.

- Мне думается, сказал Виктор, что надо попытаться и вам найти поддержку в верхах. Своими силами всё равно не справитесь. А что Гриша Борзун?
- Он сразу же подал иск в Ломакинский суд, ответила Маша, но дело не двигается. Директор, пользуясь своими связями в Ломакинском райкоме, на суд вообще не является. Что же касается «верхов», то академики наши ни на какие мольбы о помощи не отзываются. В «Литгазете» тоже отказали в помощи. Туда ещё в ноябре Лина Байкова ездила.
- Маша, почему бы тебе не обратиться за помощью к Павлу Ивановичу? предложила Татьяна Юрьевна, Ты помнишь его? Муж Ольги, племянницы Юрия. Вместе с Ольгой Павел Иванович не раз бывал в Зареченске в 50-е годы. С тех пор он сделал большую карьеру и теперь работает в аппарате ЦК.
- Я его помню, но вряд ли он меня вспомнит, ответила Маша. Последний раз мы виделись с ним у деда двенадцать лет тому назад. Да и как с ним связаться?
- У меня есть телефон Ольги, ответила Татьяна Юрьевна. Я даже как-то ей звонила, просила достать для одной старушки дефицитное лекарство. Нечего откладывать в долгий ящик. Я сейчас же ей позвоню.

Она вышла в коридор к телефону, и оттуда было слышно, как она разговаривает.

- Лёля, это Татьяна Юрьевна говорит, начала она. Я вас тоже поздравляю... Спасибо, спасибо... Да ничего-ничего, все пока здоровы... Я к тебе по делу. Моя Маша хочет поговорить с Павлом Ивановичем... Ну, да, да... у неё осложнения в музее. Понятно, понятно... Сейчас я её спрошу. Маша, Павел Иванович где-то на даче под Москвой. Ты сможешь к нему поехать?
- Смогу, смогу, заверила Маша. Спроси, где эта дача и когда удобно приехать?
- Лёля, она сможет, продолжила телефонный разговор Татьяна Юрьевна. Хорошо, хорошо. Значит, завтра жду твоего звонка.

Оказалось, что Павел Иванович уехал на дачу, чтобы отдохнуть от предновогоднего напряжения. Лёля позвонит ему, предупредит о Машином приезде и перезвонит утром.

- Она сказала, добавила Татьяна Юрьевна, обращаясь к дочери, что Павел тебя прекрасно помнит и с удовольствием с тобою повидается. Так что поезжай смело. А на эту дачу нужно ехать с Белорусского вокзала до станции Волошня.
- Это недалеко от Сурминова, заметила Лиза, через одну остановку после нашей. Если идти напрямую, то от Сурминова до Волошни километров десять будет.

Лёля позвонила. Договорились, что Маша поедет 4 января, и Павел Иванович сам встретит её на платформе. Утром в воскресенье Мария Михайловна отправилась в Волошню. Сразу же по выходе на платформу она увидела Павла Ивановича, стоявшего у первого вагона, как договорились. Они переждали электричку, перешли пути и медленно пошли по узкой асфальтовой дорожке. День стоял чудный. Из лёгких полупрозрачных облаков огромными сухими хлопьями сыпался снег, и казалось, он падал прямо из небесной голубизны. Очень скоро они вступили в сосновый бор, и там к падающему снегу прибавились снежинки, которые ветер сдувал с веток. Внизу было тихо, но там, на вершинах сосен, ветер, должно быть, был сильнее и иногда сбрасывал на свежий снег тонкие веточки.

Павел Иванович был лет на десять старше Маши. Несмотря на внешнюю солидность и высокую должность, он держался с нею по-родственному, явно испытывал к ней симпатию и интерес, как к человеку другого, уже неведомого ему круга. В те годы, когда дед Юрий жил в Москве, Павел Иванович часто с ним встречался. Они играли в шахматы, беседовали на политические и экономические темы. Перед тем, как сообщить интересные новости, дед обычно произносил: «Как донесла моя агентура...» И все понимали, на кого он намекает.

Стали вспоминать Зареченск, дом деда на Снегирёвской улице, звёздные августовские ночи, купанье на Оке, ежегодные встречи в дни рождения деда, оживленные разговоры. Через полчаса вышли к асфальтовой площадке перед солидными воротами. Лес смело переступил за высокий глухой забор, но для простых смертных вход был воспрещён. Из аккуратного одноэтажного домика вышел охранник, улыбнулся Павлу Ивановичу и пропустил их обоих через проходную в запретную зону. Тут и там в сосновом бору стояли деревянные дачи, вдали виднелось более солидное кирпичное здание с колоннами. Павел Иванович пояснил Маше, что это столовая, что обед он заказал на двоих. А пока они пойдут к нему, выпьют чаю или кофе — что она пожелает, — и поговорят о деле.

Маша, конечно, слышала о существовании таких «охотничьих домиков». Архитекторы в проектных мастерских любили получать заказы на подобные строения, потому что в таких случаях они не были ограничены в выборе материалов для строительства и отделки. Мрамор, хорошие сорта дерева, кожа, бронза... Но они вошли в самое обычное строение, хотя и вполне комфортабельное. Как выяснилось из разговора, дом не принадлежал Павлу Ивановичу. Это была государственная дача, поэтому на мебели стояли инвентарные номера. Все вещи, посуда, разные мелочи — всё было казённое. У неё мелькнула мысль: вдруг и книги казённые? И ей стало даже жалко Павла Ивановича. Подумалось, что там, за забором, люди живут в лагере «с общим режимом», а здесь — «со строгим». Пайка и бараки лучше здесь, но свободы чуть больше там. Тут же она и высказала свои соображения Павлу Ивановичу, пока он не без удовольствия показывал ей все удобства и достоинства «своей» госдачи. К инвентарным номерам он, видимо, привык или, во всяком случае, не придавал им никакого значения. На Машу всё это произвело удручающее впечатление.

Кофе пили растворимый, кипяток был из термоса. Павел Иванович предложил Маше хороший коньяк, но сам пить не стал: у него было неважно с сердцем. Хорошо хоть курить можно было. Они разместились перед журнальным столиком в низких пухлых креслах около большого окна. День продолжал сиять, снег искрился в солнечных лучах. Вдали за речною долиною виднелась старинная усадьба и деревушка с церковью. Но очень далеко, так что почти и разглядеть невозможно.

Маша толково и кратко рассказала существо музейных дел, высказала свои опасения насчет постепенного грабежа экспонатов, книг и документов, о грозящей Усадьбе опасности в том случае, если преступники задумают для уничтожения следов своей деятельности пойти на какие-либо чрезвычайные меры.

- Что ты имеешь в виду? заинтересовался Павел Иванович.
- **Они и поджечь могут**, ответила Мария Михайловна. Иногда в печати проскальзывает: то архив сгорел, то библиотека, то наводнение, то кровля обрушилась. Объяснения же всегда одни: не хватает средств, здания старые, халатность и тому подобное.
- Маша, после длительного молчания заговорил Павел Иванович, право, не знаю, чем тебе помочь. Вы бы лучше в печать обратились или, например, к поэту (он назвал имя одного известного защитника русской старины), а я что? Конечно, я знаком с вашим министром, но беспокоить его по таким вопросам не могу. Хочешь, я попрошу, чтобы он помог тебе устроиться на место с более высокой зарплатой и в Москве?
- Нет, Павел Иванович, этого я не хочу. Вы поймите, вам же не чужды интересы литературы, истории... Моя просьба сводится к защите не моих прав и интересов. Сегодня, в электричке, я даже представила такую картину: вы приезжаете на черной «Волге» с каким-либо эскортом, эдак солидно вылезаете, строго с ними разговариваете. Или устроить какой-либо звонок «сверху»... Они же все трусы и тут же испугаются.

Павел Иванович рассмеялся.

- Ну, ты, как ребёнок. Думаешь, Хромой этот самая верхняя ступень? Нет, я за это не возьмусь. Всё-таки советую тебе в печать обратиться.
- Но почему же в печать, а не в судебные органы? тут уж её заинтересовал сам подход к делу номенклатурного лица. Почему в печать? Вы что же полагаете, что она у нас настолько влиятельна?
- Во всяком случае, такие газеты, как «Литературная», создают общественное мнение, и на их выступления начальство реагирует, ответил он.

Маша с любопытством на него взглянула, и разговор на этом решила прекратить. Ясно было, что говорят они на разных языках. Павел Иванович завершил беседу на эту тему уже совсем неожиданным для неё сравнением. Он рассказал, что его сын работает в нашем торговом представительстве в Канаде, и они с женой живут в Торонто.

— Так вот, у него, как и у тебя, тоже неприятности, — сказал Павел Иванович. — Подумай, его начальник не хочет выделить им второй диван, а у них для гостиной нужен диван.

Диван Машу доконал. Она с тоскою думала о том, что потеряла целый день, что ещё предстоит идти в казённую столовую и, возможно, увидеть там людей того же номенклатурного пошиба, вольных узников спецдач. Она представила себе их жизнь — комфортабельную, сытую, но в каком-то отношении стеснённую положением, повышенным контролем над передвижением, досугом и кругом общения. Пожалуй, уже ради шутки, она спросила, как тут у них с прослушиванием.

— Ну, это глупости, — добродушно рассмеялся Павел Иванович. — Не волнуйся. Мы ведь практически всю так называемую запретную литературу читаем. Ты вот это читала, например?

Он вынул из шкафа книгу, действительно, вполне «посадочную». Но Маша из осторожности сказала, что не читала, не видала и вообще такими вопросами не интересуется. И перевела разговор на другую тему.

- Как Евгения Яковлевна в Саратове поживает? Я ведь у неё давно не была.
- —С нею больше Лёля переписывается. Она довольно странные вещи пишет. Будто у них в магазинах нет масла нет, мяса. Я в это не могу поверить. Недавно я был в Куйбышеве, нас принимали в райкоме. Там всё есть: и колбасы, и рыба, и фрукты.
- Вы что же, и вправду не знаете, что в провинции магазины пустые стоят, что все в Москву за продуктами ездят? уже с тоской спросила Маша.
  - За продуктами? удивился Павел Иванович.
- Ну да. И за продуктами, и за вещами, и за лекарствами. Бывало, и картошку в Поволжье приходилось возить.

Видно было, что Павел Иванович остался при своем убеждении. Разговор опять зашел в тупик. Маша решила откланяться, сославшись на дальнюю дорогу. До обеда было ещё далеко. Она, хоть и была голодна, но решила, что лучше забежит в станционный буфет, чем будет сидеть здесь. Павел Иванович огорчился, но настаивать не стал. Проводил Машу до ворот и выпустил её на волю. Они распрощались, и Маша пошла в обратный путь одна тем же сосновым бором. Уже в электричке она подумала, что не так уж плохо съездила. Прогулялась прекрасно, а заодно посмотрела на быт и нравы современных усадебных «владельцев». Ближе к Москве она и вовсе перестала об этом думать.

Наутро пошел мокрый снег, поэтому весь день пришлось сидеть в помещении, и Павел Иванович заскучал. Он позвонил Лёле, сказал, что возвращается в Москву, и вызвал машину на следующий день. Разговоры с Машей вывели его из привычного равновесия. Его, конечно, не могли задеть ни её слова об отсутствии масла и мяса, ни рассказы об изгнании из музея — не надо было самим на рожон лезть! — ни о какой-то Усадьбе, книгах и архиве – мало ли что разрушается?! Всего не спасёшь. Но от его внимания, скорее даже подсознания, не ускользнуло её жалостливое, а точнее, обидноснисходительное, отношение к нему. Ведь подумать только! Младший научный сотрудник, даже диссертацию не защитила. Ведь Юрий Александрович такие надежды на неё возлагал! И при этом она жалеет его, с его положением, зарплатой, возможностями!? Что она говорила о свободе? А-а, впрочем, очередные глупости. Самоуверенная особа. Отказалась от протекции, делает вид, что не имеет личных интересов во всей этой истории. Словом, что-то задело Павла Ивановича. День он провёл в нетерпеливом ожидании машины и к вечеру выехал в Москву. Ему и в голову не пришло, что сочельник кончился, что наступает Ночь под Рождество, чреватая, если верить Гоголю, разной чертовщиной.

K NK N

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПОЖАР

Как же все это случилось? — спросят меня. Неужели никто не видел этого происшествия?

С.Т. Аксаков. Семейная хроника

Во вторник, 6 января, музейное начальство приступило, наконец, к выносу мебели и других вещей из главного Дома. Ещё до Нового Года архитектор Коляков приступил к обмерам здания, а реставрационный участок — к возведению лесов. Поэтому уже две недели по утрам в музее появлялись три-четыре унылые фигуры, и до обеда был слышен стук топора и треск электрической пилы. Но сегодня было решено использовать рабочих для переноски тяжестей.

Папаян и Витольд Измайлович договорились с сельсоветом, что совхозная ферма выделит транспорт. К десяти часам утра в усадебный парк въехал видавший виды трактор, а за ним прицеп с низкими бортами, на котором со скотного двора обычно вывозят навоз. Он был покрыт застывшими со времени осенних работ комками земли с ошмётками сгнившей соломы. Стали выносить музейные ценности и грузить на прицеп. Когда он был уставлен почти вплотную шкафами, столами из орехового дерева, горками в стиле ампир из красного дерева, трактор потащил прицеп к Конному двору. Там трудились специалисты по установлению сигнализации. Словом, работа кипела.

До обеда почти всю мебель вывезли. Картины, гравюры и книги смотрительницы под наблюдением Ариадны Ивановны переносили во Флигель. Она обошла Дом и на втором этаже в угольной комнате заметила груду книг и рукописных сборников. Их, видимо, выложили из шкафов, но в свое время забыли вынести. Ариадна Ивановна кинулась искать кого-либо, кто мог бы все это снести вниз, но уже наступил обед. Смотрительницы разошлись по домам, а рабочие в Амбаре приступили к картошке и выпивке. По опыту она знала, что после обеда за дело никто уже не возьмётся, и решила, что завтра с утра первым делом следует начать с выноса того, что в музейной картотеке числилось, как «Масонский архив Арсеньевых», то есть «Герметическая Библиотека», — сочинения западных и российских мистиков, переписанные от руки.

К часу дня жизнь в Усадьбе замерла. Дирекция, Ариадна Ивановна и Лора Александровна уехали в Москву. Дежурный милиционер обошел Дом и запечатал его. Рабочие и начальник участка прораб, Матвей Егорович, спали в Амбаре. Один из рабочих, молчаливый и непьющий Осип Кузьмич, мужик лет сорока на вид, отпросился у прораба в Москву и копошился у выхода, собирая вещи.

Весь день шел мокрый снег, на дворе было пасмурно. Осип прошел мимо домика охраны, молча кивнул головой стоявшему на крыльце милиционеру и зашагал вдоль Дома к воротам. Зайдя за угол, он оглянулся, подлез под доску нижних лесов и осторожно, чтобы не скрипеть, открыл дверь левого эркера.

В доме было уже почти темно. Он прошел через Столовую, стал подниматься на второй этаж по внутренней лестнице. Дело, на которое он был нанят неделю тому назад, по его понятиям, было пустяковое и безопасное. Он должен был из двух шкафов в угловой комнате забрать книги и папки с бумагами, сложить их в рюкзак и привезти в Москву. Ключи от шкафов ему дали, и теперь он держал их в кулаке.

Шкафов в комнате не оказалось. Осип несколько растерялся, но вдруг заметил на полу груду книг. По полу были разбросаны обрывки ваты, войлока и стружек — остатки материалов, в которые упаковывали посуду, картины и светильники. Окна комнаты выходили на северо-восточную часть парка, и здесь деревья близко подступали к стенам дома, из-за чего в комнате было совсем темно. Осип присел на корточки, зажег спичку и при её коротком свете попытался разглядеть то, что ему предстояло взять. Ясно было, что всего не забрать. Спичка погасла, и он отбросил её. Никаких папок он не нашел, и понятно, почему — ведь их ещё летом забрала Мария Михайловна. А «заказчики» об этом не знали.

Осип решил взять хотя бы часть книг. Но в тот момент, когда он стал запихивать их в рюкзак, он вдруг уловил запах дыма. Обернувшись, он увидел, что в двух метрах от него тлеет чёрным дымком кусок войлока или ваты, кинулся загасить его и стал топать по нему сапогами. Но пламя расползлось по войлоку изнутри и вдруг полыхнуло уже не дымком, а в открытую — ярким жёлтым язычком, перекинулось на обрывки бумаг, и через минуту огонь забегал по всему полу. Осип пытался загасить его сначала ногами, потом кинулся плашмя, снял телогрейку, но безуспешно.

Огонь добрался до угла, и пламя вспыхнуло у подножия груды книг, лежащих в углу. Ясно было, что ему не справиться, но и звать на помощь он не мог. Забывши о рюкзаке, Осип кинулся вниз, скатился с лестницы, выбежал в эркерную дверь. Оглянулся, и быстро побежал вдоль стены к Конному двору. Он выбежал в заднюю калитку парка, вытащил спрятанные под поваленным деревом лыжи и по дну оврага, продираясь сквозь кустарник, побежал вниз. Того самого оврага, где осенью сидели у костра разбойники в Богемском лесу.

За полчаса до этого в Сурминово прибыли автобусом Виктор, Лиза, Зинаида, Мария Михайловна и Варвара Фёдоровна. Их встречал Алик, муж Варвары, чтобы помочь нести вещи. Они миновали входные ворота в парк, прошли мост, поднялись на холм и перед тем, как спускаться к Чиркину, обернулись. И замерли от ужаса. На мрачном темном фоне туч в хаосе мятущихся снежных хлопьев они увидели рвущиеся из окон второго этажа усадебного Дома языки пламени. В его свете были видны крохотные фигурки суетливо и бесполезно мятущихся вокруг Дома людей. Со стороны деревни к Усадьбе бежали жители.

В первое мгновение, повинуясь неосознанному порыву делать хоть что-нибудь, они бросили на снег сумки и тоже побежали вниз, но скоро остановились. Ясно было, что они ничего не смогут сделать. Тогда они снова поднялись на вершину холма и молча стали наблюдать. Вскоре на шоссе, идущем от станции к Сурминову, вдали показались огни приближающихся пожарных машин из Ломакина. По мере их приближения нарастал шум моторов и тоскливый, тревожный вой сирен.

Справа по дорожке потянулась череда прибывших со следующим автобусом чиркинских жителей. Они сообщили, что там, внизу, уже приступили к тушению, но, говорят, в усадебном колодце нет воды, и поэтому тянут брезентовую кишку до деревенского колодца, а пока воду льют из прибывшей с пожарными цистерны. Откуда-то слева по девственно чистой поверхности холма стал подниматься вверх одинокий лыжник. Здесь, на холме, было уже совсем темно. Лыжник передохнул, оглянулся на горящий Дом и, взмахнув палками, пересёк дорожку, ведущую в Чиркино.

Лиза оглянулась, рассеянно поглядела ему вслед и подумала, что это турист. И вновь обратилась к горящему Дому. Пламя рвалось по-прежнему из окон, но теперь занялась и кровля. Было видно, как пожарные устанавливают лестницу, протаскивают сквозь нижние леса тянущуюся из колодца кишку, начинают лить воду. Через полчаса пожар в основном загасили. Во всяком случае, было ясно, что огонь не перекинулся на первый этаж. Все люди, стоявшие на холме в горестном молчании, совершенно замерзшие и запорошенные мокрым снегом, подняли свои сумки и двинулись к Чиркину. В это время их догнали два музейных милиционера, тоже на лыжах, и, узнавши своих, остановились. Один из них спросил, не видели ли они кого-либо из посторонних. Лиза сказала, что они видели лыжника, наверное, туриста, и что он побежал к Васильевскому лесу. Снег ещё не успел засыпать след от его лыжни, и они смогли показать милиционерам место, где он сошел с дороги на снежную целину. Они двинулись по следу и вскоре исчезли из виду.

- Может, это и был поджигатель? высказал предположение Алик.
- Странно было бы, ведь он совсем с другой стороны бежал, от оврага. И как бы милиционеры узнали? заметила Лиза.
- Зря мы всё-таки сразу туда не пошли, сказал Виктор. —. На месте легче во всём разобраться. А теперь, что же гадать?
- Не забывай, что нам путь в Усадьбу заказан, возразила ему Маша. Директор распорядился никого из нас не пускать в Дом, ни при каких обстоятельствах. А появись мы на пожаре, тут же кто-нибудь слух распустил, что это мы подожгли, из мести.

Как только вошли в избу, первым делом разложили на печке мокрую одежду, носки и шапки. Алик вынул из печи сваренную в котелке картошку. Перекусили и хотели поспать перед ночной службой, но вскоре поняли, что не смогут уснуть. Вновь собрались за столом и стали обсуждать только что пережитое бедствие. Было шесть часов вечера.

* * *

В этот момент с Павлом Ивановичем случилось невероятное происшествие. Пять минут назад он мирно дремал в теплом салоне черной «Волги». Менее чем через час он должен был оказаться опять же в теплой и комфортабельной квартире в Москве. Василий Артёмович аккуратно вёл машину по безлюдному шоссе. Из приёмника неслись звуки приятной джазовой музыки. Да, всё шло, как обычно. На свою беду Павел Иванович попросил Василия Артемовича остановиться, вылез из машины и прошел несколько шагов к ближайшему столбу, чтобы справить естественную нужду. И вдруг началась какая-то мистика, в просторечии называемая чертовщиной.

Павел Иванович повернулся, чтобы вернуться к машине, и замер от ужаса — машины не было! Не веря своим глазам, он прошел по шоссе несколько шагов и остановился у того места, где на обочине в мокром снегу были ясно видны следы шин. Мерзкий холодок виноватого страха зашевелился где-то вверху живота, и Павел Иванович затрепетал. Он не мог найти ни одного более или менее подходящего объяснения тому, как могла исчезнуть машина. Негодование на шофера Василия Артемовича захлестнуло его. Может, он решил пошутить, и сейчас вернется? Да за такие шутки! ... Или он с ума сошел?

Мимо Павла Ивановича с шумом проехал грузовик и обрызгал ледяными плевками. Ветер дул в лицо и нёс мокрые хлопья снега. Сзади мрачной стеной стоял лес. Далеко на севере, за шоссе и унылыми полями, небо освещалось заревом, будто там что-то горело. Это зарево дальнего пожара ещё более усилило тревожное состояние Павла Ивановича. Он отвел от него глаза и опять оглянулся.

Когда он вышел из машины, на шоссе было пусто... Позвольте, пусто ли? Сейчас Павел Иванович смутно припомнил какую-то темную фигуру на другой стороне шоссе. Да, там кто-то стоял. Ну и что? Это ничего не объясняло. Через две минуты, застегнув последнюю пуговицу на пальто, Павел Иванович повернулся, чтобы идти к машине и... На тебе!

Да-а... Посочувствовать ему, конечно, можно было, да некому. Он оказался один на мокром и неуютном шоссе. Машины равнодушно проносились мимо. Свет фар на секунду вырывал из темноты безумно пляшущие хлопья снега. Вдали трепетало зарево. Оно невольно притягивало взгляд. Меховая шапка, воротник и плечи покрылись снегом, и капли воды уже проникли за шиворот. Что же теперь делать?

Умудрённый жизненным опытом читатель, пожалуй, вправе перебить Автора и спросить: что же тут особенного? Ну, неприятно, конечно, но что из этого трагедию делать? Так это — умудрённый, а Павла Ивановича, строго говоря, к таковым отнести было никак нельзя. Многие годы он не выходил из замкнутого жизненного круга и забыл, просто утратил многие привычки и навыки. Поэтому для него очутиться одному на пустом шоссе значило то же самое, что для простого смертного увидеть себя в лунном кратере. Происшествие было трагичным и казалось безвыходным.

Холод и инстинкт подсказали Павлу Ивановичу, что нужно двигаться, и он пошел вперед. На ближайшем километровом столбе он различил цифру 62 и поёжился. Ботинки промокли. Лес кончился, и на открытом пространстве ветер подул сильнее. Он снял очки, протер платком. Решил остановить первую попавшуюся машину и просить довезти до Москвы. Но как остановить? Голосовать! Да, именно голосовать, так это и называется. Он читал об этом в книгах, видел в кино. Автостоп! — вот как это называется. Значит, надо поднять руку. Он обернулся навстречу потоку машин и неуверенно поднял руку. В каплях воды на стеклах очков далекие автомобильные фары взрывались феерическими шарами, потом свет с грохотом приближался и, промелькнув, оставлял Павла Ивановича сиротливо стоять на шоссе.

Он замерз. Сунул руки в карманы, воротник поднял и снова побрёл по шоссе. Вскоре он дошел до поворота, где грязная просёлочная дорога уходила в темноту. Маленькая старушка в черном плюшевом полушубке сидела на сумках. У её ног в грязи стояла сетка, набитая свертками. Павел Иванович решил подойти. Старушка придвинула сетку поближе к ногам и стала суетливо заправлять волосы под платок.

- Не скажете ли, как мне до Москвы добраться? обратился к ней Павел Иванович.
- И-и, милый, последний автобус уже прошел, теперь и не знаю. До станции далеко, километров десять будет. На попутной доберешься.
  - Я пробовал. Никто не останавливается.
- Видать, частники едут: они не любят подсаживать, объяснила она добродушно и вдруг спросила: — Да ты откуда сам-то?

Павел Иванович растерялся. Не мог он сказать, откуда он; не мог и не имел права. Решил соврать.

- Да вот пошел гулять... Тут санаторий... Да и заблудился, забормотал он.
- Господи, да как же ты в туфлях таких? Небось, весь вымок. Не знаю, что тебе и посоветовать. Я и сама припозднилась. Поехала за колбасой, ещё кой-чего набрала. Мне до дома ещё двенадцать верст вот, сижу-жду, кого бог пошлет.

Павел Иванович отогрелся, поговорив с живым человеком, и не решался уходить. Старушка всё разглядывала его и, видно, поняла, что он человек неопасный.

- A то поедем со мной, - предложила она, вытерла краем платка мокрое лицо и пояснила: Переночуешь у меня, а завтра на автобусе до станции. Да и на электричку.

Мелькнула мысль о Лёле. Что она могла сейчас думать?

- А позвонить от вас можно в Москву?
- Эка ты хватил. Откуда же звонить? Почта в пяти километрах, в Лебяжьем. Да и закрыта уж давно.

Тут с шоссе развернулся самосвал и остановился.

 Тётя Агафья, ты что, опять на станцию ездила? – весело крикнул молодой парень в телогрейке. – Садись, что ли?

И так не захотелось Павлу Ивановичу оставаться одному на шоссе и опять самому думать, что делать, что он решил ехать. Но куда же садиться? В кабине уже ктото сидел. Агафья засуетилась, покидала сумки в кузов и полезла, кряхтя. Павел Иванович за нею. Самосвал был из-под бетона. Пришлось сесть на корточки и держаться за грязный ледяной борт рукой. Так и поехали. Самосвал дергался, рычал, разбрызгивал жидкую глину. Трясло. Павел Иванович думал непривычными словами: «Господи, за что?» Наконец, приехали. Агафья открыла избу. Павел Иванович опустился на скамью у печи. Устал. Двигаться не хотелось.

 Ты первым делом раздевайся, снимай все мокрое. Я тебе сейчас дам что-нибудь сухое: у меня от старика осталось.

Вскоре Павел Иванович сидел у стола за печкой в дедовых старых валенках и рваной телогрейке. Блаженство испытывал Павел Иванович. Да, блаженство! На столе появились соленые огурцы, капуста и картошка в мундире.

- Я тебя, знаешь, чем угощу? У меня есть настойка *на хвостиках*. От вишен хвостики знаешь? Вот я на них и настаиваю. Испробуешь. Ты ведь, небось, партийный, в церкву не ходишь? А ведь сегодня сочельник, завтра Рождество. Нашу-то церковь в Лебяжьем закрыли, так теперь ходить далеко аж в Чиркино. Летом-то хожу, а зимой темно, да и холодно. Видал зарево? Уж не знаю, в Сурминове что ли загорелось?
- В каком Сурминове? название показалось Павлу Ивановичу знакомым. Подумал, уж не то ли это Сурминово, о котором Маша говорила?
- Да село большое, там барский дом сохранился. Музей, говорят. Я не была ни разу, издали видела.

Приступили к ужину. Он отогнал ненужные мысли и принялся за еду. Знал, что пить ему нельзя, но как-то уж на всё махнул рукой и выпил одну рюмку. Агафья перекрестилась на тёмный угол с иконами и лампадкой. Павел Иванович согрелся и совсем успокоился. Может, всё и обойдётся. В голову пришла и вовсе шалая мысль: впервые за многие годы он был на свободе! Вдруг вспомнил, что денег-то у него нет. Решил попросить у Агафьи в долг.

— Ох, касатик, много не могу дать. Рубль дам — до станции доедешь. На поезде езжай без билета — в выходной день поезда переполнены, так контролёры не ходят.

Она убрала со стола, и пока раскладывала постель, всё причитала:

- И как это тебя угораздило? Я гляжу, тебе и пропасть недолго. Небось, не знаешь ничего, не умеешь?

Она уложила его, потом гремела посудой за печкой. Наконец, погасила свет. Постукивали ходики. Стучали копытцами ягнята. Сквозь сон он слышал, как молилась Агафья: «Господи, Господи...»

Утром Павел Иванович долго не мог заставить себя встать. Он открыл глаза, перевернулся на спину и потянулся. На стене висел огромный плюшевый ковер. Там солнце радостно играло на оранжевом песке пустыни Сахары. Возвышались две пирамиды, и Сфинкс загадочно смотрел вдаль. Верблюд с бедуином на спине шествовал мимо Сфинкса. Павел Иванович, жмурясь, долго разглядывал ковер и улыбался. Наконец, он встал. Агафья слила ему на руки воды, он умылся. Сели пить чай. Агафья сообщила, что за ночь дороги замело, и автобус, видать, не придёт. Заметив, что он загрустил, она его успокоила.

- Да ты не отчаивайся. Мой сосед, Семён, собирается в Лебяжье ехать за водкой.
   На тракторе. А уж в Лебяжьем шоссе оттуда на автобусе доедешь до станции.
- Как же так, на тракторе? растерянно пролепетал Павел Иванович. Он вспомнил вчерашний самосвал, и ему стало тоскливо.
- Как? Как? В кабине. За час доедешь. На вот тебе три рубля, рубль мало вдруг не хватит. Мало ли что в дороге. Валенки не снимай замерзнешь. На-ко тебе твою обувку, сказала Агафья, протягивая его туфли, завернутые в какую-то тряпицу.

Вышли на крыльцо. Боже, какой день стоял! Вокруг было чисто, бело и звонко. Далеко за полем чернела узкая полоска леса, видны были огороды, размашистая улица, колодец. Баба шла с коромыслом. Избы тянулись к голубому морозному небу стройными дымами. Хорошо было.

Из проулка вылез трактор и зарычал, поднимаясь в гору. Агафья затрусила к калитке. Павел Иванович за ней. Собачонка суетилась около столбика, а на нём неподвижно сидела агафьина кошка и щурила глаза на солнце. Трактор остановился и задрожал. На чистый снег закапало чёрное, пахло мазутом. Павел Иванович стал прощаться. Агафья утерла глаза краем платка и перекрестила его.

 Ты бы к нам летом приехал. У нас тут хорошо, с детьми, с женой. Я недорого возьму. Ох, летом у нас хорошо.

Тронулись. Он оглянулся. Агафья стояла у калитки, и пёс крутился у неё под ногами.

Грохот стоял страшный. Семён молчал и курил папиросы одну за другой. То и дело он дергал рычаги, трактор рычал, выл, бесновался. У Павла Ивановича уши заложило, ноги затекли. Через два часа приехали в большое село. Автобуса пришлось ждать целый час. Пока ехали, небо затянуло. Утреннее праздничное настроение сменилось глухим беспокойством и тоской. Как всё глупо! Могут выйти большие неприятности. Не мог Павел Иванович, не имел права вот так разъезжать на заднем сиденье автобуса, слушать дурацкие разговоры про покосы за тридевять земель, про сгнившую пшеницу, про какие-то корма. Небылицы всё. Был определённый порядок. Выходить из него он не мог, да и не хотел.

На привокзальной площади в черной снежной слякоти, среди окурков и шелухи от семечек стояли мокрые грязные скамейки. Валенки сразу набухли. На платформе народу было так много, что Павел Иванович засомневался, сможет ли влезть. Поезд пришел переполненный. Двери едва приоткрылись, и втиснуться, казалось, не было никакой возможности. Но ему повезло: сзади оказалась толстая баба с двумя корзинами, и напиравшие сзади люди внесли его в тамбур вместе с нею. В спину впилась корзина. Баба шевелилась, устраиваясь.

Черти, а не люди! – ругалась она. – Всем ехать надо. Чего в вагон-то не идёте?
 Пустой совсем.

Поехали. Перед носом Павла Ивановича дышал перегаром краснорожий мужчина и бормотал что-то матерное и непристойное. Сбоку курил парень и дым пускал прямо в глаза. Баба вдруг накинулась на Павла Ивановича.

- Ты, в шляпе! Очки напялил. Не видишь что ли, что у меня корзину поставить некуда. Да подвинься ты, что ли.
- Да куда же двигаться? вдруг озверел Павел Иванович и оттолкнул корзину локтем.
- Что же это, люди добрые? заголосила баба. Залез вперёд меня и толкается?! Господи! И что за народ пошел?!

Поезд остановился. Сзади стали напирать и выдавили Павла Ивановича из тамбура в вагон. Он вздохнул с облегчением: корзина с лопатки куда-то исчезла. В вагоне был душно, окна запотели. Серые, уставшие лица окаменели от долгой и однообразной дороги.

Павел Иванович, стоя, задремал. А уж снилось ему — не дай бог! Мигал жёлтыми кошачьими глазами Сфинкс, хохотал, содрогался, как трактор. Потом вдруг— топот копытец: тук, тук... Верблюд хрюкал и матерился, плевался в лицо мокрым снегом. Жарко, жарко в Сахаре! Да, жарко стало Павлу Ивановичу. Щеки горели. Он заболевал. Стал бить озноб.

Вылез в Кунцеве. Шел, не думая, за толпой. Места были знакомые. В полной темноте дошёл он до своего дома в Царском Селе, как, по словам Лёли, местные жители прозвали их микрорайон. Ему повезло: лифтерша куда-то отлучилась, и он проскользнул незамеченным. На кухне он увидел записку от Лёли: «Павел, меня не жди. Уехала к Юре. У них заболела Иришка. Позвони». Он успел раздеться, добрался до постели и рухнул. Сквозь сон слышал назойливые звонки телефона, но не было сил подняться.

По возвращении Ольга застала страшную картину. Посреди холла около столика для коктейлей стояли мокрые грязные валенки. На полу около тахты валялось мокрое, заляпанное бог знает чем пальто, а на тахте в горячке и бреду лежал Павел. Бред был страшный: какая-то Агафья, колбаса, самосвал, потом вдруг шёпот: «Господи, Господи...», и опять Агафья. Какие-то хвостики?! Она вызвала врача. Слава Богу, обошлось! Он выздоровел и всё рассказал Ольге, а больше никому. Хотели послать Агафье валенки посылкой, но Павел Иванович не знал названия деревни.

Потом, проезжая мимо поворота, на котором в тот злосчастный вечер сидела Агафья, Павел Иванович всякий раз думал: «Надо бы заехать, отдать три рубля. Да привезти что-нибудь в подарок». Но как объяснишь, зачем? Начнутся вопросы. Потом уж с досадой закрывал глаза около этого места. А валенки пришлось выбросить.

Но не всем так не везло в Ночь под Рождество. Взять, к примеру, Осипа, по вине которого начался пожар. Ему, наоборот, очень даже повезло. Через час после бегства из Сурминова Осип Кузьмич добрался до московского шоссе. Лыжи и телогрейку бросил в придорожные кусты, спустил вниз подвязанные под мышки полы пальто, поправил шапку и вышел на шоссе. Стал переходить на другую сторону, чтобы поймать машину в сторону Москвы. А в это время как раз напротив остановилась легковая машина, из неё вышел какой-то мужик и пошел назад. Осип решил рискнуть. Зашел сзади, ничего не говоря, влез в неё и сел на заднее сиденье. Шофер, услышав стук дверцы, не оглядываясь, тотчас поехал. Осип решил и дальше молчать. Ехали быстро, и скоро въехали в город. Машина остановилась где-то в Кунцеве, у дома-башни. Шофер что-то буркнул, но Осип ничего не ответил, вылез из машины, поднялся на крыльцо и подождал, пока машина уехала. Потом спокойно пошёл к ближайшей станции метро и скрылся.

Когда гнавшиеся по его лыжному следу милиционеры вышли на шоссе, они разглядели на обочине следы шин и по их рисунку догадались, что машина была не простая. Видать, стояла специально, поджидая преступника. Так ни с чем они и вернулись в Сурминово. Московские следователи приняли к сведению их рапорт, похвалили за оперативность, но с *такой машиной* решили не связываться. Так что «дело о пожаре в Сурминове» повисло в воздухе. По Сурминову опять поползли чёрные слухи. Кое-кто вспомнил о пожаре в избе дяди Пети, а иные даже усмотрели связь между этими двумя пожарами. Дело кончилось тем, что директору вынесли строгий выговор за халатность. Пожар объяснили самовозгоранием от оголенной электропроводки, сделанной на скорую руку на время предстоящего ремонта. Сгоревшие в угловой комнате книги списали по акту. В инвентарных книгах против каждой единицы хранения Ариадна Ивановна собственноручно проставила маленьким штампом «УТРАЧЕНО».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Забыты древние ступени, Разобран храм на кирпичи, Со старых стен исчезли тени, Но не исчезли москвичи. Евгений Чернявский. Ода. 1975

Отпуск у Марии Михайловны кончился, и она решила, что пора поехать в тот музей, куда месяц назад она получила направление от Управления Культуры. Ехать одной не хотелось, и она позвала с собой Зинаиду. Они выехали из Москвы ранним утром. День был будний, в электричке пусто. От станции ехали на автобусе. Автобус остановился напротив ворот в монастырской ограде. Монастырь был основан в XVII веке патриархом Никоном и назывался Воскресенским, но более был известен под своим вторым именем, Новый Иерусалим. Это название он получил потому, что патриарх построил в нём точную копию храма Воскресения, или Гроба Господня, расположенного на Голгофе в Иерусалиме.

В музее был выходной день. Они нашли помещение, где сидела главный хранитель, и вместе с нею прошли в Дирекцию. Деловые переговоры прошли на редкость быстро и в доброжелательном тоне. Оказалось, что в музее хранится монастырский архив с документами XVII-XVIII веков, архив не разобранный и научно не обработанный. Само по себе, заняться таким архивом было бы очень интересно, но ежедневно ездить на работу в такую даль из Москвы Мария Михайловна, конечно, не могла. К счастью, выяснилось, что музей сможет предоставить ей комнату в общежитии. Зарплата, как всегда, мизерная, всего 105 рублей. Это её устраивало. Она написала заявление о приёме на работу и договорилась, что выйдет на работу в начале февраля.

Прошли святки, крещенские праздники и морозы. Приближался день мученицы Татьяны, именины Татьяны Юрьевны. Каждый год в этот день у неё собирались школьные друзья, приходили родственники, учителя и бывшие ученики. Маша обычно приезжала к маме накануне помогать. Так было и на этот раз. Шинковать капусту для начинки в пирог ужасно скучно. Чтобы не терять времени зря, Маша решила расспросить маму по давно волновавшему её вопросу.

- Мама, скажи, тогда, в 20-е годы, вы в церковь ходили?
- Старшие Белявские, конечно, ходили. Они были верующие люди. Но их дети нет, и в церковь не ходили. Ещё девочкой я ходила к причастию с бабушкой и дедушкой в Пименовскую церковь около Новослободской. Помню, один раз мне было уже 11 лет мы возвращались из церкви, и я пристала к бабушке, почему после исповеди я не чувствую облегчения? Дедушка рассердился за еретические разговоры, а бабушка спокойно объяснила мне, что облегчения я не чувствую, потому что я маленькая и грехов у меня мало, а у взрослого человека грехов много и он, покаявшись, чувствует облегчение.

- Тебя это объяснение удовлетворило?
- Я не помню. Помню, что к исповеди я больше не ходила, а в 14 лет стала уже убежденной атеисткой. Большую роль в этом сыграла смерть бабушки. Я её очень любила и долго не могла смириться с её смертью. Сильно повлиял на меня также и роман Войнич «Овод». Я над ним рыдала. И возненавидела Монтанелли.
- Над Оводом я тоже рыдала. Однако никакой связи между Богом и Монтанелли я не усматривала, наверное, из-за атеистического воспитания. Но почему дети, воспитанные верующими родителями, становились атеистами?
- Не знаю. Как учитель и педагог я могу лишь предположить, что одной из причин могло быть обязательное обучение Закону Божьему в гимназиях и училищах. Мне кажется, что одно это могло отвращать детей от Церкви. Во-первых, потому что не все священники, учившие детей жить по заповедям, сами эти заповеди соблюдали. А дети, как известно, максималисты, и, если взрослые легко соглашаются на компромисс, то дети и люди с детской психологией очень чутки к проявлению лицемерия, лжи и ханжества. И второе. Любая, самая распрекрасная идеология, как только становится школьным предметом, начинает вызывать отвращение. За примером далеко ходить не надо. Спроси себя, почему дети убежденных коммунистов становятся или диссидентами, или идут в Церковь? Запретный плод сладок, а насильственное кормление манной кашей вызывает отвращение на всю жизнь.
  - А бабушка рассказывала тебе, почему она стала атеисткой?
- Как она мне объясняла, её до глубины возмутило то, что Церковь считает рожениц нечистыми. Для неё женщина-мать была достойна самого глубокого уважения, и она отвергла религию, в которой, как ты сама, наверное, знаешь, постоянно читают молитву со словами: «Во грехах родила меня мать моя».
  - Да, знаю. Это 50-й псалом.
- Ну и как? Ты, читая его, тоже считаешь меня греховной? с улыбкой спросила Татьяна Юрьевна дочь. Впрочем, я шучу. Мне думается, что христиане редко задумываются о смысле произносимых ими слов, да и понять прочитанное очень трудно. Сужу, конечно, по самой себе. У твоего деда Библия была, и так же, как ты, я однажды начала её читать. Уже от книги Бытия я была в ужасе. Одна история с Лотом и его дочерьми чего стоит. А когда я дошла до книги Иисуса Навина, то читать стало и вовсе нестерпимо. На каждой странице: «Я Господь твой говорю: убей всех мужчин и женщин, младенцев и стариков, и весь скот...» Не представляю себе, как подобное можно было изучать в гимназиях.
  - А Евангелие?
- Что касается Евангелия, то и эту книгу я понять не смогла. Ведь там изложены четыре варианта одних и тех же событий. Ты объясняла мне, что во всех четырех говорится об одном. Но я их совместить не смогла. Ты уж меня прости, Маша, но я так и не поняла, сыном какого Бога был Иисус того самого Иеговы из книги Иисуса Навина? Или другого? И чему Иисус учил? Почему он не пришёл, как обещал, вскоре? А ты всё это понимаешь?
  - И я многого не понимаю.
  - А что же тебе говорят твои «отцы»? Ты их спрашиваешь?
- Сначала спрашивала. Но ответы получала невразумительные. Чаще всего ответ один: «Бог непознаваем... Размышлять не Ваше дело. Сначала надо от грехов очиститься, тогда и поймёте».
- Ну, ладно, оставим богословие богословам. Скажи, пожалуйста, почему ты этот разговор затеяла?

- Не могу понять, почему интеллигенция до Революции столь враждебно относилась к Церкви? Почему миллионы православных людей не смогли защитить свои храмы и своих пастырей? Мало этого, ты ведь и сама знаешь, что в революционных организациях было немало выходцев из духовенства, то есть детей и внуков священников, при этом чаще всего уже обученных в Духовных школах. Почему, каким образом они становились атеистами? Разве не удивительно, что самыми известными народными демократами стали дети священников, Добролюбов и Чернышевский? Но самое интересное, что уже в XVIII веке сами православные священники и даже монахи и епископы становились членами масонских лож. Ведь это все равно, как если бы современные священники и епископы вступали в КПСС.
- Так. Теперь всё понятно. Опять любимая тема масоны и их козни. Но откуда ты узнала о масонах из духовенства?
- Из Сурминовского архива. Я тебе уже говорила, что Камынины и их родня были **розенкрейцерами**. Есть такая, сугубо мистическая, ветвь масонства. Духовенство влекло именно в такие ложи. В архиве сохранились протоколы со списками членов тайных лож. Эти *рыцари Розового Креста* вели свои *«работы»* и в московских усадьбах, и в подмосковных.
- Странно. Насколько я помню, с сомнением в голосе произнесла Татьяна Юрьевна, масонские ложи были запрещены ещё при Александре Первом, где-то в начале 1820-х, а твои Камынины, кажется, жили гораздо позже, в 1850-е.
- В том-то и дело. После запрещения они ушли в подполье и продолжали свои оккультные «работы», во всяком случае, до 1860-х годов. В их протоколах я и обнаружила выходцев из духовенства. Представляешь, как я была потрясена, увидев среди посетителей ложи «Умирающего сфинкса» имя Филарета Дроздова. Ведь он был Московским митрополитом с 1821 по 1867 год, то есть весь период расцвета московских розенкрейцеров. Интересно, что других масонов хоронили на Донском кладбище, где архимандрит тоже был масоном, а розенкрейцеры хоронили своих «братьев» на другом кладбище в Спасо-Андрониковском монастыре, где архимандрит был «рыцарем Розового Креста».
- Маша, ты знаешь, что розенкрейцеры, архимандриты и митрополиты меня не интересуют. А ты, как нарочно, опять на эту тему свела разговор. С капустой мы закончили. Теперь пойди на кухню и посмотри, не сварились ли овощи.

Маша покорно пошла на кухню, сняла с плиты кастрюлю с овощами и вымыла груду посуды, чтобы заодно отвязаться и от этого дела. Вернувшись в комнату, она тут же продолжила разговор. Татьяна Юрьевна пыталась протестовать и призывала ложиться спать, потому что завтра им рано вставать. Но от Маши было трудно отделаться.

- Нет уж, дорогая мамочка. Я ещё не сказала тебе того, что касается нас с тобою непосредственно.
  - Господи, что же это? Ну, говори.
- Дело в том, что одним из весьма влиятельных «рыцарей» был наш родственник, правда, не по прямой, а по боковой линии. Звали его Григорий Николаевич Коробьин, и был он сенатором.
- Вот уж открытие! Я давно знаю об этом сенаторе, равнодушно ответила Татьяна Юрьевна. Мне и Юрий рассказывал, и у Брокгауза об этой ветви написано. Одна из дочерей декабриста Матвея Муравьева-Апостола вышла замуж за сына этого сенатора, Владимира. И так как род Муравьевых-Апостолов по мужской линии на Матвее прекратился, то по его прошению царь дозволил Владимиру присоединить к своей фамилии эту двойную. Так и получились Коробьины-Муравьевы-Апостолы. Но даже если этот сенатор был розенкрейцером, какое он к нам имеет отношение?

- Мама, ты историк или нет? Как ты не понимаешь?! Ну, хорошо, скажу ещё одну любопытную вещь. Во-первых, он был женат на одной из дочерей розенкрейцера Камынина, а мужем второй дочери был тоже «рыцарь», из рода Арсеньевых. Вовторых, в высшей ложе Теоретического Градуса с ними вместе «работал» ещё один «рыцарь», Дмитриев-Мамонов. Помнишь, рассказ Софьи Петровны о том, как дед защищал на процессе в Анапе в 1918 году госпожу Кузьмину-Караваеву?
  - Помню, устало проговорила Татьяна Юрьевна.
- Так вот, настойчиво продолжала Маша, ты даже не представляешь, какие бывают удивительные родословные связи! Когда парижане 14 июля взяли Бастилию, они убили коменданта. Фамилия его была де Лоне. Его сын был лекарем в армии Наполеона и остался в России, где его фамилия превратилась в Делоне. А уже внук коменданта женился на одной из самых богатых наследниц в России на дочери розенкрейцера Дмитриева-Мамонова. Их дочь, Софья Делоне, вышла замуж за генерала Пиленко. И вот, через 130 лет после взятия Бастилии, от русских санкюлотов в Париж бегут внучка и правнучка убитого санкюлотами коменданта. Возможно, они вместе с французами каждый год праздновали взятие Бастилии. Какое странное «пересечение»! Разве тебе не интересно?
- Всё это, безусловно, интересно. Но всё же не настолько, чтобы провести за подобными разговорами бессонную ночь. Я настаиваю на том, чтобы ты утихомирилась и легла спать. Ведь ты обещала встать рано, чтобы мне помогать. Я разбужу тебя в семь утра, имей в виду.

Маша испугалась и тотчас стала укладываться спать. Рано вставать не хотелось, но с неизбежными неприятностями всем приходится мириться. Засыпая, она с сожалением думала, что не успела доложить маме о том, что обнаружила изображение коменданта Бастилии среди рисунков Михаила Ксенофонтовича. Потом вспомнила деда. Только его могли заинтересовать её рассказы. Уже десять лет, как он умер, а ей всё не верится.

Рано утром Татьяна Юрьевна поставила опару, потом замешивала тесто. Весь день они вместе с Машей готовили праздничный стол. Часам к пяти, когда всё было готово, Татьяна Юрьевна села отдохнуть в бабушкином кресле, а Маша стала накрывать на стол. Постелила белую крахмальную скатерть, поставила зеленый графинчик с водкой, настоянной на лимонных корочках, и рядом селёдочницу. Расставила тарелки, разномастные стопки и рюмки, винегрет и салаты. Специально никого не звали, но ясно было, что соберется не меньше пятнадцати человек.

День был воскресный. Гости приходили отдохнувшие, а не утомленные, как в будни после рабочего дня. Первыми пришли Виктор с Лизой и принесли цикламены в горшке, украсили стол. Ровно в шесть пришли Чижовы, Олег Павлович с Валерией Петровной и Алёшей. Олег Павлович тут же потребовал чаю. Алёша с Виктором выпили по рюмке водки "с морозца" и пошли курить в коридор. Там они встречали украшенных морозом дам и помогали им снимать шубы. Прибыли школьные подруги именинницы: застенчивая Елена Дмитриевна, меланхоличная Лида Полежаева, очаровательная тётя Туся и безалаберная Ольга Белова. Пришли «девочки» из её первого выпуска: Лида Делюсина, Женя Ларина, Марина Тимофеева и Галя Лютикова. Они часто её навещали.

Олег Павлович призвал больше никого не ждать и тотчас садиться за стол. Его послушались, шумно расселись и принялись раскладывать закуску и разливать кому водку, кому вино. В это время явилась лучезарная **Ирина Афанасьевна**, подруга Маши и тоже бывшая ученица Татьяны Юрьевны. Раздались первые тосты, приступили к пирогу.

Разлили шампанское, и в виде торжественного тоста Маша прочитала поэтическое послание имениннице. Оно называлось так же, как эта глава: «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ».

Нынче время такое — нам не мечтается, Но прошлое светло вспоминается: Люди старые, их голоса и лица, — В день Татьяны, их покровительницы.

В день Татьяны, святой мученицы, Снег идёт по старинной улице. Вспоминая *о том, о сём* — о былом, Он стучится в окна, в старый Дом.

Стол накрыт: картошка и водка, Винегрет, пирог и селёдка— Десять, сорок лет назад— Как тогда, и днесь стоят.

В старой булочной, в переулочке, **Гость** купил **конфеты и булочки** И спешит с мороза в наш дом Вместе вспомнить о былом.

Как только выпили шампанское, раздался звонок, и действительно явился упомянутый в стихах гость. Это был давний друг Маши, ещё по Университету, где он получил прозвище «железный Боб» В театре «Летучая мышь» он единственный из актёров был удостоен звания Народного артиста, возможно, за его способность перевоплощаться в кого угодно. Иногда в кино и спектаклях он один исполнял по дветри роли. Но Боб принес не поэтические «конфеты и булочки», а прозаическую бутылку водки, которая, заметим, оказалась весьма кстати.

Татьяна Юрьевна непрерывно бегала к телефону и принимала поздравления от своих учеников, от учителей-коллег, от школьных друзей, живших в других городах бескрайней страны. Вечерняя почта принесла груду поздравительных открыток. Включили проигрыватель и открыли танцевальную часть. Все любили старинные танго, фокстроты и Хэмпердинка. Алеша Чижов пригласил тётю Тусю, Олег Павлович — Машу, Виктор — Ирину Афанасьевну. Танцевали очень весело, ловко маневрируя в узком пространстве между столом, шкафами и креслами. Мамины «девочки», оживлённо разговаривая, накрывали стол к чаю.

Снова уселись за стол. Вспомнили **Пир при дворе короля Людовика** и другие маскарады, спектакли и вернисажи в стенах театра-кабаре «Летучая мышь». Мечтали о будущих пирах и встречах. Потом плавно перешли к обсуждению «политических» новостей. Говорили о новинках «самиздата», о жестокой судьбе известного академика, о подпольных выставках художников-авангардистов. Елена Дмитриевна сказала, что МОСХ согласился устроить выставку работ Михаила Ксенофонтовича к столетию со дня его рождения. А это значит, не раньше 1986 года.

— Таня сказала, что тебя берут на работу в Новый Иерусалим, — обратилась к Маше Елена Дмитриевна. — А ведь у меня в этом музее есть знакомые искусствоведы, очень милые девушки. Они у меня несколько картин и рисунков Михаила Ксенофонтовича приобрели. Мало того, устроили замечательную выставку художников 1920-1930-х годов. Летом я была на открытии выставки. Места там замечательные.

Естественно, не обощлось и без разговоров **о пожаре в Усадьбе**. Посыпались вопросы, возгласы недоумения, возмущения и даже негодования. Мария Михайловна с некоторой примесью иронии рассказала о своём визите к Павлу Ивановичу. Знала бы она, в чью машину уселся нечаянный поджигатель усадьбы, наёмный грабитель Осип! Лиза рассказала, что ей звонила Ариадна Ивановна и с радостью сообщила, что на таможне перехватили готовые к вывозу подлинные картины Кипренского и Рокотова, недавно сворованные из Усадьбы. Все посмеялись над злоумышленниками, замыслы коих разбиваются о необоримую силу Промысла и оборачиваются против них самих. Вот и в последний раз — замышляли выкрасть архив "Ищущих манны" розенкрейцеров, а в результате он им не достался.

- Но ведь и Усадьба пострадала! заметил благоразумный Олег Павлович.
- Зато обеспокоенная пожаром общественность всколыхнулась и осмелилась подать голос, парировала Лиза. В журнале «Искорка» напечатали статью «**ЧП в Сурминове**», а в журнале «Пламя» статью «**Доколе**?» И в результате директора всётаки убрали.
- A нам нового директора назначили, пропел своим знаменитым басом Боб, и все рассмеялись, потому что эта цитата из Высоцкого была весьма кстати.
- Действительно, назначили, подтвердила Мария Михайловна. Но кого? Вчера мне звонила Вера Павловна. Сказала, что директором назначили Крысина, того самого Хромого, который организовал похищение фарфора из Конного двора.

Раздались возгласы: «Не может быть! Как же это? Надо сообщить, куда следует! А куда следует? Но он же окончательно погубит Усадьбу!»

Все, конечно, огорчились, но решили не унывать, твёрдо помня, что времена бывали и похуже. Но при всех внешних, *«неудобоисполнимых»*, как сказал бы человек XVIII века, обстоятельствах частная и внутренняя жизнь этих людей покоилась на иных основаниях и своими корнями уходила глубоко в прошлое. Всегда оставалась надежда на то, что «бесы» и «разрушители» не смогут до них добраться и не на всём им удастся поставить клеймо «утрачено». Что говорить, утрачено многое, но всё равно: **Егдо bibamus!** Давайте выпьем за радость бытия!

Разошлись поздно. На прощанье, как всегда, выпили «на посошок».

Чудаки! Они сожалели о старых домах и не догадывались, что на слом предназначена вся страна.

На следующее утро Татьяна Юрьевна и Маша встали поздно и с удовольствием пили утренний кофе с остатками вчерашнего пиршества. Разговор снова вернулся к пожару в Усадьбе, и Татьяна Юрьевна сказала, что недавно перечитывала свои выписки из книг за 1926 – 1934 годы. Среди прочего там оказалась одна любопытная цитата, которую она хотела показать Маше. Татьяна Юрьевна встала, подошла к письменному столу и вынула из верхнего ящика маленькую книжку в кожаном переплете. Маша не раз перечитывала стихи из альбомов бабушки и из маминых тетрадей. Некоторые из них она даже печатала в своем журнале «Летучая мышь» в рубрике «Стихи из старых альбомов». Но эту книжечку она видела впервые и удивилась, почему мама не показывала её прежде.

— Она лежала в моей шкатулке, поэтому ты и не могла её видеть, — объяснила Татьяна Юрьевна. — Там лежат и другие «реликвии» той поры, когда мы поженились с твоим отцом. Я сама редко её перечитывала и совершенно не помню, из-за чего в 1928 году я выписала такую длинную цитату из романа Синклера «Сильвия». Мне было тогда всего 17 лет, и мне непонятно, чем она меня так поразила. Не помню даже, о чём шла речь в этом романе. Но теперь она поразила меня удивительным совпадением с вашим пожаром в Сурминове. Вот, послушай.

Татьяна Юрьевна нашла искомую страницу и прочитала вслух:

«Однажды ночью пришла весть, что "Розовый дом" горит, и соседи сбежались со всех сторон. Но была ненастная ночь, дул неистовый ветер, вся крыша и верхняя часть дома были объяты пламенем, и все поняли, что дом осуждён на гибель. А там была такая великолепная зала, в которой танцевали их отцы и деды!

"Последний танец" — закричала молодёжь и бурно ворвалась в дом. Слуги пытались было достать рояль, но хозяин дома остановил их — что такое рояль в сравнении с романтической скрипкой? И вот один играл, а другие танцевали — танцевали под оглушительный рёв пожара, танцевали в чёрных облаках дыма. Танцевали, как безумные, танцевали и пели хором.

Пламя вихрем врывалось в окна, а они пели, пели:

Вы слышите, как радостно звучат колокола, вы видите, как ночь ликующе светла? — в весёлом старом городе танцуют до утра!

Наконец, над ними затрещали балки, пепел и искры посыпались дождём, и только тогда они бросились бежать и потом, **столпившись на лугу**, смотрели, как рухнул приют их наслаждений, и в последнем порыве пламя взвилось к небу. В этом рассказе таился страшный символ: **рушился целый мир**, а люди **танцевали, танцевали...**»

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

или долгое прощание

Всё это было когда-то, Но только не помню, когда... А.К. Толстой. 1840-е

В то январское утро 1982 года, которым закончился роман, Татьяна Юрьевна и Маша более всего были поражены множеством совпадений между рассказом о пожаре в «Розовом доме» и пожаром в Сурминове. Маша особое значение придавала тому, что на акварелях XIX века дом в Сурминове тоже выглядел розовым. Но в то время они ещё не могли догадаться, что и в сурминовской истории «таился» тот же «страшный символ». Осознание пришло позже, когда они увидели, как «рушился старый мир».

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ, в 1991 году, Автору пришло в голову написать этот роман. Как ни странно, но с эпилогом у него возникли проблемы. Казалось бы, чего проще написать, как сложились судьбы героев в дальнейшем? Но сколько он ни пробовал, получалось нечто вроде социологического опроса: кто стал демократом и депутатом, а кто сторонником ГКЧП, кто уехал за границу, а кто остался. И так как эпилог у него явно не получался, то он, по совету Маши, завершил свой роман «символическим» образом горящего Розового дома. В те годы Автор даже сделал несколько попыток пристроить свое сочинение в какой-либо журнал, но из этого, естественно, ничего не вышло.

Прошли ещё 15 лет, и весной 2006 года друзья Автора стали уговаривать его издать роман частным образом, то есть за свой счет. Не говоря уже о том, что «счета» у него не было, он хорошо понимал, что за 15 лет многое изменилось не только во внешней жизни, но и в его мировоззрении. На всякий случай Автор всё же перечитал «Усадьбу» и в результате поддался соблазну: решил публиковать. Понимая, что в романе изображены близкие Марии Михайловне люди, он подумал, что, прежде всего, на это надо получить её согласие.

Автор позвонил ей и рассказал о своих намерениях. Она, в принципе, не возражала против публикации, но сказала, что тоже хочет перечитать роман, потому что многое забыла. Наконец, они встретились и вместе обсудили предстоящую затею.

— Я перечитала «Усадьбу», но спустя 15 лет мне кажется, что надо написать эпилог, иначе возникает ощущение незавершенности, — сказала она Автору при встрече. — Подумай сам, кому в наше время могут быть интересны события из далекого советского прошлого? Тем более, столь незначительный эпизод, как несправедливое изгнание сотрудников какого-то провинциального музея? За последние годы случилось столько самых невероятных катастроф, потрясений и преступлений, что такой сюжет может вызвать только снисходительную улыбку. Вряд ли кто-нибудь догадается искать в «Усадьбе» некий символ грядущего разрушения Советского Союза, первые признаки которого появились будто бы уже в 1981 году.

И, помолчав, она пояснила:

- Да, история с Розовым домом удивительно совпадает с историей в Сурминове. И хотя мы в Сурминове в буквальном смысле слова не «танцевали», но нечто похожее в наших затеях всё же было. За день до изгнания поставили «Разбойников» Шиллера. Но согласись, что в те годы нам никому и в голову не могло придти, что наш Розовый дом был «осуждён на гибель». Мы ничего не предчувствовали. Точно так же, как в своё время не предчувствовали гибель своего Розового дома наши деды и бабушки.
- Но как раз об этом мы уже говорили с тобой в 10-й главе, возразил Автор. Ты не помнишь? Именно о типичности ситуации, её почти «дословных» повторениях. Вспомни, что Софья Петровна говорит об отношении к Революции? «Февральскую Революцию вся интеллигенция встретила восторженно, с энтузиазмом. Я не помню, чтобы кто-нибудь выражал сожаление по поводу отречения царя. Его и царицу не любили, и надеялись, что вот теперь наступит "царство свободы". Однако очень скоро наступило разочарование. Начались неурядицы, нехватка продуктов, бандитизм. Цены страшно подскочили, в магазинах трудно было что-нибудь достать и, например, сахар приходилось доставать "по блату"». Можно подумать, что она говорит о «перестройке». Не так ли?
- Всё это так, согласилась с ним Маша. Но почему в 1917 году вся интеллигенция с восторгом встречала Революцию и социализм, а через 70 лет так же восторженно новая, рабоче-крестьянская интеллигенция встретила Реставрацию капитализма? Мало того, стали сожалеть по поводу отречения царя, произвели его в святые и требуют его «реабилитации». Не знаю, как ты, но меня тоска берёт от этих повторений. Меня по-прежнему занимает вопрос: когда же начался распад Советской Империи? Почему мы не обращали внимания на явные признаки? А ведь они были. Вот, послушай, несколько выдержек из моего дневника за летние месяцы 1970 года. Мне они показались интересными.

Из дневника 1970 года: «Станция Би-Би-Си давала обзор "ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в СССР". Они видят его опору в "среднем классе". Это — молодые специалисты. Обозреватель подчеркивает пассивность, пессимизм и безнадежность в рядах этой опоры. Десятки активных — распространение самиздата, Хроника текущих событий, демонстрации. Сотни — сочувствующих, но махнувших рукой.

По-моему, они преувеличивают значение "движения" и придают излишнюю определенность разрозненным настроениям. Интересно, что на молодежь и студентов они почему-то ставки не делают. Разболтано поколение, выросшее при хрущевской Оттепели. **Фанатизм** сталинского поколения и **равнодушие** нового могут ужиться и со временем породить самые невероятные «гибриды» в полицейском государстве.

Общество наше (в экспедиции) — более чем на 50% еврейство. Поэтому разговоры часто переходят на темы антисемитизма, ассимиляции и т.п. В общем, "вечерами я занимаюсь сионизмом", как любит шутить Эмма Зеликман. Интересно, что евреи выступают только за свою ассимиляцию, но не других народов. Они даже немного обижаются, когда я доказываю ценность сохранения отдельного народа, разных народов — как сохранение личности в обществе. Возможно, такое сохранение противоречит какому-то объективному процессу образования единого человечества. Но это кажется мне совсем скучным.

Проблема растущего антагонизма между интеллигенцией и рабочим классом. Государство подмазывается к рабочим и их задабривает. Создаёт иллюзию рабочего правления ("и даже солнце не вставало б, когда бы не было меня" — поют рабочие), их большого влияния на ход дел. В народе — тёмные мифы, глухие мысли. Отсутствие информации — дает поистине устрашающие плоды народной фантазии».

— Ну, как? — спросила она, закончив читать. — Оказывается, «средний класс» у нас уже был за 20 лет ДО «перестройки». По-видимому, это так и есть, потому что, если бы его не было, то кто бы стал разваливать Союз? Их обозреватели знали, о чём говорили и для кого. А вот моя реакция на услышанное по Би-Би-Си была неверна. Затем в том же дневнике я пишу о «процессе образования единого человечества». Теперь это называется «глобализацией», но дело не в терминах, а в том, что идеи глобализации внедрялись в мозги уже в 1970-е годы. Что же ты молчишь? — спросила она, недоумевая, почему Автор никак не реагирует на её слова.

Внезапно Мария Михайловна заметила, что его нет, и она говорит сама с собой. По правде говоря, его никогда и не было. Это была литературная фикция или, если угодно, литературный приём. Но через 25 лет не имело смысла продолжать эту игру в Автора и морочить людям голову. В конце концов, не может же она издавать роман под псевдонимом. А, может, всё же отказаться от этой затеи? Несмотря на постоянные колебания, она за два месяца отредактировала текст, несколько глав изъяла, написала две новых и, закончив эту работу, поняла, что надо написать ещё одну главу. Последнюю. Это слово напомнило ей, что в романе и без того набралось слишком много всего «последнего». Целая коллекция. Как это она раньше не заметила и не обратила внимания Автора на странное пристрастие к этому эпитету. Последнее лето в Сурминове; Последний поэт и Последняя смерть Баратынского, Последний танец в Розовом доме у Синклера. И вот теперь ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА. А ведь в ней ещё предстоит поставить последнюю точку.

Она представила, как литературоведы XXIII века обнаружат в этой повторяемости некий скрытый смысл или символ, или, ещё хуже, что-нибудь вроде «шифра Бэкона» или «Кода да Винчи». Как плохо кончаются разные игры и мистификации! Двести лет не могут разгадать «тайну имени Шекспира», и число претендентов на авторство перевалило уже за половину сотни. Или пресловутый **АВТОР** «Слова о полку Игореве»? Ведь и на его место выдвинуто около 20 претендентов. И все — научнообоснованные. Подумалось и о том, как литературоведам бывает трудно изучать «творческую лабораторию» авторов.

Но, шутки и вымыслы в сторону! Перейдем к подлинным документам.

В ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЕ мне захотелось рассказать, в какой обстановке этот роман был написан, какие события происходили в стране и как мы на них реагировали. Но рассказать об этом не по памяти и не своими словами, а с помощью дневников моей мамы, Татьяны Юрьевны. Она была историком, с интересом следила за текущими событиями и довольно подробно их описывала, поэтому по её записям теперь можно изучать нашу историю за 1985 — 2000 годы. Конечно, мне бы хотелось их издать, но удастся ли это сделать и когда, неизвестно. Поэтому я и решила хотя бы немногое из них включить в роман про «Усадьбу». Она была его первым читателем и критиком, и её памяти он посвящен. Вот несколько выдержек из дневника Татьяны Юрьевны за 1991 год. В прямых скобках мои примечания.

4 марта. Звонила Наташа **[это я и есть]** — она теперь пишет роман. Вот новости! А как же её книга о Новом Иерусалиме и патриархе Никоне? Неужели она её забросит?

5 марта. Смотрела программу «Время». Подписали договор с Германией. Прибалты проголосовали за независимость. Грузия, Армения, Молдова не хотят участвовать в референдуме. Ох! Ох! Ельцина кто-то назвал разрушителем.

9 марта. На днях Ельцин в своем выступлении прямо призывает к войне против руководства страны. Говорит, что договор о Союзе не устраивает Россию и тому подобное. Большинство республик всё же за сохранение Союза.

10 марта. Приехала к Наташе. Читала начало романа под названием «УСАДЬБА». В основе лежат события, действительно случившиеся почти 10 лет тому назад. Написано очень хорошо, описание природы, люди. По-моему, это всё же не роман, а очерки жизни, или картины жизни. Но Наталья, конечно, рассердилась. Правда, судить ещё рано, ведь написаны только 4 главы.

17 марта. Прошел долгожданный референдум. С голосованием всё запуталось. Два дня назад я хотела голосовать ЗА сохранение Союза и ПРОТИВ российского президентства и московского «мэрства». А сегодня на все три вопроса ответила «ДА». Проголосовала за сохранение Союза, за необходимость президента для России (раз уж они есть во всех республиках!) и за то, чтобы мэра Москвы избирали всеобщим голосованием. Если бы спросили, нужен ли мэр, я бы ответила: нет. Но, видимо, вопрос уже решен, тогда пусть уж выбирают, а не назначают. Звонила Наташе. Она принципиально не пошла голосовать и страшно ругала меня за то, что я ходила. Может, она и права. Наверное, всё будет идти как идет, и все референдумы ни на что влияния не окажут.

24 марта. Днем поехала к Наташе. Читала её «роман». Очень хорошо написано, но все же я и теперь считаю, что это не роман, а «картинки из жизни». В «романе» два романа, в общем-то, могущие обойтись друг без друга. Ну, неважно — это ведь **не для печати**. Да и 2-й части ещё нет, так что судить рано.

31 марта. Уже четыре дня идет Чрезвычайный Съезд народных депутатов РСФСР. В первый день демократы организовали митинг, а президент Союза [Горбачев] его запретил и ввел войска в центр города. Сведения о митинге и войсках разноречивы. Одни говорят, что солдаты не были вооружены, а другие (организаторы митинга) утверждают, что были пулеметы, что омоновцы били людей дубинками. В тот же день случился сильнейший пожар в здании посольства США. Заседания съезда показывают по TV. Съезд идет, время идет, и ничего конкретно не решается. Обстановка на съезде ужасная — кричат, стучат, захлопывают тех, кто не нравится. Говорят, говорят, спорят без конца. И ни к чему не могут придти. Сегодня сделала много хозяйственных дел. Стала «реформировать» свою блузку, из которой я «выросла», но, боюсь, что у меня получится так же, как и у них с государственными реформами.

1 апреля. Господи, какая скучная жизнь! И у всех на уме одно: где, что, сколько стоит, большая ли очередь?

8 апреля. Живу у Наташи. Вчера была Пасха. Приходил Олег Павлович. Он ярый демократ: ходит на митинги, написал письмо «в верха» с предложением провести земельную реформу по учению утописта Оуэна. Бред какой-то! Наташа с ним спорила по всем вопросам. Она с увлечением пишет свой роман. На сотой странице она вдруг **от «конца»** вернулась **к «началам»**, то есть **в 1880-е** годы, во времена детства и юности моей мамы. Откопала записную книжку дедушки, в которую он записывал все перипетии своего романа с бабушкой в 1882 году. Как уж она сведет *концы* с *началами*, — не знаю!

20 апреля. Вчера, наконец, архивист из Рязани привез мне наше «Родословное древо». Сегодня весь день его срисовывала и пыталась в нём разобраться.

5 мая. День смерти мамы. Ездила на кладбище. Оттуда поехала к Наташе. Прочитала ещё несколько глав неоконченного романа. Читать его очень приятно, но мешает узнавание людей. Действующие лица все знакомы, а зовут их как-то иначе, и все время спотыкаешься и прикидываешь: кто же это на самом деле? Взялась за Лескова. Читаю его роман «На ножах». Роман написал против нигилистов и вообще всяких революционеров. А его герои — современники моих дедушек и бабушек.

10 мая. Все ещё живу у Натки. Приезжал Костя, привёз два номера «Нашего современника», где напечатана статья Льва Гумилева.

Он «евразиец», очень благоволит татарам, утверждает, что никакого ига не было, а настоящие враги Руси — литовцы и белорусы. Натка прямо кипела, а я больше смеялась — уж очень всё нелепо. А сегодня целый час сама ругалась с Костей по телефону из-за этой бредовой статьи Гумилева. Он за него горой! Дочитала роман «На ножах» — поубивали массу народа — 10 человек! А один сошел сума! Весёленький роман, ничего не скажешь.

21 мая. Живу у Наташи. Она целыми днями сидит и печатает свою «Усадьбу» на машинке. А я читаю «роман» по мере его готовности. Вторая часть интереснее и «цельнее». Не всё хорошо, но есть и хорошие места.

31 мая. Во всю идет подготовка к выборам президента РСФСР. Они назначены на 12 июня. Сегодня по TV в программе «Кто есть кто?» было интервью с Жириновским — одним из претендентов на русский «престол».

4 июня. Наташа свой «роман» пробовала давать на прочтение родственникам и знакомым, но особого интереса он не вызвал. Её подруга, Ирка, и вовсе читать не стала, сказала, что ей скучно. Чему же удивляться? Все события романа очень близко затрагивают Наташу и ещё нескольких человек, а многим, конечно, скучно. Я ей говорила, что даже «Мастера и Маргариту» не все могут читать, а уж твой роман...

Сегодня перечитала «Усадьбу» ещё раз и поняла, что мне он все же очень нравится, хотя я по-прежнему романом его не считаю. Над некоторыми главами — о нашей жизни у Юрия, о детском празднике и моих именинах — даже почти плакала. Очень хорошо написано. Возможно, мне он нравится потому, что почти каждая строка вызывает сопереживание. Завтра Наташа на всё лето уезжает в Новый Иерусалим. Не знаю, когда я к ней смогу выбраться. Все же это очень далеко, а у меня уже силы не те. Как я всегда волнуюсь за её здоровье и как скучаю без неё!

13 июня. Вчера мы с Надей Мироновой поехали к Наташе в Новый Иерусалим. Сегодня день прохладный. Я прошлась по территории монастыря, зашла в архив. Наташа в этот момент переписывала почерком, стилизованным под XIX век, только что сочиненный ею стих. Она тут же мне его вручила с торжественным посвящением.

«Когда в лучах багрового заката я зрю цветок изысканный граната, я вспоминаю Вас. И под рустованной колонной, в тени опорного пилона, в вечерний час, вся в кружевах далекого Брабанта, под мерный звук забытого белль-канта пишу стихи для Вас».

НА ПАМЯТЬ О НОВОМ ИЕРУСАЛИМЕ».

Шумит поток *Кедрон*.
На склонах *Елеона* чуть слышен треск цикад, И лип душистая армада
Ведёт нас в *Гефсиманский сад*.
Здесь, у купели *Силоама*,
Проходит ангелов тропа.
Среди берез, у *дуба Авраама*,
Чуть виден Скит,
А там, за Истрою, в черемухе душистой *Фавор* стоит.
У берега на струнах серебристых
Поёт волна торжественный псалом.
И воздух чист,
И в сумраке душистом
Парит над рощею *Давидов Дом*.

Как я рада за неё, что ей здесь нравится! И, главное, она так увлечена своей работой. Вернулась в Красный дом. Варила щи и картошку. Вечером обсудили с Наташей **президентские выборы**, к счастью, в полном согласии. А в Москве меня то и дело «воспитывают» знакомые демократы. Горой стоят за Ельцина, да так агрессивно. Форменная «гражданская война». Выбрали всё же Ельцина. Но вообще-то, голосовали **только 65%.**

10 июля. Сегодня день смерти Юрия, но он мне сегодня не вспоминался. Смотрела по телевизору посвящение Ельцина в президенты России. Мы всё гадали, на чём он будет давать клятву? Не на Библии же? И не на конституции, которая ещё не выработана? Нет, — на собственном сердце! Выступали: актер Олег Басилашвили, патриарх Алексий и президент Горбачев. В первом ряду сидело всё духовенство — патриарх, муфтий, раввин и, видимо, разные протестанты и баптисты. Парадоксы нашей жизни: на днях должна состояться «презентация» (?) фильма об иконе Владимирской Божьей матери. А в храме св. Людовика 27 июня прошла интронизация первого в истории России католического архиепископа Московского и Евразийского.

13 июля. Сегодня день смерти Леночки Танненберг. Вот уже 5 лет, как умерли мои самые близкие подруги: Туся, Леночка и Лида. Сколько мне осталось?

19 июля. С 1 августа будут продавать квартиры — кто? кому? Ничего не ясно. Скоро у нас будет съезд «**сексуальных меньшинств**» — только этого нам не хватало. В Париже нашли какого-то «внука» из дома Романовых, ему 12 лет. И наши умники хотят привезти его к нам, чтобы «воспитывать царем». — Идиоты!

5 августа. Кругом беды, за всех страшно, всех жалко. Больше всего боюсь за моего Митюшу. На вопрос из газетной анкеты, чего ты больше всего боишься, он ответил: «Остаться один, без родных». Почему у него такая мысль?

Государственная Комиссия по Чрезвычайному положению (ГКЧП). 1991 год, 19 - 25 августа.

[Мама подробно описала события тех дней, но здесь приведены только записи, отражающие наши настроения.]

22 августа. Натка злится на меня за то, что я не верю её мрачным прогнозам, будто победа команды Ельцина — это путь к диктатуре и окончательному развалу Союза Независимых Государств. Не может быть, чтобы ушли от нас Украина и Белоруссия. А у Наташи висит карта Союза во всю стену, и уже год назад она черным фломастером провела границы, в которых мы будто бы останемся. Смотреть неприятно. Но я ей не верю.

25 августа. Надо бы поехать к Натке, а я просто боюсь её отчужденности при малейшем несогласии с ней. Вот хоть этот путч. Наташа говорит, что члены Комитета занимали высшие посты в Союзном правительстве и потому не могли поднять путч против самих себя. Как унтер-офицерская вдова у Гоголя не могла сама себя высечь. Она считает врагами народа не путчистов, а как раз правительство Ельцина. Формально она права, но действовали они, по меньшей мере, глупо. В первый день мне их планы показались разумными, а потом! Нельзя же было вводить в город танки! — Эти танки, комендантский час, их позорное бегство. Нет, конечно, слава Богу, что их разгромили. Напугали всех, и боязнь их диктатуры вызвала массовый протест против них. А теперь, как бы победители не установили свою, демократическую диктатуру.

27 августа. Все республики объявляют о своей независимости, даже те, которые всегда были с Россией, — Украина и Белоруссия. Академик Блохин на сессии Верховного Совета сказал, что создалась угроза массовых репрессий (Неужели Натка права?).

Я, конечно, беспринципный человек, вернее, я не тверда в своих взглядах и могу от них без особого труда отказаться. Впрочем, в данном случае, какие взгляды? — Впечатления от тех или иных людей и, безусловно, влияние TV. Во всей этой истории с «путчем» много неясного. Ведь, в конце-то концов, кому все это оказалось выгодным? — Ельцину, демократам. Вот и установят они свою диктатуру, а не «центр».

1992 год, 16 февраля. Сегодня по TV сообщили — так, между прочим, — что Международное Географическое общество решило **изъять Советский** Союз с географических карт. Вот так. **Нас больше нет**. Зато Бейкер ездит по стране, как хозяин. Ох, тошно.

Итак, роман был написан весной **1991 года**, когда «**БОЛЬШАЯ УСАДЬБА**», Советский Союз, **ещё существовала**, но уже лишь номинально. В декабре шайка бывших членов КПСС собралась в Беловежской пуще и в одночасье с ним покончила. А всего через два месяца страна исчезла с географических карт.

НАС БОЛЬШЕ НЕТ — всего три слова, и на этой грустной ноте в романе «Усадьба» можно поставить **последнюю точку**.

Осталось только попрощаться с читателем. Как пелось в одной песне в затерянном мире советского периода: **Что сказать вам, москвичи, на прощанье?** Пожалуй, на прощанье можно привести одно стихотворение, которое любила моя мама. Его написала американская поэтесса **Сара Тисдейл** (Sara Teasdale, **1884-1933**). Мама нашла его в рассказе Рэя Бредбери «Будет ласковый дождь» из сборника «Марсианские хроники». Имя поэтессы я отыскала в Интернете и с удивлением узнала, что она родилась в один год с моей бабушкой. Мне кажется, что это стихотворение замыкает круг событий, объединяя жизнь трёх поколений.

Будет ласковый дождь, будет запах земли, щебет юрких стрижей от зари до зари, и ночные рулады лягушек в прудах, и цветение слив в белоснежных садах; огнегрудый комочек слетит на забор, и малиновки трель выткет звонкий узор. И никто, и никто не вспомянет войну: пережито – забыто, ворошить ни к чему. И ни птица, ни ива слезы не прольёт, если сгинет с земли человеческий род. И весна... и Весна встретит новый рассвет, Не заметив, что нас уже нет.

Album Poesie УТЕШЕНИЕ

СТИХИ ИЗ СТАРЫХ АЛЬБОМОВ 1890 – 2000.

На память Нине — мама
Когда невольною тоскою,
Стеснится грудь твоя и выступит слеза,
Подумай, что стою я вновь перед тобою,
Что я гляжу тебе в глаза...
З.П., 1900

М.К. Соколов. **Дама.** 1935 Бумага, акварель, тушь, перо. 28,8 x 20,3

БУДУЩЕМУ ЧИТАТЕЛЮ.

Въ альбомъ О.А. К - ой.

Хоть стих наш устарел, но преклони свой слух И знай, что их уж нет, когда-то бодро певших: Их песня замерла, и взор у них потух, И перья выпали из рук окоченевших! Но смерть не все взяла. Средь этих урн и плит Неизгладимый след минувших дней таится: Все струны порвались, но звук ещё дрожит, И жертвенник погас, но дым еще струится...

А.Н. Апухтин 1867.

СОДЕРЖАНИЕ

Эти стихи выписывали в свои альбомы, тетради и дневники люди трех поколений: **Нина Евгеньевна Белявская-Коробьина** (1884 – 1970), врач – моя бабушка **Татьяна Юрьевна Коробьина** (1911 – 2004), учительница – её дочь и моя мама **Наталья Михайловна Михайлова** (р. 1940 – ?), географ – их внучка и дочь

Н.М. Языков (1803 – 1847). ПЛОВЕЦ. Нелюдимо наше море.

Н.М. Минский (1855 – 1937). Тянутся по небу тучи тяжелые,

А.А. Лукьянов (1871 - 1942). Не называй безумными мечты

* * * Быстры, как волны, дни нашей жизни

Игорь Северянин (1887-1941). КОНЕЧНОЕ НИЧТО. Декабрь 1918

Игорь Северянин. КРАШЕНЫЕ. Январь 1919

М.Ю. Лермонтов (1814 – 1841). И скучно, и грустно, и некому руку подать

М.Ю. Лермонтов ЧАША ЖИЗНИ

К.Д. Бальмонт (1867 – 1942). ЗАЧЕМ? Господь! Господь, внемли, я плачу, я тоскую

К.Д. Бальмонт. ЗАТОН. Когда ты заглянешь в прозрачные воды затона.

К.Д. Бальмонт. ЛЕБЕДЬ. Заводь спит. Молчит вода зеркальная.

Игорь Северянин. Поэма-миньонет. Это было у моря, где ажурная пена

Саша Чёрный (1880-1932). БОЛЬНОМУ. Есть горячее солнце, наивные дети

Саша Чёрный. ЛАМЕНТАЦИИ. Хорошо при свете лампы/Книжки милые читать

Allegro (П.С. Соловьева). В ЛЕСУ НОЧЬЮ.

А.К. Толстой (1817 – 1875). ЧАСЫ. В старинном замке скребутся мыши

А.С. Пушкин (1799-1837). Из Пиндемонти. Не дорого ценю я громкие слова. 1836

Александр Блок (1880 – 1921). Ты помнишь? В нашей бухте сонной.

Мариэтта Шагинян. Минуты поздних сожалений. 1911

Валерий Брюсов (1875 – 1924). МАГИСТРАЛЬ. 1924

Валерий Брюсов. МИР ЭЛЕКТРОНА. 1922

Елена Благинина (1903 – 1989). ДРУГИЕ СНЫ. 1940

Владимир Вишневский. ПОЕЗДКА К ДРУГУ ДЕТСТВА. 14 декабря 1987

А.Н. Апухтин. ИЗ ЗАПИСОК ИПОХОНДРИКА. «Жизнь пережить — не поле перейти!»

Игорь Северянин. СТРАННО. *Мы живем точно в сне неразгаданном*

А.Н. Апухтин (1840-1893). ИЗ БУМАГ ПРОКУРОРА (отрывок)

Ольга Фокина. РАЗЛОЖЕНИЕ АТОМА. Начало 1990-х

Евгений Евтушенко. ЛЮДИ. ... Не люди умирают, а миры. 1970

В.А. Жуковский (1783-1852). ВОСПОМИНАНИЕ. О милых спутниках, которые наш свет

Стихи из альбомов Нины Евгеньевны Белявской. 1897 – 1915 годы

Н.М. Языков

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море, день и ночь шумит оно; в роковом его просторе много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный парус мой направил я: полетит на скользки волны быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем, крепнет ветер, зыбь черней, будет буря, мы поспорим и помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет, закипит громада вод, выше вал сердитый встанет, глубже бездна упадет.

Там, за далью непогоды есть блаженная страна: не темнеют неба своды, не проходит тишина.

Но туда выносят волны только сильного душой... Смело, братья! Бурей полный, Прям и крепок парус мой.

Не грусти, что листья с дерева валятся — Будущей весною вновь они родятся. А грусти, что силы молодые тают, Что черствеет сердце, думы засыпают. Только лишь весною теплотой повеет, Дерево роскошно вновь зазеленеет. Силы ж молодые сгинут, не вернутся. Сердце очерствеет, думы не вернутся.

Н. М. Минский

Тянутся по небу тучи тяжелые, Мрачно и сыро вокруг. С плачем деревья качаются голые... Не просыпайся, мой друг! Не разгоняй сновиденья весёлые, Не размыкай своих глаз — Сны мимолётные, Сны беззаботные Снятся лишь раз! Счастлив, кто спит, Кому в осень холодную Грезятся ласки весны. Счастлив лишь тот, Кто про долю свободную В тесной тюрьме видит сны... Горе проснувшимся! В ночь безысходную Им не сомкнуть своих глаз – Сны мимолётные, Сны беззаботные Снятся лишь раз.

БЫСТРЫ, КАК ВОЛНЫ...

Быстры, как волны, дни нашей жизни, Что час, то короче к могиле наш путь. Умрёшь – похоронят, как не жил на свете, Сгниёшь – не восстанешь к веселью друзей.

Налей же, товарищ, заздравную чару.

Бог знает, что с нами Станет впереди. Посуди, посуди, Что нам будет впереди!

Гробом закроют глаза навсегда, По смерти не станешь пить больше вина.

Будущность темна, как осенняя ночь,

Прошедшее гибнет для нас навсегда.

Налей же, товарищ, заздравную чару.

Бог знает, что с нами Станет впереди. Посуди, посуди, Что нам будет впереди!

* * *

Стихи Северянина были написаны в декабре **1918** и январе **1919.** Т.Ю. Коробьина выписала их в свой дневник **31 декабря 1991 года**, встречая **Новый 1992 год.** И стихи, написанные **73** года тому назад, вновь оказались востребованными и звучали вполне актуально.

Игорь Северянин

конечное ничто

С ума сойти – решить задачу: свобода это иль мятеж? Казалось, всё сулит удачу и вот теперь удача где ж? Простор лазоревых теорий, и практика – мрачней могил... Какая ширь была во взоре! Как стебель рос! И стебель сгнил... Как знать: отсталость ли европья? Передовитость россиян? Натура ль русская — холопья? Сплошной кошмар. Сплошной туман. Изнемогли в противоречьях, не понимаем ничего. Все грезим о каких-то встречах но с кем, зачем и для чего? Мы призраками дуализма приведены в такой испуг, что даже солнечная призма таит грозящий нам недуг. Грядет Антихрист? Не Христос ли? Иль оба вместе? Раньше – кто? Сначала тьма? Не свет ли после? Иль погрузимся мы в ничто?

&€

КРАШЕНЫЕ

Сегодня «красные», а завтра «белые» — Ах, не материи! Ах, не цветы! — Людишки гнусные и озверелые, Мне надоевшие до тошноты. Сегодня пошлые и завтра пошлые. Сегодня жулики и завтра те ж. Они, бывалые, пройдохи дошлые, Вам спровоцируют любой мятеж. Идеи вздорные, мечты напрасные, Что в «их» теориях — путь к Божеству. Сегодня «белые», а завтра «красные» — Они бесцветные по существу.

М.Ю. Лермонтов

И скучно, и грустно, и некому руку подать В минуту душевной невзгоды...
Желанья... Что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — все лучшие годы!
Любить... Но кого же? На время не стоит труда!
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё так ничтожно...
Что страсти! — Ведь, рано, иль поздно, их сладкий недуг Исчезнет при слове рассудка:
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг — Такая пустая и глупая шутка...

ЧАША ЖИЗНИ

Мы пьём из чаши бытия С закрытыми очами, Златые омочив края Своими же слезами, Когда же перед смертью с глаз Завязка упадает, И всё, что обольщало нас, С завязкой исчезает, Тогда мы видим, что пуста Была златая чаша, Что в ней напиток был — мечта, И что она не наша.

К.Д. Бальмонт

3 A 4 E M?

Господь! Господь, внемли, я плачу, я тоскую, Тебе молюсь в вечерней мгле. Зачем Ты даровал мне душу неземную – и приковал меня к земле? Я говорю с тобой сквозь тьму тысячелетий, я говорю Тебе, Господь, что мы обмануты, мы плачем, точно дети, и ищем: где же наш Отец? Когда б хоть миг один звучал Твой голос внятно, я был бы рад сиянью дня, но жизнь, любовь и смерть – всё страшно, непонятно, всё неизбежно для меня. Велик Ты, Господи, но мир Твой не приветен, как всё великое, он нем, И тысячи веков напрасен, безответен Мой скорбный крик: «Зачем? Зачем?..»

К.Д. Бальмонт

3 A T O H

Когда ты заглянешь в прозрачные воды затона, под бледною ивой, при свете вечерней звезды, невнятный намек на призыв колокольного звона к тебе донесется из замка хрустальной воды. И ты, наклонившись, увидишь прекрасные лица, испуганным взором заметишь меж ними себя, и в сердце твоем за страницею вспыхнет страница, ты будешь читать их, как дух, не скорбя, не любя. И будут расти ото дна до поверхности влаги узоры упрямо и тесно сплетенных ветвей, и будут расти и меняться, – как призраки саги растут, изменяясь в значенье и силе своей. И всё, что в молчании ночи волнует и манит, что тайною чарой нисходит с далеких планет, тебя в сочетанья свои завлечет — и обманет, и сердце забудет, что с ними слияния нет. Ты руку невольно протянешь над сонным затоном, и вмиг всё бесследно исчезнет, – и только вдали, с чуть слышной мольбою, с каким-то заоблачным звоном, незримо порвется струна от небес до земли.

К.Д. Бальмонт

ЛЕБЕДЬ

Заводь спит. Молчит вода зеркальная. Только там, где дремлют камыши, Чья-то песня слышится печальная, Как последний вздох души. Это плачет лебедь умирающий, Он с своим прошедшим говорит, А на небе вечер догорающий И горит и не горит. Отчего так грустны эти жалобы? Отчего так бьётся эта грудь? В этот миг душа его желала бы Невозвратное вернуть. ... И когда блеснули звёзды дальние, И когда туман вставал в глуши, Лебедь пел всё тише, всё печальнее, И шептались камыши. Не живой он пел, а умирающий, Оттого он пел в предсмертный час, Что пред смертью вечной, примиряющей, Видел правду в первый раз.

Саша Чёрный

БОЛЬНОМУ

Есть горячее солнце, наивные дети, Драгоценная радость мелодий и книг. Если нет, — то ведь были, ведь были на свете И Бетховен, и Пушкин, и Гейне, и Григ...

Есть незримое творчество в каждом мгновенье — в умном слове, в улыбке, в сиянии глаз. Будь творцом! Созидай золотые мгновенья. В каждом дне есть раздумье и пряный экстаз.

Бесконечно позорно в припадке печали Добровольно исчезнуть, как тень на стекле. Разве Новые встречи уже отсияли? Разве только собаки живут на земле?

Оставайся! Так мало здесь чутких и честных... Оставайся! Лишь в них оправданья земли. Адресов я не знаю — ищи неизвестных, Как и ты, неподвижно лежащих в пыли.

Будь женой или мужем, сестрой или братом, акушеркой, художником, нянькой, врачом, *Отдавай* — и, дрожа, не тянись за возвратом. Все сердца открываются этим ключом.

Есть еще острова одиночества мысли. Будь умен и не бойся на них отдыхать. Там обрывы над темной водою нависли — Можешь думать... и камушки в воду бросать.

А вопросы? Вопросы не знают ответа — Налетят, разожгут и умчатся, как корь. Соломон нам оставил два мудрых совета: Убегай от тоски и с глупцами не спорь.

Если сам я угрюм, как голландская сажа (улыбнись, улыбнись на сравненье мое!), это черный румянец — налёт от дренажа, это Муза меня подняла на копье.

Саша Черный

ЛАМЕНТАЦИИ

Хорошо при свете лампы Книжки милые читать, Пересматривать эстампы И по клавишам бренчать...

В книгах жизнь широким пиром Тешит всех своих гостей, Окружая их гарниром Из страданий и страстей. Смех, борьба и перемены, С мясом вырван каждый клок! А у нас... углы, да стены И над нами потолок.

Где событья нашей жизни,

Кроме насморка и блох? Мы давно живём, как слизни, В нищете случайных крох. Спим и хнычем. В виде спорта, Не волнуясь, не любя, Ищем Бога, ищем черта, Потеряв самих себя...

@80

Игорь Северянин

Это было у моря, где ажурная пена, где встречается редко городской экипаж... Королева играла — в башне замка — Шопена и, внимая Шопену, полюбил её паж.

Было всё очень просто, было всё очень мило: Королева просила перерезать гранат, И дала половину, и пажа истомила, И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово, До восхода рабыней проспала госпожа... Это было у моря, где волна бирюзова, Где ажурная пена и соната пажа.

Песни, что пела мне мама

ДЕТСКИЙ САДИК

Детский садик, что пчелиный рой, Там детишки бегают гурьбой, Они гуляют там и тут, Взапуски бегут, бегут, бегут. У фонтана, где большой каштан, Черноглазый мальчуган Перед девочкой стоит, И тихонько ей он говорит: «Оля, Оля, вырасту большой, Далеко уедем мы с тобой, Отращу я для красы, Как у Федьки-дворника, усы». Годы мчатся, точно ураган, Стал уже студентом мальчуган. Оле нашей ровно двадцать лет, Расцвела она, как маков цвет. У фонтана встретилися вновь, Не забыли детскую любовь. «Слушай, Оля, любишь ли меня?» И в ответ он еле слышит: «Да». Годы шли, и как-то вечерком Дома старички сидят вдвоем. Тускло огонёк в печи горит, Олечка о прошлом говорит: «Помнишь, Коля, тот фонтан, Ту весну и наш каштан, Мою девичью красу, Длинную до пояса косу?». «Полно, Оля, полно горевать И о прошлом горько вспоминать. Посмотри на молодежь, Что прошло, того уж не вернёшь».

Дмитрий Минаев (1835 - 1889)

Не троньте майского жучка! За что его губить? Росу небес он пьёт с листка, К цветку порхая от цветка, Ему не долго жить! Не троньте майского жучка!

Allegro (Полина Соловьева).

в лесу ночью.

Ночь и тишина... Полная луна Лишь одна не спит, — Ходит да глядит, Как в лесу глухом, Под корявым пнем Лист зашевелился: Гриб на свет явился.

А.К. Толстой

ЧАСЫ

В старинном замке скребутся мыши, в старинном замке, где много книг, где лёгкий шорох так чутко слышен, в ливрее спит лакей старик. В старинном замке больна царевна, в подушках белых, прозрачней льда... И только слышно на башне древней стучат часы: «всегда»... «всегда»... А у камина сидят старушки и что-то шепчут, чего-то ждут. Царевне плечи томят подушки... Часы стучат: «мы тут»... «мы тут»... И смерть на башне рукой костлявой, как минет время, о доску бьёт; и гулко в сводах, и смех гнусавый из тьмы сырой дрожит, зовёт... Во время звона царевне страшно: придёт за ней немой звонарь. И снова тихо на древней башне; шагает смерть, прикрыв фонарь.

ШАР ГОЛУБОЙ

Песенка из к/ф «Юность Максима». Её пел Борис Чирков, мамин любимый актер.

Крутится-вертится шар голубой, Крутится-вертится над головой, Крутится-вертится хочет упасть: Кавалер барышню хочет украсть.

Где эта улица, где этот дом? Где эта барышня — вся в голубом? — Вот эта улица! Вот этот дом! Вот эта барышня, что я влюблён!

УВЕРЛЕЙ.

Пошел купаться Уверлей — Уверлей! — Оставив дома Доротею, На помощь пару-пару-пару пузырей — пузырей! — Берёт он, плавать не умея.

Но что сулил ему злой рок? — Да, злой рок! — Нырнул, нурнул вниз головою. Но голова- ва-ва тяжеле ног —тяжеле-ног! — Она осталась под водою.

А Доротея, пропотев, — пропотев! — Купаться тоже захотела, Но ноги мило-милого узрев — да, узрев! — Она тотчас остолбенела.

Прошли года, и пруд заглох — да, заглох! — И заросли в саду аллеи, Но всё торчит-торчит-торчит Там пара ног, там пара ног И остов бедной Доротеи.

МОЛОДОСТЬ 1960-1970-х

Александр Блок

Ты помнишь? В нашей бухте сонной Спала зеленая вода, Когда кильватерной колонной Вошли военные суда...

...Мир стал заманчивей и шире, И вдруг — суда уплыли прочь, Нам было видно: все четыре Зарылись в океан и в ночь...

Как мало в этой жизни надо Нам, детям, — и тебе и мне. Ведь сердце радоваться радо И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном Найди пылинку дальних стран — И мир опять предстанет странным, Закутанным в цветной туман.

А.С. Пушкин

Из Пиндемонти

Не дорого ценю я громкие слова, От коих не одна кружится голова. Я не ропщу о том, что отказали боги Мне в сладкой участи оспоривать налоги Или мешать царям друг с другом воевать; И мало горя мне, свободно ли печать Морочит олухов, иль чуткая цензура В журнальных замыслах стесняет балагура. Всё это, видите ль, слова, слова, слова*. Иные, лучшие мне дороги права; Иная, лучшая потребна мне свобода: Зависеть от царя, зависеть от народа — Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому Отчета не давать, себе лишь самому Служить и угождать; для власти, для ливреи Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи; По прихоти своей скитаться здесь и там, Дивясь божественным природы красотам И пред созданьями искусств и вдохновенья Трепеща радостно в восторгах умиленья. Вот счастье! Вот права...

Мариетта Шагинян

Минуты поздних сожалений, Что в этом мире горше вас? Какая скорбь, какие **пени** Вернут невозвратимый час?

И сердце мысль одна тревожит, Один укор терзает нас: Он по иному был бы прожит, Когда б вернуть ушедший час!

О, смертный, бойся страшной казни, Вина из **чаши** не пролей — И совершенней, глубже, связней Себя в **своём** запечатлей.

1911

RA

Валерий Брюсов

мир электрона.

Быть может, эти электроны — **Миры, где пять материков**, Искусства, знанья, войны, троны И память сорока веков!

Еще, быть может, **каждый атом** — **Вселенная**, **где сто планет**; Там всё, что здесь, в объеме сжатом, Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но всё **та же Их бесконечность, как и здесь**;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

Их мудрецы, свой мир бескрайний Поставив центром бытия, Спешат проникнуть в искры тайны И умствуют, как ныне я.

А в миг, когда из разрушенья Творятся токи новых сил, Кричат, в мечтах самовнушенья, Что бог свой светоч погасил!

1922

Валерий Брюсов

МАГИСТРАЛЬ.

Были лемуры, атланты и прочие... Были Египты, Эллады и Рим... Варвары, грузы империй ворочая, Лишь наводили на мир новый грим...

Карты пестрели потом под феодами, Чтоб королям клочья стран собирать... Рушились троны и крепли... И одами Славили музы борьбу, рать на рать...

Царства плотились в союзы, в империи, Башнями строя штыки в высоту...
Новый бой шел за земные артерии...
Азию, Африку, всё — под пяту!

Труд поникал у машин и над нивами... Армии шли — убивать, умирать... **Кто-то**, чтоб взять всю добычу, ленивыми Пальцами двигал борьбу, рать на рать. Было так, длилось под разными флагами, С Семирамиды до Пуанкаре...

Кто-то, засев властелином над благами, Тесно сжимал роковое каре.

Небо сияло над гордыми, **зваными**... **Жизнь миллионов плелась в их руках**...

Ho — ветер завыл над людскими саваннами, Буря, что издавна тлела в веках.

И грань легла меж прошлым и грядущим, Отмечена, там, где-то, дата дат: Из гроз последних лет, пред миром ждущим, **Под красным стягом** встал иной солдат.

Мир раскололся на две половины: Они и мы! Мы — юны, скудны, — но! В века скользим с могуществом лавины, И шар земной сплотить нам суждено.

Союз Республик! В новой магистрали Сольют свой путь все племена Европ, Америк, Азий, Африк и Австралий, Чтоб скрыть в цветах былых столетий гроб.

1924

&&&&&&&&&&&&&&&&

СТАРОСТЬ 1980-1990-х

Стихи из тетрадей Т. Ю. Коробьиной и Н.М. Михайловой

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ. Н. М. 1992

Мы прожили так странно — Нигде не бывали, Не ездили в дальние страны: О них мы мечтали. В музеях мы Гойю смотрели, В альбомах — Тёрнера акварели, В концертах слушали Генделя И книги читали.

Смотрели, слушали и читали, Нигде не бывали. Лондон, Париж и Мадрид Только во снах видали. Прощайте, далёкие страны — Столицы, моря, океаны. Мы всё о вас знаем И больше о вас не мечтаем.

Елена Благинина

ДРУГИЕ СНЫ.

Другие сны слетятся к изголовью, Умолкнут грозы в стынущей крови, И то, что называли мы любовью, Воспоминаньем станет о любви.

И обернётся жизнь иною мукой, Иным вонзится в сердце остриём... И то, что называли мы разлукой, Быть может, страхом смерти назовём.

И если в час последнего прощанья, Восстанут вдруг в угаснувшей крови Все неисполненные обещанья, Все росстани, все горести любви,

Ответим мы томительным рыданьем Обрадуемся, что ещё живём, И то, что называли мы страданьем, Обыкновенной жизнью назовём.

1940

Владимир Вишневский

ПОЕЗДКА К ДРУГУ ДЕТСТВА

Дождь, — как быт, моросящий без пауз. А в метро — пересадки и грусть. Как я трудно к тебе добираюсь, но я верю, мой друг, доберусь!.. Будет всё: и любимые строки, и мелодии из оперетт... Наше детство и наши итоги, и застолье с обзором газет. А пока что — проезд и осадки. Через город, на перекладных добираюсь, терпя пересадки, беззаветно, как без выходных. Под землёю час пик, переходы, а на свет появляешься — дождь, овощные лотки, эпизоды, неформальная молодежь.

На исходе двадцатого века, когда жизнь непосильна уму, как же нужно любить человека, чтобы взять и поехать к нему.

1987, 14 декабря

Игорь Северянин

СТРАННО

Мы живём точно в сне неразгаданном На одной из удобных планет... Много есть, чего вовсе не надо нам, А того, что нам хочется, нет...

А.Н. Апухтин

ИЗ ЗАПИСОК ИПОХОНДРИКА

«Жизнь пережить — не поле перейти!» Да, точно: жизнь скучна и каждый день скучнее; Но грустно до того сознания дойти, Что поле перейти мне всё-таки труднее.

А.Н. Апухтин

ИЗ БУМАГ ПРОКУРОРА (отрывок)

«... Когда ж, при свете разума и книг, Мне вдаль веков пришлося углубиться, Я человечество столь гордое постиг, Но не постиг того, чем так ему гордиться.

Близ солнца, на одной из маленьких планет, Живет двуногий зверь некрупного сложенья, Живет сравнительно еще немного лет И думает, что он — венец творенья, Что все сокровища ещё безвестных стран Для прихоти его природа сотворила, Что для него ревёт в час бури океан.

И борется зверёк с судьбой насколько можно, Хлопочет день и ночь о счастии своём, С расчётом на века устраивает дом... Но ветер на него пахнул неосторожно — И нет его... пропал и след... И, умирая, он не знает, Зачем явился он на свет, К чему он жил, куда он исчезает.

При этой краткости житейского пути, В таком убожестве неведенья, бессилья Должны бы путники соединить усилья И дружно общий крест нести... Нет, люди — эти бедные микробы — Друг с другом борются, полны Нелепой зависти и злобы. Им слёзы ближнего нужны, Чтоб жизнью наслаждаться вдвое, Им больше горя нет, как счастие чужое! Властители, рабы, народы, племена — Все дышат лишь враждой, и все стоят на страже... Куда ни посмотри, везде одна и та же Упорная, безумная война! Невыносимо жить!..»

Ольга Фокина, [1989?]

Разложение атома

Я живу без интереса К оглашённому «прогрессу», Год от года безнадёжней Свой натягиваю гуж: Слишком много перевесов В пользу плутов, мотов, бесов, Суеты пустопорожней, Краснобаев и чинуш. Не хочу давать ответы на дежурные анкеты: Как справляюсь с перестройкой? Как арендный чту подряд? ... На худое — нет запрета, На святое — нет декрета. Непоман на месте бойком Всё и вся разрушить рад. И привыкшие не рушить Поразвешивали уши: жизнь в колхозе — под бульдозер! Землю рви на лоскуты! Огребайся, загребущий! Разоряйся, неимущий: Из Америки навозим Работяг, коль сгинешь ты! Из Америки — пшеницы, Из Америки — певицы, Из Америки — болезни, Из Америки — шприцы... Успевай посторониться, Русский «лодырь», «раб», «тупица»: В узелок манатки, песни И — валяй под бубенцы Вниз по матушке по Волге комсомольцы, комсомолки, пионеры и партийцы, Сталин, Ленин, револю... Ох, и резвые ребята Те, что нынче в демократах во Москве, родной столице, в той, которую люблю!

...Всё родное - «оплошало», «Обнищало», «отощало»! То ли дело за границей -Облизнулись, кто езжал! А народец неезжалый Надо вымести, пожалуй, Иль помочь скорее спиться, Чтоб езжалым не мешал. Пере-пере-пере-пере: в атмосфере! В мере! В вере! Ты создашь — они разрушат: Что возьмешь с таких ребят? Потому не будь тетерей: на ворота, ставни, двери закрывай, душевный, душу: Не выстуживай себя.

* * *

Не разлагайте атом: Энергия — убъёт! ...Пока сидим по хатам: Кто думает, кто пьет. Кто лозунги малюет В поддержку и протест... Мы прежде были — люди, А нынче — кто мы есть? – Голодные – дурные. Без принципов-идей — Простые составные Гадюк-очередей: За запахом куриным, За хрюшкиным мослом... Зато внедряем рынок! Зато Союз – на слом! Зато, не зная брода, Зовёт нас в воду власть, Зато кругом свобода Обманывать и красть, Зато не друг для друга, А каждый для себя: От севера до юга Живи, греби, ребя! Земной поклон — богатым! Тройной — на бедных — гнёт. Не разлагайте атом: Энергия — убъет. [1991]

Евгений Евтушенко

ЛЮДИ

... У каждого есть тайный личный мир, Есть в мире этом самый лучший миг. Есть в мире этом самый страшный час, но все это неведомо для нас. И если умирает человек, с ним умирает первый его снег, и первый поцелуй, и первый бой... Всё это забирает он с собой. Да, остаются книги и мосты, машины и художников холсты. Да, многому остаться суждено, Но что-то ведь уходит всё равно. Таков закон безжалостной игры: Не люди умирают, а миры. Людей мы помним, грешных и земных, а что мы знаем, в сущности, о них? Что знаем мы про братьев, про друзей? Что знаем о единственной своей? И про отца родного своего мы, зная всё, не знаем ничего. Уходят люди... Их не возвратить, Их тайные миры не возродить. И каждый раз мне хочется опять От этой невозвратности кричать.

В.А. Жуковский

воспоминание

О милых спутниках, которые наш свет Своим присутствием для нас животворили, Не говори с тоской: *ux нет*; Но с благодарностию: *были*.

Татьяна Юрьевна КОРОБЬИНА (1911 –2004)

Заслуженная учительница РСФСР. Историк. Фото 1967. Москва

Наталья Михайловна МИХАЙЛОВААвтор романа.

Год рождения 1940. В 1963 году окончила Географический факультет МГУ по кафедре океанология. Работала геофизиком, программистом и геологом. С 1981 по 1995 годы — архивист в подмосковных музеях. Издатель семейного архива.

Фото: октябрь 1982 года.

СОДЕРЖАНИЕ

УСАДЬБА. Роман.

Часть I. ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО в СУРМИНОВЕ	3
1. ПОРТРЕТ	5
2. ПЕЙЗАЖ	12
3. ФАРФОР	21
4. ПУТЕШЕСТВИЕ	28
5. СКЕПТИЧЕСКАЯ ШКОЛА	35
6. БРИЛЛИАНТОВОЕ ГНЕЗДО	43
7. ИЩУЩИЕ МАННУ	49
8. ЗЛОУМЫШЛЕНИЕ	55
9. РАЗБОЙНИКИ.	61
Часть II. ИЗГНАННИКИ.	71
10. РАЗДУМЬЯ	7 3
11. СМУТНОЕ ВРЕМЯ	80
12. ФИЛОСОФ	91
13. ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ	104
14. СУДЬБА ХУДОЖНИКА	115
15. ПРАЗДНИК	133
16. ВИЗИТ	140
17. ПОЖАР	144
18. ТАТЬЯНИН ДЕНЬ	153
ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА	160
СТИХИ ИЗ СТАРЫХ АЛЬБОМОВ	167

ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АВТОРА

Опубликованные статьи:

[в квадратных скобках курсивом псевдонимы]

Техника фрески: левкас и краски. —«Химия и жизнь», **1969**, №№ 6. [*Н. Коловрат*] **Родовой архив Тютчевых.** — «Литературное наследие», **1985**

Биографический очерк о художнике М.К. Соколове (1886 — 1947), предваряющий публикацию: **«ПИСЬМА М.К. Соколова за 1941-1945».** — «Москва», **1989**, №2

Благодарение. Очерк о встречах с С.Н. Юреневым. — «Москва», 1990, №6

Неизвестный художник Николай Стефанович Зертис-Каменский (1723-1771). — «Памятники культуры. Новые открытия», **1990**

Датировка парсуны патриарха Никона. – там же, 1990

Чертеж земель монастыря Новый Иерусалим в XVII веке. – там же, 1993.

Новый Иерусалим на Истре. — «Глаголы жизни», **1992**, №2

ФИЛОСОФ (глава из романа **«Усадьба»**). — «Бежин луг», **1995**, №6 (13), **ПРАЗДНИК** (глава из романа **«Усадьба»**). — «Детская роман-газета», **1996**, №6

Гонения на Церковь в России в XVIII веке. — «Москва», **1996, №1,** стр. 198-203

Патриарх Никон. — «Москва», **1996**, № 5, стр. 187-195

Библейские общества в России. — «Москва», **1996,** №9, стр. 192-208, [Михаил Кригер]

Расколы древние и новые. — «Москва», **1996**, № 12. стр. 190-204.

Художественное убранство Собора в Новом Иерусалиме. – ЖМП, 1997, №10

Иван Грозный в книге «Самодержавие духа». — «Москва», **1998,** № 8, [Г. Коробьин]

Выжидательная борьба с ересями. — «Благодатный огонь». **1998,** №1, стр.47-52) [*Михаил Кригер*].

Церковь и раскол XVII века. —Там же, **1998**, №2, стр. 3-24.

В защиту патриаршества. —Там же, 1998, №2, стр. 25-34, [Г. Коробьин]..

Языческие корни европейского сектантства. — Там же, 1999, №3, [Сергей Шаров].

Исправление богослужебных книг с XV до начала XX века. [Γ . Коробьин, Н. Михайлова] — θ книге: «Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации». Издание Сретенского монастыря, 1999, стр. 9-72

Древние чертежи. — «Наука и жизнь», **2000**, №2, стр. 69-73

Исторические очерки о старообрядчестве. — «Благодатный огонь», 2000, №4.

Русская Палестина. **Новый Иерусалим под Москвой**. — «Православный паломник», **2001**, №1, стр. 27-40.

От чего происходят названия храмов и монастырей. — Там же, 2001, №3, стр. 60-63

Начало монашества в пустынях Египта. — Там же, 2002, №1(3), стр. 33-47

Русский Афон в Крыму. — «Москва», **2002**, №9, стр. 226-235.

В те же годы статьи по церковной тематике печатались в других органах периодической печати таких как: «Радонеж», «Русь Православная», «1 сентября», «Строительная газета», «Журнал Московской Патриархии» (ЖМП) и др.

КНИГИ НЕ ОПУБЛИКОВАНЫ:

ИСТОРИЯ И ХОЗЯЙСТВО МОНАСТЫРЯ НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ.

За 240 лет (1658 - 1918). По документам архива. **– 400 стр.**

<u>Содержание:</u> Новые Иерусалимы (Кальварии) в Западной Европе. Замысел создания Нового Иерусалима на Святой Руси. **История строительства** Нового Иерусалима на Истре в XVII веке при патриархе Никоне, обрушение шатра и запустение в 1720-е годы, реконструкция при архимандрите Амвросии Зертис-Каменском в 1756-1771 годах. **Хозяйство** Воскресенского монастыря **за 240 лет**: земельные владения; монастырские крестьяне; хозяйство до и после 1764 года; капитализация, некрополь, древние чертежи, художественное убранство.

ЕРЕСИ И РАСКОЛЫ за 2000 лет христианства. – 300 стр.

<u>Содержание:</u> «Родословная» ересей и расколов в христианстве, география их распространения (карты). Раскол в России в XVII веке (происхождение). Старообрядчество. Единоверие. Сектантство в России. Церковные расколы в XX веке после революции (ИПХ, ИПЦ, «катакомбники» и «зарубежники»).

КУЛЬТУРА и ОККУЛЬТИЗМ – СИАМСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ. – 300 стр.

<u>Содержание:</u> Древняя магия. ОРАКУЛЫ - ЖРЕЦЫ - ПОЭТЫ. Возрождение оккультизма (магии) в христианской Европе. Духовно-рыцарские ордена (иоанниты и тамплиеры). Третий класс. Масоны и розенкрейцеры. Алхимики и ученые. Магические корни современной науки.

ПРОЦЕСС МАСОНИЗАЦИИ России. XVIII-XIX в.в.: Династия и Двор. Армия и флот. Войны. **Система воспитания и образования**. Учебные заведения. Салоны – Журналы – Кружки. Вольные общества. **ПИСАТЕЛИ.**

МАСОНИЗАЦИЯ ДУХОВЕНСТВА. ХРИСТЫ, СЕРАФИМЫ и КЛИКУШИ в народе, в высшем свете и в монастырях.

ГЛАВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ (по Любавскому) и РАСПАД Советского Союза. (Прибалтика, Украина, Крым, Кавказ, Поволжье, Приуралье, Сибирь, Аляска).

ИМЕНА. Имена и фамилии в России. Имена в книгах Маккавейских, в «Иудейской войне» Иосифа Флавия и в Четверовангелии.

СЛАВЯНСКАЯ ТОПОНИМИЯ ОТ ЭЛЬБЫ ДО УРАЛА.

КАТАЛОГ древних топонимов. Составлен по крупномасштабным (2 км в 1 см) картам **Германии**, **Чехии**, **Польши**, **Белоруссии**, **Украины и России** (27 областей).

АТЛАС. Картирование «ключевых» топонимов разных культур.

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ. Стратиграфия. Расселение народов. СЕТЬ торговых и религиозно-административных центров.

Наталья Михайловна Михайлова

Роман «Усадьба». 1991.

Москва. Самиздат. 2006. 190 стр. 40 илл. Тираж 100 экз.

На первой и четвёртой сторонах обложки две картины художника Александра Найдена «Былое величие» и «Усадьба» с почтовых открыток 1914 года, изданных в пользу «Общества попечения о бедных и бесприютных детях в Москве и её окрестностях»

Художественное оформление Н.М. Михайлова Компьютерная вёрстка: Н.М. Михайлова Корректор Г.А. Ярошевская Производственное обеспечение: И.И. Пигарев

ВСЕХ ПОМОЩНИКОВ БЛАДАРЮ!

ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ИЗДАТЬ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

ЛЕТОПИСЬ ЧЕТЫРЕХ ПОКОЛЕНИЙ за 120 лет, с 1880 по 2000.

По документам семейных архивов. Письма, дневники и воспоминания. Фотографии, документы, открытки и газетные вырезки.

1880 — 1920. КОНЕЦ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

Родители — первое поколение. Семья и дети второго поколения. Гимназисты, студенты и революционеры. Революция 1905. Голод, холера и сыпной тиф. Высшие Женские курсы. Рождение детей третьего поколения. Первая война с Германией. Две революции и Гражданская война.

1917 - 1940. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ДО ВОЙНЫ.

Разруха и голод в детских дневниках. **Школа 20-х.** Смерть Ленина. Коллективизация и Всеобуч. Репрессии (статистика). Рождение детей четвертого поколения.

Альбом рисунков М.П. Даева «Путешествия вокруг света» в 1918 году.

1940 — 1964. ВОЙНА и ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Эвакуация. Голод. Школа 1940-1950-х. Смерть Сталина. Оттепель. Университет.

1964 - 2004. РАЗВАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. Кипучая жизнь эпохи «застоя». Рождение детей **пятого поколения**. Путешествия. Спектакли и детские праздники. Ввод войск в Чехословакию в 1968 году. Афганистан. Чернобыль. Горбачев и «перестройка». «Холодная война» с помощью «горячих точек». Ельцин и расстрел Верховного Совета в 1993. Чечня.

РОД КОРОБЬИНЫХ. Поколенная роспись с **1408 по 2000. Брачные связи с родами:** Загряжских, Мёвес; Лансере; Лопатиных, Богдановых, Ховен и Белявских. Составители Т.Ю. Коробьина, Н. М. Михайлова и К.М. Секретёв.

Ю.А. Коробьин. Сочинения. Суд музы истории над И.С. Тургеневым. Граф Воронцов и Пушкин. Тайна имени Шекспира. Судьба последних Габсбургов.

Н.М. Михайлова. ФАЛЬСИФИКАЦИИ.

На примере «Песен Оссиана» и их дублирования в других странах («Витязь в тигровой шкуре» в Грузии; «Слово о полку Игоря» в России; «Краледворская рукопись» в Чехии).

Н.М. Михайлова. РУБЕЖИ. Направления русской колонизации (*no М.К. Любавскому*) **и распад Советского Союза.** (Прибалтика, Украина, Крым, Кавказ, Поволжье, Приуралье, Сибирь, Аляска).

Н.М. Михайлова. ТОПОНИМЫ. Поселения славян от Эльбы до Урала.

Каталог древних топонимов. **Атлас.** Стратиграфия: **наслоение топонимии** разных по времени культур и **поисковые топонимы** для их определения на современных картах. Преемственность размещения ритуальных центров за 2000 лет расселения славян

Н.М. Михайлова. ИМЕНА. Имена дохристианские (еврейские, греческие, латинские). Странности с именами в Евангелиях. Славянские имена, их исчезновение. Имена и современная топонимия славян.